«СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ»

Международная научно-практическая конференция (Орел, 12–13 октября 2023 г.)

Сборник материалов

К 30-летию принятия Конституции РФ

В двух частях
Часть 1

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2023

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

«СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ»

Международная научно-практическая конференция
(Орел, 12–13 октября 2023 г.)

Сборник материалов

К 30-летию принятия Конституции РФ

В двух частях
Часть 1

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2023

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
С56

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев (председатель);
кандидат юридических наук, доцент А.В. Гришин (заместитель председателя);
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семёнов;
кандидат юридических наук, доцент Ю.П. Якубина; С.А. Лукьянчикова;
кандидат юридических наук О.А. Ветрова (ответственный секретарь)

С56 **«Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная научно-практическая конференция (Орел, 12–13 октября 2023 г.)** : [к 30-летию принятия Конституции РФ : сборник материалов] / редкол.: К.В. Муравьев [и др.]. – В двух частях. Часть 1. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023. – 253 с.

ISBN 978-5-88872-310-4
Часть 1
ISBN 978-5-88872-312-8

В сборник включены статьи профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, докторантов, адъюнктов и аспирантов, представленные для участия в Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (Орел, 12–13 октября 2023 г.).

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-312-8 (часть 1)
ISBN 978-5-88872-310-4

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023

Содержание

Абрамова Л.Л.
К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ …….7
Авдеев В.Н.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА ……13
Акиев А.Р.
СЕМЬЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ……..17
Алекперов Р.Р.
О ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ
ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, ХРАНЯЩИХСЯ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ
«БЛОКЧЕЙН», ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ …….22
Анешева А.Т.
УНИЧТОЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, ХРАНИТЬ ВЕЧНО ……..26
Антонова Е.А.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ
СЛУЖБ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ РАСКРЫТИЮ, РАССЛЕДОВАНИЮ
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ……..32
Арчукова А.А.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
ПО ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ ……35
Аскаров М.М.
РОЛЬ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ……..……37
Бадиков Д.А.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ ……..……42
Баранчикова М.В., Баумштейн А.Б.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФИСКАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ …….50
Беляевский М.С.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ
В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ ……..54
Бициев З.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 314.1 УК РФ ……59
Боева М.А.
К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ……64
Бондаренко А.А.
ИЗМЕНЕНИЕ И ДОПОЛНЕНИЕ – САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ
КОРРЕКТИРОВКИ ОБВИНЕНИЯ ……68
Брянская Е.В.
ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ ……72
Быстрова Ю.В.
ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ ……..76

Ветрова О.А.
ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАСКРЫТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ……80
Выходов А.А.
К ВОПРОСУ ОБ АЛГОРИТМЕ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЬЯМИ ДЕЯНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ……85
Гаврилов Б.Я.
О ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ……90
Гарина О.В.
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ СУДЕБНИКОМ 1497 Г., СОВРЕМЕННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ……..96
Голубовский В.Ю.
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ……100
Горкина Е.В., Сафонова Ю.С.
СООТНОШЕНИЕ ЗАЛОГА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ……105
Грибунов О.П.
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ОЦЕНКА ПРАКТИКА И УЧЕНОГО ……..108
Гришин Д.А.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ …….114
Денисова М.Д.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА, ЗАТРАГИВАЕМЫЕ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……119
Джелали Т.И.
ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ……122
Диденко Н.С., Фисаков М.Ю.
К ВОПРОСУ ОБ ИЗБРАНИИ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ……127
Ермакова А.Л.
РАЗРЕШЕНИЕ ХОДАТАЙСТВА О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ……..131
Екимцев С.В.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПО РАСКРЫТИЮ ФАКТОВ МОШЕННИЧЕСТВА …….136
Ефремова О.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……142

Замуруева Е.Ю.
СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРЕДПОЛАГАЕМОМУ НАКАЗАНИЮ КАК ТРЕБОВАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ……146
Калачева А.В.
К ВОПРОСУ О ДОКТРИНАЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ КАТЕГОРИИ «ОРГАН ДОЗНАНИЯ» ……...152
Калюжный А.Н.
МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ, НЕКОММЕРЧЕСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА ……157
Качалов Е.В.
ВИДЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ……162
Колычева А.Н., Хромова Е.П.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НАНЕСЕНИЯ ПОБОЕВ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ ……..167
Колбасина Е.Е., Москаленко Д.А.
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ……..172
Коновалов П.Н.
ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ОХРАНЯЕМУЮ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ ТАЙНУ, В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ……..177
Коробкова Е.Е.
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ……186
Костина М.И.
К ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ……190
Косых В.А.
МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ …192
Кузнецов Д.Ю.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……..196
Кунц Е.В.
ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ ……...200
Кушнарева А.Г.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ……205
Лежейко П.В., Чаплыгина В.Н.
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ И ФАКТОРЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ЕЕ РАЗВИТИЕ ……209

Лисицын А.Г.
ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД ……216
Лукьянчикова С.А.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАННЫХ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ……219
Марковичева Е.В.
ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ……223
Медведева И.Н.
ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ И ОБВИНЯЕМЫМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ИЗБРАНЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ……226
Миронова А.В., Мандрыка Ю.С.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ……231
Миронова Г.А., Виноградова В.А.
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……..234
Мовсисян А.Г.
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НАЛОЖЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……..240
Можаева И.П., Шульгин Е.П.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ……..244
Морозова Н.В.
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЗНАЧИМЫХ АСПЕКТАХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГОЛОСА В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ……250

Абрамова Л.Л.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Рассматриваются проблемные вопросы регламентации процессуального статуса следователя, проводится сравнительный анализ действующего и ретроспективного законодательства в данной области. Обращено внимание на несовершенство современного законодательства, касающегося процессуальной компетенции следователя. Предложены векторы реформирования органов предварительного следствия на основе принципа преемственности.

Следователь остается участником уголовного судопроизводства, который с момента его учреждения и определения правового положения в системе государственных органов постоянно притягивает к себе внимание ученых. Положение названного субъекта в уголовном процессе является важнейшим социальным индикатором, демонстрирующим эффективность воздействия государства на общественные отношения. Функционирование демократического правового государства диктует потребность постоянного мониторинга проблем законодательного регулирования деятельности следователя, его взаимоотношений с руководителем следственного органа, начальником органа дознания, прокурором и судом, исследования многообразных негативных проявлений и различных концептуальных подходов к содержанию рассматриваемого процессуального института, поиска оптимальных вариантов организационного обеспечения функции предварительного следствия в государственном механизме. Это особенно важно, учитывая современное состояние законотворческого и правоприменительного процессов, отличающихся, с одной стороны, нестабильностью действующего законодательства, поспешным и не всегда продуманным его приведением в соответствие с реалиями социально-экономического развития страны, с другой – характеризующихся определенными изъянами, сопровождающими систему органов уголовной юстиции (высокая текучесть кадров, низкий уровень профессионализма, значительная нагрузка, слабое материально-техническое обеспечение и многое другое), влекущими ослабление государственного механизма реализации процессуальных решений в уголовном процессе.

Сразу оговоримся, что целью настоящей работы не ставилось восстановление в хронологическом порядке всех этапов становления процессуального статуса следователя либо рассмотрение исчерпывающего перечня его полномочий. Задача – отметить наиболее острые, по нашему мнению, проблемы современной регламентации деятельности следователя. И коль скоро в названии данной статьи упомянут ставший популярным,

особенно в образовательной среде, термин «компетенция», тем очевиднее потребность комплексного восприятия указанной категории.

Так, общеизвестно, что компетенция означает круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлён. Термин употребляется в различных областях жизнедеятельности человека, чем и обуславливается его довольно многообразная интерпретация с учетом различных аспектов социальной жизни человека. Полагаем интересным оттолкнуться именно от упомянутой ранее сферы образования, где компетенции, а точнее их сформированность, являются основным результатом процесса обучения наряду с приобретаемыми знаниями, умениями, навыками, ценностными установками, опытом деятельности[1].

Однако в юриспруденции компетенция обозначается как совокупность установленных полномочий, прав и обязанностей какого-либо субъекта правоприменения (органа или должностного лица). Таким образом, она определяет его местоположение в системе государственных органов. Содержание понятия «компетенция» включает в себя такие элементы, как: предмет ведения (круг объектов, явлений, действий, на которые распространяются полномочия); права и обязанности, полномочия; ответственность; соответствие поставленным целям, задачам и функциям.

В уголовно-процессуальной науке анализируемой категории уделяется не менее пристальное внимание. В учебном пособии под редакцией А.А. Чувилева содержание «компетенции» рассматривалось во взаимосвязи таких понятий, как «подследственность» и «процессуальные полномочия». По мнению авторов, все органы дознания обладают равными полномочиями, но действуют в пределах своей компетенции [2, с. 72].

Как считают В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева, компетенция представляет собой многоаспектное сложное понятие, содержание которого включает основные характеризующие его элементы: полномочия, подследственность, юрисдикцию [3, с. 348].

Д.С. Мерлаков заключает, что пределы компетенции в уголовно-процессуальном смысле – это совокупность процессуальных полномочий и их содержания, ограниченных такими элементами, как конкретные права и обязанности, подследственность, юрисдикция, выражающие некую границу, отделяющую область правового от неправового, и обусловливающие крайность применения норм уголовно-процессуального закона [4, с. 62].

Все вышесказанное подчеркивает, на наш взгляд, тот факт, что регламентация процессуальной компетенции следователя в уголовном процессе ангажирована моделью уголовного судопроизводства в целом и проецируется через организационно-структурное построение органов, осуществляющих функцию предварительного следствия в государственном

[1] Системное толкование термина «компетенция» приводится из понятия «образование», данного в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ [1].

механизме, в частности. Однако возникает вопрос: полностью ли соответствуют регламентированные в действующем законе полномочия следователя как участника уголовного процесса реальному положению дел, его действительному правовому статусу? Представляется, что ответ на данный вопрос – отрицательный. Полагаем, что большинство «пороков» функционирования современной уголовной юстиции состоит в дефективности организационно-структурного построения органов, осуществляющих функцию предварительного расследования в системе разделения властей. К такому выводу приводят следующие аргументы.

Главной идеей реформирования следственных органов как при Петре I, так и при Александре II являлось формирование вневедомственных и независимых органов расследования. 6 июня 1860 г. Император Александр II утвердил Учреждение Судебных Следователей, в котором осуществилось одно из важнейших положений – отделение от полиции следственной части и подчинение её судебному ведомству. В основу был положен принцип независимости судебного следователя от местной администрации. Судебные следователи находились под контролем прокурора и в иерархической подчинённости окружному суду и судебной палате, однако последующему воплощению в жизнь реформ 1860–1864 гг. воспрепятствовала Первая мировая война 1914–1918 гг., а затем Октябрьская революция 1917 г. Большевистскими декретами были упразднены институты судебных следователей, прокуратура, адвокатура и вся судебная система Российской империи. Дальнейшее существование следственного аппарата было связано с периодическими перераспределениями функции предварительного следствия между прокуратурой и органами внутренних дел. Справедливо пишет С.Б. Россинский, оперируя категориями «компетенция» и «полномочия». Он отмечает, что в Российской Федерации под влиянием различных факторов сформировалась особая национальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая слияние следственных полномочий с полицейскими, относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств [5, с. 67].

Необходимость реорганизации предварительного следствия осознаётся и на современном этапе. Достаточно отметить Концепцию судебной реформы в РСФСР, принятую Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г. (далее – Концепция) [6]. Но если в 1860 г. преобразования начали с предварительного следствия и дознания, то в Концепции большая часть нововведений касалась деятельности суда. Немаловажно вспомнить, что согласно Уставу уголовного судопроизводства должность судебного следователя приравнивалась к должности члена уездного суда, он пользовался тем же служебным положением и судейской несменяемостью (ст. 79) [7].

Безусловно, преобразования в судебной системе были необходимы. Однако некоторые задачи судебной реформы все же касались деятельности

предварительного следствия. В Концепции отмечалось, что действующим законодательством не обеспечена процессуальная самостоятельность следователя. Подчёркивалось, что самостоятельность следователя и его личная ответственность за проведение следствия должны отличать следователя от чиновника администрации, являться необходимым условием успешности и законности расследования дела, что провозглашённая действующим законом процессуальная самостоятельность следователя есть декларация, лишённая реальных гарантий.

Итак, какие же изменения произошли с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), вступившего в силу с 01.07.2002 [8]? Нельзя не отметить, что построение следственного аппарата оказалось лучше досоветского. Согласно ст. 10 Конституции РФ государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Что касается законодательной и судебной власти, данное положение соблюдено. Но в части исполнительной ветви, к коей фактически относятся следователи системы МВД и ФСБ, которые фактически (как минимум организационно) находятся в подчинении начальников органов дознания, их процессуальная самостоятельность остается вопросом. Следователям приходится учитывать интересы ведомств, в которых они служат, что может приводить к решениям положительным для статотчетности, но расходящимся с их внутренним убеждением [9, с. 21]. Таким образом, построение следственного аппарата при нахождении судебных следователей под юрисдикцией суда следует признать наиболее предпочтительным по следующим причинам. Во-первых, судебные следователи не находились в таком процессуальном подчинении, как следователи в наши дни, а во-вторых, это положение соответствовало концепции разделения властей.

Еще одно противоречие: судебный следователь не относился к участникам стороны обвинительной власти. Это справедливо, поскольку он должен быть объективен. Согласно действующему УПК (п. 47 ст. 5) он является одним из ключевых представителей стороны обвинения, при этом законодатель в число подлежащих доказыванию обстоятельств включает исключающие преступность и наказуемость деяния обстоятельства, смягчающие наказание, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Исходя из такого набора, логичнее заявить, что следователь выполняет элементы функции участников со стороны защиты.

Если сравнивать права следователя с регламентацией его компетенции на первоначальной стадии уголовного процесса, то обращает на себя внимание тот факт, что изначально по УПК РФ он был лишён права самостоятельно возбуждать уголовное дело. Для этого требовалось согласие соответствующего прокурора. Правоприменительная практика со всей оче-

видностью доказала нерациональность данного процессуального положения, нормы в этой части были подвергнуты критике. В 2007 г. редакция УПК РФ, в частности ст. 37 УПК РФ, была существенно преобразована. Безусловно, это не могло не коснуться процессуальной компетенции следователя. Ему вновь вернулось право на самостоятельное принятие решения о начале расследования. Однако теперь полномочия процессуального контроля по многим вопросам переданы руководителю следственного органа. Например, закон закрепляет обязательность исполнения указаний руководителя следственного органа по уголовному делу. Только в отдельных случаях обжалование не приостанавливает их исполнения. При несогласии с указаниями спор разрешает руководитель вышестоящего следственного органа, использующий свой административный ресурс, его установкам следователь обязан подчиниться беспрекословно.

Особо обращает на себя внимание тот факт, что если прокурор возвращает уголовное дело для дополнительного следствия или дает указания и с этим согласен руководитель следственного органа, то следователь, в принципе, лишен права обжалования указанного решения прокурора. Полагаем, что это положение прямо противоречит идее процессуальной самостоятельности следователя, которая должна полностью исключать процессуальное подчинение следователя административным начальникам.

Это лишь верхушка айсберга, вскрывающего целый комплекс проблем, связанных с процессуальной компетенцией следователя. Здесь можно было бы рассуждать о расширении круга решений прокурора об отмене решений следователя, возможных для обжалования следователем. Вызывает несогласие положение о том, что в действующей процессуальной форме решение, вынесенное в порядке судебного контроля, не позволяет следователю и руководителю следственного органа обжаловать его. Считаем возможным дополнить перечень субъектов, наделенных правом обжалования судебных решений, органами расследования. Требует решения проблема возможности обжалования следователем в суд недобросовестных действий адвоката защитника.

Большое внимание в период реформ 1860–1864 гг. уделялось вопросу материального обеспечения следователя. Социальный статус следователя был достаточно высоким и практически не отличался от статуса судьи. Если его соотносить с современным положением следователя, состоящего на службе при органах внутренних дел, то приходится констатировать существенную разницу. Для сравнения, следователь МВД России получает денежное довольствие 40-50 тыс. рублей, судья – в три раза больше (данные приведены по территории Красноярского края).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что имеется настоятельная потребность совершенствования системы следственного аппарата и возрождения соответствующего процессуального статуса следователя. При этом исторический опыт должен быть приоритетным. Есть мнение, что преоб-

разования должны проводиться в векторе формирования вневедомственной модели предварительного следствия путём слияния всех следователей в едином органе [10, с. 10–15, 59]. Хотелось бы надеяться, что законодатель не остановится на достигнутом, дабы обеспечить эффективное и объективное предварительное расследование.

1. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ: в ред. от 04.08.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие / под ред. А.А. Чувилева. М., 1986. 148 с.

3. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2006. 560 с.

4. Мерлаков Д.С. Пределы компетенции органа дознания при принятии решения по сообщению о преступлении // Законодательство и практика. 2021. № 1(46). С. 62–64.

5. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М., 2019. 192 с.

6. О Концепции судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс]: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Учреждение судебных установлений [Электронный ресурс], утв. 20 ноября 1864 года Императором Александром II. URL: https://constitution.garant.ru/history (дата обращения: 26.08.2023).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 дек.

9. Муравьев К.В., Писарев А.В. Участники уголовного судопроизводства: учебное пособие. Омск, 2011. 104 с.

10. Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию учреждения должности судебного следователя и памяти выдающегося историка российской юриспруденции Дмитрия Олеговича Серова (Москва, 24 сентября 2020 г.) / под общей редакцией Д.Н. Кожухарика. М., 2020. 249 с.

Сведения об авторе

Абрамова Любовь Леонидовна. Кандидат юридических наук. Начальник кафедры уголовного процесса.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

Ключевые слова: следователь, компетенция, полномочия, подследственность, процессуальный статус, процессуальная самостоятельность.

Авдеев В.Н.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В статье рассматриваются некоторые аспекты правового регулирования домашнего ареста в качестве меры пресечения. Автор, анализируя положения ст. 107 УПК РФ, судебную практику Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции, а также мнения ученых, выделяет сущностные признаки домашнего ареста, одним из которых является полная изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования законодательства в части применения данной меры пресечения в ходе дознания.

В России домашний арест в качестве меры пресечения впервые нашел официальную нормативную регламентацию в Своде законов 1832 г., хотя отдельные ученые-процессуалисты видят зачатки таковой еще в XVII в. [1, с. 11] В дальнейшем данная принудительная мера нашла закрепление в УУС 1864 г., УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.

В принятом в 1960 г. Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) РСФСР домашнему аресту места не нашлось, видимо, из-за того, что в предшествующие годы он практически не находил своего применения.

Возращение указанной меры пресечения связано с принятым в декабре 2001 г. УПК РФ, что было обусловлено курсом на гуманизацию российского уголовного процесса, в том числе в части сокращения количества содержащихся под стражей лиц [2, с. 3].

В данном случае домашний арест, несмотря на то, что в ходе его применения по своей сути происходит ограничение фундаментального права на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), по отношению к заключению под стражей все же является более мягкой мерой пресечения. Следовательно, домашний арест предложен правоприменителю в качестве альтернативы заключения под стражу.

По данным, предоставленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, началом применения рассматриваемой меры стал 2004 г., в рамках которого имело место 838 случаев избрания таковой.

В дальнейшем количество таких случаев с учетом формирующейся практики и изменений закона продолжило последовательно расти. Так, уже в 2014 г. из 3783 ходатайств следователей (дознавателей) об избрании домашнего ареста судами были удовлетворены 3333 [3].

В 2022 г. органами уголовного преследования, соответственно, было заявлено 8563 таких ходатайства, из которых было удовлетворено судами 7407 [4].

С учетом сложившейся тенденции можно констатировать, что с каждым годом домашний арест становится все более реальной альтернативой заключению под стражу.

До внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ в правовую характеристику домашнего ареста входило указание на полную или частичную изоляцию об общества.

В настоящее время соответствующее указание – в предписаниях ст. 107 УПК РФ. Поэтому в юридической литературе рядом авторов вполне обоснованно отмечается, что рассматриваемая мера пресечения предполагает постоянное нахождение обвиняемого (подозреваемого) в жилище [5, с. 26–29; 6, с. 21–25].

В противном случае отсутствует возможность разграничения между собой таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий (ст. 105.1 и 107 УПК РФ). Разрешение прогулок, выходы из жилища при наличии уважительных причин допускаются лишь в рамках последней из названных мер пресечения [7, с. 20].

По своей сути, на указанное обращает внимание и Конституционный Суд РФ, отметив, что законодатель ввел запрет определенных действий в качестве меры пресечения, исключив одновременно из ч. 1 ст. 107 УПК РФ упоминание «о домашнем аресте в условиях частичной изоляции от общества» [8].

По указанному пути в значительной своей части идет и судебная практика. Так, например, в апелляционном решении Орловского областного суда отмечается, что домашний арест состоит в изоляции лица от общества и оно должно находиться в своем жилом помещении [9].

В решении Третьего кассационного суда обшей юрисдикции от 07.06.2022 констатируется, что УПК РФ не предоставляет в рамках домашнего ареста право покидать жилое помещение и, как следствие этого – право на совершение ежедневных прогулок – иначе отсутствует изоляция обвиняемого от общества (имеется возможность согласовать защитную версию с соучастниками, принять меры к уничтожению доказательств) [10].

В то же время высказывается и противоположная позиция. Так, по мнению С.С. Юрьева и П.Е. Короткова, «суд не только имеет право, но и обязан устанавливать условия, обеспечивающие право лиц, подвергнутых домашнему аресту, на охрану здоровья» [11, с. 10–11].

В судебной практике также продолжают иметь место судебные решения, в которых с учетом данных о личности обвиняемых (подозреваемых), в том числе их состоянии здоровья, при домашнем аресте разрешаются ежедневные прогулки с соблюдением возложенных ограничений [12]; выход для приобретения лекарственных препаратов и получения

медицинской помощи [13]; посещение медицинских учреждений при наличии оснований [14].

В п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2013 № 41 отмечается, что изложенные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ условия относительно вида и размера наказания к домашнему аресту не имеют отношения, поскольку не предусмотрены в ст. 107 УПК РФ [15].

Это, конечно, не означает, что таковой может быть применен и в отношении лиц, совершивших преступления, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Избрание обвиняемому (подозреваемому) домашнего ареста возможно только при условии обеспечения «соразмерности данной меры пресечения целям ее применения, а значит, по общему правилу должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы» [16].

Указанное Пленумом Верховного Суда РФ положение, как представляется, означает возможность избрания домашнего ареста в отношении лиц, к которым заключение под стражу по общему правилу неприменимо.

Согласно ч. 2 ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается сроком на 2 месяца. Его дальнейшее продление происходит в порядке ст. 109 УПК РФ при невозможности окончания предварительного следствия в указанный срок и отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения.

В то же время при дознании согласно ч. 4 ст. 224 УПК РФ заключение под стражу может применяться до 30 суток. Дальнейшее продление данного срока производится судьей районного (военного суда соответствующего уровня) суда в пределах 6 месяцев (ч. 2 ст. 109 и ч. 4 ст. 224 УПК РФ).

В рассматриваемой ситуации указанное предписание должно распространяться и на срок домашнего ареста. В этой связи представляется необходимым дополнить ч. 2 ст. 107 УПК РФ следующим предложением: «В ходе дознания домашний арест в качестве меры пресечения применяется с учетом положений, установленных ст. 224 настоящего Кодекса».

В завершение рассмотрения указанных вопросов необходимо определить следующие основные сущностные признаки домашнего ареста в качестве меры пресечения:

1) избирается на основании судебного решения;

2) учитывается невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения;

3) обвиняемый (подозреваемый) изолируется от общества в жилом помещении (в лечебном учреждении – с учетом состояния здоровья), а не в специализированном учреждении;

4) как правило, отсутствует изоляция от совместно проживающих с ним лиц;

5) сопровождается возможностью возложения полностью или выборочно запретов, указанных в пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а именно: на общение с определенными лицами, на отправление и получение почтово-телеграфных отправлений, на использование средств связи и сети Интернет;

6) осуществление контроля за нахождением лица в месте исполнения меры пресечения и за соблюдением указанных выше запретов уполномоченным органом исполнительной власти (уголовно-исполнительной инспекцией).

---

1. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.

2. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 181 с.

3. Статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www/cdep/index.php.

4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645.

5. Федотов И.С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26–29.

6. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21–25.

7. Осодоева Н.В. Некоторые вопросы, возникающие при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2022. № 6. С. 18–22.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 30.09.2021 № 2121-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное постановление Орловского областного суда [Электронный ресурс]: от 03.08.2018 по делу № 22к-956/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]: от 07.06.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Юрьев С.С., Короткова П.Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 10–11.

12. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]: от 14.11.2019 № 77-3/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]: от 29.01.2020 по делу № 77-86/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное постановление Московского городского Суда № 10-186260/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19.12.2013 № 41: в ред. от 11.06.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 22.03.2018 № 12-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Авдеев Виктор Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры уголовного процесса.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

236006, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30.

Ключевые слова: домашний арест, заключение под стражу, мера пресечения, альтернатива, изоляция от общества, сроки, сущностные признаки.

Акиев А.Р.

СЕМЬЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследование понятий «семья» и «член семьи» из различных отраслей права позволило констатировать, что каждая из них в зависимости от целей правового регулирования и сферы решаемых задач дает им соб-

ственное толкование. На основе проведенного анализа дефиниций «семья» выделены наиболее значимые признаки семьи, которые необходимо учитывать при криминалистическом изучении семейных отношений в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Предложено авторское определение «семьи» как объекта криминалистического исследования.

Значимость семьи как социального института и необходимость ее охраны закреплены в ряде норм Конституции Российской Федерации (ст. 7, 38, 72) и международных правовых актах. Положения о необходимости поддержки и охраны института семьи дублируются и в отдельных отраслях российского законодательства. При этом каждая из отраслей права в зависимости от целей правового регулирования и сферы решаемых задач по-своему трактует термин «семья». Данное обстоятельство во многом связано с отсутствием в российском законодательстве единой нормативной дефиниции «семья».

Указанная понятийная неопределенность создает трудности и для правоприменительной деятельности, в том числе связанной с определением объекта уголовно-правовой охраны гл. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и последующим раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений против семьи, а также для их криминалистического изучения и описания, разработки рекомендаций по повышению эффективности и результативности следственной работы.

Не ставя задачу выработки универсального понятия «семья» для различных отраслей российского права, проанализируем отдельные законодательные и доктринальные дефиниции этой правовой категории, с целью выделения наиболее значимых признаков рассматриваемого социального объединения и его определения, как объекта криминалистического исследования.

Семейное законодательство, достаточно часто оперируя термином «семья» (например в ст. 1, 2, 4, 7, 15, 22, 31 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) и др.), не дает его нормативного определения. В «Национальном стандарте Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения» содержится следующее понятие «семьи» – «это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно, как правило, проживающие и ведущие совместное хозяйство» [1]. Практически идентичное определение содержится в письме Минфина России от 29.01.2018 № 03-04-05/4896 и Федеральном законе от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», с единственной оговоркой, исключающей вариативность признака «совместного проживания».

В российском законодательстве также нет единого подхода к определению понятия «родственные отношения», а также лиц, являющихся членами семьи. Так, в ст. 2 СК РФ законодатель относит к членам семьи родителей и детей, а также усыновителей и усыновлённых и выделяет иных участников семейных отношений в лице родственников (близких родственников – ст. 14 СК РФ) и иных лиц, которые четко не называются. При этом нормы гл. 15 СК РФ, регулирующие порядок исполнения алиментных обязательств, относят к членам семьи, наравне с родителями и детьми, братьев и сестер, дедушек и бабушек, пасынков, падчериц, отчима, мачеху и воспитанников. Отметим, что, относя к членам семьи указанных лиц, законодатель исходит не только из наличия между ними брачных или родственных связей, но и в отдельных случаях исходит из наличия между ними «семейных отношений», связанных с воспитанием и содержанием несовершеннолетних детей (воспитанники и их воспитатели).

Попытки определить круг лиц, являющихся членами семьи, для собственных целей предприняты в гражданском, гражданско-процессуальном, социальном и жилищном законодательстве. Помимо этого, определение членов семьи (лиц, входящих в круг членов семьи) дается в ряде других законодательных актов. Например, в ст. 20 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» членами семьи судьи признаются его дети, в том числе усыновленные, братья, сестры и внуки, супруг (супруга), родители, дедушка, бабушка. Отличие перечисленных и ряда других нормативных актов заключается лишь в расширительном или ограничительном толковании понятия «член семьи».

Синонимичные категории «близкие родственники» и «близкие» содержатся в отдельных нормах уголовного законодательства Российской Федерации. Разъяснения относительного того, кого понимать под данными категориями, для целей отдельных норм УК РФ, даны в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2; 3]. В них под «близкими» понимаются близкие родственники и иные лица, состоящие в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги лицу в силу сложившихся личных отношений.

Для целей уголовного судопроизводства законодатель также определил круг участников семейных отношений, нормативно закрепив в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) категории «родственники», «близкие родственники» и «близкие лица». Из содержания указанных понятий следует, что к категории «близкие родственники» относятся супруги, их дети и родители супругов, а также усыновители и усыновленные; к «родственникам» – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве; к иным «близким лицам» – лица, за исключением родственников и близких родственников, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, и лица, чья жизнь,

здоровье и благополучие дороги потерпевшему, свидетелю в силу личных отношений.

В юридической литературе также представлены различные подходы к определению понятия «семья»:

– «…круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений» [4, с. 42];

– «… основанное на браке или родстве объединение лиц, связанных между собой взаимными личными и имущественными правами и обязанностями, взаимной моральной и материальной общностью и поддержкой, рождением и воспитанием потомства, ведением общего хозяйства» [5, с. 46] и так далее.

Анализ изученных нормативных и доктринальных дефиниций позволяет выделить ряд признаков семьи, которые необходимо учитывать при криминалистическом изучении семейных отношений, особенности которых получают отражение в механизме преступлений, посягающих на семью или ее членов, а также посткриминальном поведении членов семьи в позитивном или негативном криминалистических аспектах.

Как известно, криминалистика во многом изучает предметы и явления, относящиеся к ее объекту, с позиции системно-деятельностного подхода. В этой связи семья с криминалистической точки зрения – это, прежде всего, объединение лиц, находящихся в правовых и иных близких связях, и отношениях между собой, имеющих криминалистически значимые особенности при выделении и описании объекта, субъектов и жертв преступных посягательств против семьи (ее отдельных членов) или внутри семьи, способов совершения и сокрытия таких преступлений, места, времени и обстановки их совершения и т.д.

К числу связей и отношений, позволяющих характеризовать определенное объединение лиц как семью, в криминалистических целях необходимо относить:

брак – как правовая связь между лицами, вытекающая из юридически оформленного в органах регистрации актов гражданского состояния брачного союза между мужчиной и женщиной;

родство (полнородное и неполнородное) – как биологическая и правовая связь между лицами;

свойство – как опосредованная правовая связь между родственниками супругов;

усыновление (удочерение) – как правовая связь, вытекающая из юридически оформленного в органах регистрации актов гражданского состояния факта усыновления (удочерения) несовершеннолетнего ребенка;

иные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью: опека и попечительство, приемная семья, патронатная семья и гостевая семья (правовая связь, вытекающая из юридически оформленного договора);

фактическое воспитание несовершеннолетних;

новый брачный союз одного из родителей, с которым проживает несовершеннолетний ребенок (отношения отчима, мачехи, пасынка и падчерицы);

религиозный брак, предполагающий создание семьи без юридической регистрации брака на основе религиозных норм и традиций;

иное сожительство, то есть фактические семейные отношения без юридической регистрации брака между мужчиной и женщиной, включая совместное проживание и другие отношения с детьми кого-либо из сожителей.

Изложенное позволяет сделать вывод, что, как объект криминалистического исследования, семья должна рассматриваться в широком смысле как объединение лиц, находящихся между собой в различных родственных, правовых, религиозных, национальных, традиционных или иных отношениях, признаваемых или оцениваемых государством и обществом как семейные. Эти обстоятельства необходимо учитывать при криминалистическом исследовании семьи, преступлений против семьи, внутри семьи или отдельных членов семьи, связанных (обусловленных) особенностями семейных связей и отношений.

---

1. ГОСТ Р 52495-2005. «Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения», утв. приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27.01.1999 № 1.

3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01.06.2023 № 14 и др.

4. Советское семейное право: учеб. / под ред. В.А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1982. С. 42–43.

5. Матвеев Г.К. Советское семейное право: учеб. М.: Юрид. лит., 1985. С. 46–48.

Сведения об авторе

Акиев Арби Русланович. Кандидат юридических наук. Начальник кафедры криминалистики.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Ключевые слова: дефиниция, семья, член семьи, родственные отношения, объект исследования, криминалистическое значение понятия семьи, преступная деятельность против семьи.

Алекперов Р.Р.

О ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, ХРАНЯЩИХСЯ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ «БЛОКЧЕЙН», ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящей публикации исследуется вопрос допустимости и достоверности доказательств при получении органом уголовного преследования информации, хранящейся с помощью технологии «блокчейн». На разрешение ставится вопрос о необходимости направления международных запросов об оказании содействия в части получения сведений о собственнике кошелька, хранящегося на криптовалютной бирже, зарегистрированной в иностранном государстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела [1].

Процесс доказывания – это урегулированная уголовно-процессуальным законом деятельность органов, ведущих уголовный процесс, при участии других субъектов процесса по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела [2, с. 249].

Каждое доказательство по уголовному делу подлежит оценке органом, ведущим уголовный процесс, с точки зрения его относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ст. 105 УПК РБ).

Доказательства являются допустимыми, если они получены из предусмотренных законом источников, перечисленных в ч. 2 ст. 88 УПК РБ [3, с. 290]. Таковыми являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в том числе их звуко- и видеозапись; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний, протоколы судебных заседаний, материалы оперативно-разыскной деятельности, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Достоверными считаются доказательства, которые соответствуют объективной реальности, действительности.

Следует учитывать, что согласно ч. 3 ст. 88 УПК РБ доказательства, полученные на территории иностранного государства по просьбе органа, ведущего уголовный процесс, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности или в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, заверенные и переданные в установленном порядке этому органу, имеют такую же юридическую силу, как если бы они были получены на территории Республики Беларусь. Указанная норма допускает возможность использования фактических данных, полученных экстерриториальным способом, в качестве доказательств по уголовному делу. При этом такие доказательства также подлежат оценке органом, ведущим уголовным процесс. Вместе с тем они считаются допустимыми только если получены не на территории Республики Беларусь по соответствующей просьбе органа, ведущего уголовный процесс.

В настоящее время развитие общества отмечается глобальной информатизацией. Это детерминирует рост преступлений с использованием компьютерных средств. Внедрение современных информационных технологий практически во все области человеческой деятельности привело к тому, что с помощью компьютерных средств и систем совершаются как преступления против компьютерной информации, так и традиционные (мошенничество, фальшивомонетничество, лжепредпринимательство и др.) [4]. Преступления, связанные со взяточничеством, уклонением от уплаты сумм налогов и сборов, легализации средств, полученных преступным путем, совершаются в том числе с помощью применения технологии «блокчейн» и связанного с ней оборотом криптовалюты.

Большинство из пользователей хранят криптовалюту в цифровых кошельках, размещенных на специализированных криптовалютных биржах – платформах, где, как правило, верифицированные физические лица

или компании могут хранить, покупать, продавать и торговать криптовалютой [5].

В процессе расследования преступления, связанного с оборотом криптовалюты, орган уголовного преследования может получить доступ к криптовалютным кошелькам, принадлежащим подозреваемым либо обвиняемым (либо иным лицам), и получить информацию, имеющую значение для уголовного дела. В силу ч. 3 ст. 88 УПК РБ это детерминирует необходимость направления соответствующего международного запроса в части получения данных о собственнике конкретного криптовалютного кошелька.

В процессе расследования уголовного дела о преступлении, связанном с оборотом криптовалюты, орган уголовного преследования может получить доступ к криптовалютным кошелькам, размещенным на зарубежных криптовалютных биржах и принадлежащим подозреваемым либо обвиняемым (либо иным лицам), и получить информацию, имеющую значение для уголовного дела. В силу ч. 3 ст. 88 УПК РБ это детерминирует необходимость направления соответствующего международного запроса в части получения данных о собственнике конкретного криптовалютного кошелька. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности направления вышеуказанного запроса с учетом того, что, во-первых, это требует определенных временных затрат, что не способствует быстрому расследованию преступлений, а во-вторых, современная геополитическая ситуация порождает риск неполучения ответа на вышеуказанный запрос. Чтобы ответить на данные вопросы, следует проанализировать, что представляют собой технология «блокчейн» и криптовалюта.

Технология «блокчейн» – это своего рода последовательность блоков. Каждый блок в данной схеме – это информация о ряде транзакций, зафиксированная в распределенном реестре. В блоке зафиксированы все данные про конкретную транзакцию: идентификаторы отправителя и адресата, время и объем перевода [5]. Информация, записанная в последовательности блоков, представляет собой базу данных. Однако, в отличие от обычных баз данных, изменить или удалить информацию в «блокчейне» невозможно [5].

Криптовалюта является видом цифровых денег, которая построена с использованием технологии «блокчейн». Цепочка транзакций (покупка, обмен, продажа) криптовалюты хранится не в едином центре, а одновременно на всех компьютерных устройствах пользователей, участвующих в деятельности сети, что представляет собой технологию распределенных реестров и позволяет при доступе органа уголовного преследования к определенному криптовалютному кошельку получить интересуемую информацию на территории Республики Беларусь. В криптовалютных кошельках содержатся индивидуальные идентификаторы и вся историю транзакций его собственника. Индивидуальные идентификаторы позволяют осуществлять доступ к кошельку только конкретному собственнику.

Эти кошельки защищены криптографическим шифрованием, что исключает возможность фальсификации информации, содержащейся в нем [5].

Проанализированное дает возможность сделать вывод, что невозможность фальсификации информации, хранящейся на криптовалютном кошельке, а также факт того, что криптовалюты неразрывно связаны с использованием технологии распределенных реестров, позволяет считать фактические данные, полученные органом уголовного преследования при получении доступа в этот кошелек, хранящийся на криптобирже, зарегистрированной зарубежом, допустимыми и достоверными. Соответственно, факт доступа к криптовалютному кошельку, размещенному на зарубежной криптовалютной бирже, позволяет органу уголовного преследования не направлять соответствующего международного запроса.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 16.07.1999 № 295-З: с изм. от 27.07.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.Беларусь».

2. Уголовный процесс: учебник: в 2 ч. Ч. 1: Общая часть / под общ. редакцией М.А. Шостака; Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск: Академия МВД, 2023. 364 с.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / [Н.И. Андрейчик и др.]; под научной редакцией М.А. Шостака; Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск: Академия МВД, 2014. 1230 с.

4. Чаплинский А.Н. Криминалистическое исследование электронно-цифровых следов как раздел трасологии // I Минские криминалистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20.12.2018). В 2 ч. / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; [редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) и др.]. Минск, 2018. Ч. 1. С. 347–350.

5. Блокчейн: что это? [Электронный ресурс] // Интернет-проект «Coinspaid Media». URL: http://coinspaidmedia.com/ru/academy/what-is-blockchain.

Сведения об авторе

Алекперов Руслан Ракбер оглы. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Машерова, д. 6А.

Ключевые слова: доказательство, криптовалюта, блокчейн, достоверность, допустимость.

Анешева А.Т.

УНИЧТОЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Отсутствие надлежащей законодательной регламентации обращения с вещественными доказательствами в ходе уголовного судопроизводства повлекло признание Конституционным Судом РФ положений ст. 82 и ст. 240 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ. В статье также показана необходимость обеспечения возможности исследования вещественных доказательств до вступления в законную силу решения суда апелляционной инстанции с целью соблюдения конституционных принципов уголовного судопроизводства.

Нормы уголовно-процессуального закона о вещественных доказательствах неоднократно проверялись Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ). Так, в определении КС РФ от 15.02.2005 № 59-О было дано разъяснение о том, что при решении вопроса об изъятии имущества следует учитывать тяжесть преступления, особенности самого имущества, а именно его стоимость, значимость для собственника или владельца и общества, а также возможные негативные последствия его изъятия (например, его порча, уничтожение, причинение неоправданных убытков в результате невозможности использования) и иные обстоятельства, подлежащие учету дознавателем, следователем и впоследствии судом, принимающим решение о признании имущества вещественным доказательством, а также при определении возможности его изъятия и дальнейшего хранения при уголовном деле либо в другом установленном месте, или же оно может быть сфотографировано, снято на видео- или кинопленку и возвращено владельцу [1].

Далее, КС РФ в своих решениях неоднократно высказывался о том, что смысл взаимосвязанных положений ст. 81 и 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не предполагает принятие при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении одного уголовного дела решения об уничтожении предметов, запрещенных к обращению, если они также признаны вещественными доказательствами по другому уголовному делу, выделенному из первого, поскольку иное создавало бы препятствия к осуществлению судопроизводства по нему [2; 3].

В определении КС РФ от 16.12.2008 № 1036-О-П, истолковывая оспариваемую норму, придал следующий конституционно-правовой смысл

положениям п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ: при решении судьбы вещественных доказательств до вступления в законную силу приговора суда либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела дознаватель, следователь или суд обязаны исследовать вопрос о возможности иным способом, кроме изъятия имущества, признанного вещественным доказательством, обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач с учетом тяжести инкриминируемого преступления, особенности, в том числе стоимости самого имущества, а также его значимости для законного владельца и общества, и вероятности причинения ущерба доказыванию вследствие возврата данного имущества владельцу. При этом решение следователя, дознавателя и суда об отказе в удовлетворении ходатайства лица о возвращении ему имущества, признанного вещественным доказательством, должно быть оформлено соответствующим мотивированным решением [4].

Осуществляя проверку конституционности п. 1 ч. 3 ст. 81 и ст. 401.6 УПК РФ, КС РФ в постановлении от 07.03.2017 № 5-П [5], в результате исследования оспариваемых законоположений, указал, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения последнего против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено – при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

Истолковывая положения ст. 401.6 УПК РФ, высший судебный орган конституционного контроля отметил невозможность пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации по прошествии одного года со дня вступления такого решения в законную силу.

Судьей КС РФ С.М. Казанцевым высказано особое мнение «в связи с несогласием с итоговыми выводами, содержащимися в резолютивной части» исследуемого постановления о том, что уголовно-процессуальное за-

конодательство не дает определения конфискации, а содержащаяся в п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ норма имеет собственный предмет правового регулирования – институт вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Одновременно указано на то, что данная норма не противоречит и не может подменять собой нормы Уголовного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ, предопределяющими сущность межотраслевого института конфискации как принудительного безвозмездного изъятия имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления. В связи с этим, конфискация, упомянутая в п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, может рассматриваться как принудительное и безвозмездное прекращение права собственности на принадлежащее обвиняемому имущество, которое использовалось им в качестве орудия, оборудования или иных средств совершения преступления и представляет собой разновидность правоограничительной (карательной) и предупредительной (сдерживающей) меры уголовно-правовой, а не уголовно-процессуальной ответственности, понимаемой как ответственность за нарушение уголовно-процессуального права [6].

Относительно обсуждаемого решения свою позицию высказал судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке Н.А. Колоколов, который полагает, что судьба вещественного доказательства, не являющегося орудием преступления, а также предметом, запрещенным к обращению либо полученным преступным путем, а только предметом этого уголовно наказуемого деяния не может быть разрешена каким-либо из способов, указанных в пп. 1–5 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, а лишь в порядке, предусмотренном п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, то есть путем передачи ее законным владельцам, право собственности которых на данный предмет не оспаривается [7].

В.Н. Григорьев, комментируя указанное решение КС РФ, полагает, что «коль скоро Конституционный Суд не нашел какого-то иного правового смысла в действующем уголовно-процессуальном законодательстве о вещественных доказательствах и их конфискации, было бы неправильно подменять словесной эквилибристикой волю законодателя о нормативно-правовом смысле орудий преступления, подлежащих конфискации в качестве вещественных доказательств. Смысл этот сам по себе не является скрытым и споров не вызывает» [8]. Добавим от себя, что в этом же судебном акте было указано на необходимость законодательного регулирования порядка и сроков хранения вещественных доказательств по взаимосвязанным уголовным делам [9].

Представителями уголовно-процессуальной науки обозначаются наиболее значимые проблемные ситуации, сопровождающие работу следователя и суда с вещественными доказательствами. При этом их специфика, связанная с внутренними и внешними изменениями предмета в результате его взаимодействия с событием преступления, иногда приводит исследователей к выводу об особой доказательственной ценности вещественных до-

казательств. На повышенную информационную значимость вещественных доказательств для разрешения дела обращает внимание КС РФ в абз. 1 п. 4 постановления от 19.06.2023 № 33-П [9], подчеркивая при этом, что как сами вещественные доказательства, так и «производные» от них доказательства – протоколы осмотра, заключения эксперта – не имеют заранее установленной силы.

Соблюдение принципов равноправия и состязательности сторон предполагает обеспечение подозреваемых или обвиняемых по взаимосвязанным уголовным делам равными правами в исследовании вещественных доказательств – вне зависимости от наличия соответствующего процессуального статуса в деле, коррелирующем с событием и (или) предметом.

Вследствие этого КС РФ в анализируемом постановлении предписал федеральному законодателю привести в соответствие с положениями Конституции РФ нормы УПК РФ о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами.

В силу выявленных серьезных недостатков ст. 82 и 240 УПК РФ, допускающих уничтожение вещественных доказательств по взаимосвязанным уголовным делам, после вступления в законную силу приговора по одному из них, вопросы обеспечения возможности дальнейшего их исследования стали предметом рассмотрения КС РФ, который сформулировал следующие правовые позиции:

1. Об обязанности государства обеспечивать условия для непосредственного исследования хотя бы в двух инстанциях представленных сторонами доказательств в целях соблюдения конституционных принципов верховенства закона, равенства перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, а также презумпции невиновности, указав при этом, что доказательства не подлежат уничтожению (если они фактически могут быть сохранены) как минимум до завершения апелляционного производства по делу и до вступления в этой связи решения суда в законную силу.

2. Об обязанности обеспечения субъектом доказывания сохранности вещественных доказательств, в том числе с учетом их уникальности и значимости для разрешения уголовного дела и для возможного его пересмотра после отмены приговора, и возможного дальнейшего (проверочного) исследования в целях гласного, состязательного и непосредственного исследования вещественных доказательств (нового или повторного).

3. Об обеспечении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, равными с другими подозреваемыми и обвиняемыми правами по участию в исследовании вещественных доказательств – вне зависимости от того, что эти доказательства имеют процессуальный статус вещественного доказательства в другом деле о преступлении, связанном с событием и (или) предметом, в целях соблюдения конституционного прин-

ципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод.

4. О порядке (специфике хранения) вещественных доказательств, которые в силу своих индивидуальных особенностей и физических свойств (орудия преступления, вещи, сохранившие на себе его следы или ставшие предметом преступного посягательства и т.п.) не могут храниться одновременно в нескольких уголовных делах и обычно не могут быть скопированы (не сохраняют доказательственные свойства при копировании), обеспечивают режим равного его использования в разных делах, в том числе в случае приобщения выделенных из уголовного дела в отдельное производство материалов к уже существующему другому уголовному делу, равно как и в случаях выделения дела из основного или соединения с другим уголовным делом, обеспечивающим достоверность доказательств и соблюдения принципов справедливости и равенства, относящихся к существу конституционного права на судебную защиту.

Приведенные и другие правовые позиции КС РФ аккумулировали ранее данные разъяснения по вопросам обнаружения, изъятия и хранения вещественных доказательств, придав последним императивный характер, одновременно указали на необходимость законодательной регламентации порядка обращения с вещественными доказательствами по взаимосвязанным уголовным делам и обеспечения возможности их исследования до рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, а следовательно, на неопределенный срок.

---

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Запморфлот» за нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 81, части второй и четвертой статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 05.02.2005 № 59-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартиросова Е.Г. на нарушение его конституционных прав положениями статей 81, 82 и 156 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 16.07.2015 № 1596-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корнеева А.Г. на нарушение его конституционных прав положениями статей 82, 195, 198 и 206 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федера-

ции от 29.05.2019 № 1251-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. По жалобе гражданина Байкова А.А. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части четвертой статьи 56, частью первой статьи 81, пунктом 2 части второй статьи 82, статьями 119 и 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 16.12.2008 № 1036-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 07.03.2017 № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М. Казанцева на постановление Конституционного Суда от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-поисковой системы «КонсультантПлюс».

7. Колоколов Н.А. Контрабанда: конфискация имущества реанимирована? [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. 2015. № 47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Григорьев В.Н. Проблемы отнесения материальных объектов к категории предметов, подлежащих конфискации в качестве вещественных доказательств // Российское правосудие. 2018. № 1. С. 196–203.

9. По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19.06.2023 № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Анешева Амина Тулегеновна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры криминалистики.

Омская академия МВД России.

644092, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовное судопроизводство, суд первой инстанции, суд апелляционной инстанции, хранение вещественных доказательств, уничтожение вещественных доказательств, Конституционный Суд РФ.

Антонова Е.А.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЖБ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ РАСКРЫТИЮ, РАССЛЕДОВАНИЮ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматривается вопрос криминалистического обеспечения сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Подчеркивается, что без организованной системы криминалистического обеспечения выполнение задач, возложенных на данные службы и подразделения, практически невозможно.

Научные знания, накопленные криминалистикой за время своего развития, имеют практическую направленность в первую очередь для сотрудников правоохранительных органов, занимающихся раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, с целью повышения результативности и эффективности их работы.

Термин «криминалистическое обеспечение» сегодня достаточно часто употребляется как в научно-исследовательских источниках, так и в правоохранительной практике. Особенно актуален он для сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Понятие «криминалистическое обеспечение» не является чем-то новым и уже получило своё распространение в криминалистической науке, тем самым вызвав ряд дискуссий, однако зачастую учёные сводятся к схожему мнению относительно указанного определения. Этот термин в понятийный аппарат криминалистики был введен В.Г. Коломацким [1, с. 38]. В современных условиях возникает необходимость продолжить исследование с учетом задач, поставленных перед правоохранительными органами, и рассматривать криминалистическое обеспечение не только как комплекс средств, способов и мероприятий по раскрытию и профилактике преступлений, но и как применение опыта использования данных средств сотрудниками отдельных служб и подразделений, осуществляющих содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, а также их мотивационную готовность к выполнению возложенных на них задач.

Таким образом, наличие чётко определённой системы действий и методик по их осуществлению при различных условиях столкновения сотрудника с определённой ситуацией не должно ставить его в тупик, а наоборот, должно вызывать немедленный ответ, выражающийся в применении накопленного опыта в условиях осуществления своей деятельности,

характер которой определяется как ведомственными, так и федеральными нормативными документами.

Результативность практического функционирования системы криминалистического обеспечения деятельности сотрудников, оказывающих содействие, определяется соблюдением следующих условий:

1) постоянное совершенствование работы МВД и его приоритетного направления в сфере оказания содействия раскрытию и расследованию преступлений;

2) криминалистическое обеспечение, криминалистические знания будут доступными для восприятия, только когда приобретут информационную форму (статьи, монографии); внедрение в практику осуществляется с помощью различных инструкций, методических указаний;

3) криминалистическое образование должно осуществляться на основе перспективных результатов научных исследований для всех форм обучения, криминалистическое образование представляет собой связующее звено, через которое криминалистические знания внедряются в практику органов внутренних дел;

4) технико-криминалистические и иные технические средства, тактические и методические рекомендации, предназначенные для использования при проведении следственных действий и мероприятий доследственной проверки, должны быть просты и удобны для сотрудников, оказывающих содействие, применяться широко и эффективно, а результаты носить доказательственное значение и учитываться органами предварительного расследования и судами, отражаться в приговорах;

5) эффективность функционирования системы криминалистического обеспечения – результативность практического применения методов и средств криминалистики.

Рассматривая проблему внедрения научных достижений в практику раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, К.Н. Серов пишет, что разрабатываемые криминалистикой положения не составляют содержания норм права. Они представляют собой конкретные, наиболее целесообразные действия, облекаемые в установленную правовую форму. Предложения, возникающие в процессе криминалистического изучения практики, по совершенствованию законодательства носят сопутствующий характер и целевыми для криминалистики не являются. Исходя из этого и рассматривается назначение криминалистики – объяснение обеспечения и совершенствование правоохранительной деятельности [2, с. 14]. Неиспользование достижений науки криминалистики не только в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, но и в целом в деятельности различных правоохранительных органов отрицательно сказывается на результатах борьбы с преступностью.

Рассматривая криминалистическое обеспечение на современном этапе развития деятельности органов внутренних дел в контексте такого мно-

гогранного содержания, стоит сказать и о том, что процесс распространения научных знаний и возможностей криминалистики происходит не только в раскрытии, расследовании, предупреждении и пресечении преступлений как осознанно совершенных уголовно-правовых деяний, но и других общественных правонарушений [3, с. 121–125].

Также данное распространение знаний направлено и на формирование взаимосвязей между криминалистическим обеспечением и реализацией задач криминалистики. Таким образом, актуализируется прикладная функция криминалистического обеспечения, которая отражается в задачах криминалистики [4, с. 188–195].

Роль криминалистического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел как непосредственной операции, направленной на выявление, раскрытие и расследование преступлений [5, с. 196–199], необходимо рассматривать неотрывно от задач криминалистики, которые были изучены в ходе обобщения работ отечественных исследователей в области правоохранительной деятельности:

а) разработка и реализация органами внутренних дел научно-технических средств и методов, тактических и методических рекомендаций [6, с. 218–226];

б) формирование у лиц, осуществляющих управленческие функции, умений, практических навыков решения служебных задач и компетенций по использованию достижений криминалистики;

в) выработка наиболее целесообразных систем, структур, форм, методов и способов управления органами, коллективами, практически решающими задачи борьбы с преступностью и иными нарушениями общественного порядка, является как никогда актуальной для решения проблем криминалистического обеспечения деятельности отдельных служб и подразделений, осуществляющих содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [7, с. 218–226].

---

1. Коломацкий В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика: история, общая и частные теории: учебник. В 3 т. / под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. М., 1995. Т. 1. 253 с.

2. Серов К.Н. Проблемы криминалистического обеспечения борьбы с преступностью (по материалам Санкт-Петербурга) / под ред. И.А. Возгрина. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. 40 с.

3. Виноградов А.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений – метод криминалистики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 121–125.

4. Митрофанова А.А. К вопросу об определении понятия «Криминалистическое обеспечение» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 188–195.

5. Жиров Р.М. Содержание криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Наука и современность. 2010. № 1-3. С. 196–199.

6. Горбенко Т.В. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования: теоретический аспект // Вестник СГЮА. 2021. № 5 (142). С. 218–226.

7. Гришина Е.А., Бадзгарадзе Т.А. Проблемы криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Санкт-Петербургская школа криминалистики: материалы ежегодного криминалистического форума (Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 г.). СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 8–13. EDN SKLKOW.

Сведения об авторе

Антонова Екатерина Александровна. Адъюнкт.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198261, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение, сотрудники органов внутренних дел, содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Арчукова А.А.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ

В данной статье рассматривается современное состояние криминалистической идентификации человека по функциональным признакам внешности, а также перспективные возможности и новые направления использования информации о внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений.

Раскрытие и расследование преступлений напрямую связано с установлением личности преступника. Однако когда лицо преступника скрыто, отождествление его личности становится затруднительным. В таком случае для его идентификации возможно использовать не только анатомические и общефизические, но и функциональные признаки внешности, кото-

рые, в свою очередь, являются не менее информативными для последующего отождествления.

В.Г. Булгаков в своей монографии «Основы криминалистического исследования динамических признаков человека» отмечает, что «предпосылками возможности криминалистического исследования динамических признаков человека являются основополагающие положения анатомии, физиологии, психофизиологии и биомеханики» [1, с. 3].

А.И. Иванов говорит о том, что «голос, походка, почерк даются один раз на всю жизнь и стоят их владельцу очень больших усилий. Именно в этом причина уникальности и стабильности динамики быстрых подсознательных движений» [2, с. 30].

Функциональные признаки внешности есть проявление индивидуальности человека, которую во всем многообразии можно рассмотреть на видеозаписи, ее возможно получить с помощью различных технических средств, таких как программно-аппаратные комплексы, системы видеонаблюдения. В ходе изучения видеозаписей, полученных с данных систем, может быть проанализирована информация о функциональных признаках внешности человека, которая имеет значение для раскрытия и расследования преступления.

Однако В.Г. Булгаков указывает, что «нет ясности в принципах и подходах к формализации информации о динамических признаках человека для использования их в автоматизированных информационно-поисковых габитоскопических системах. Не разработано специализированное программное обеспечение и методики для автоматизации этапов экспертного исследования» [1, с. 5].

Поэтому для качественного, быстрого и эффективного отождествления необходима компьютеризация и математизация криминалистической идентификации по функциональным признакам внешности, а также разработка специальной методики проведения исследования.

Использование новых методологических подходов в криминалистическом исследовании функциональных признаков человека позволит получать значительно больший объем ориентирующей и доказательственной информации о человеке.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что одним из наиболее сложных при производстве идентификации человека по функциональным признакам внешности и наиболее перспективным видится использование различных автоматизировано-программных комплексов.

Существует необходимость в исследовании функциональных признаков внешности человека, а также в повышении эффективности их использования в практической деятельности. Разработка новых методологических подходов, которые позволят эффективно проводить идентификацию по указанным признакам внешности, а также обобщение, систематизация и анализ уже имеющихся разработок по описанию, фиксации и клас-

сификации функциональных признаков внешности человека для его идентификации в целях раскрытия и расследования преступлений видятся перспективным направлением для дальнейшего исследования.

1. Булгаков В.Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: монография / под ред. проф. А.М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.

2. Иванов А.И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений: монография. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2000.

Сведения об авторе

Арчукова Анна Алексеевна. Адъюнкт.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Ключевые слова: идентификация, отождествление личности, функциональные признаки внешности человека, внешний облик человека.

Аскаров М.М.

РОЛЬ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Настоящая статья подготовлена в целях освещения истории, этапов развития института реабилитации, определений ученых к понятию реабилитации, его правовых основ и необходимости совершенствования данного института в уголовно-процессуальном законодательстве. Описаны процесс применения института реабилитации в Уголовно-процессуальном законодательстве Республики Узбекистан и на примере опыта зарубежных государств, его роль в жизни общества и судебно-правовой системе. В статье исследованы международные и национальные законодательные акты, юридическая литература, проведен сравнительный анализ описаний к понятию реабилитации, даны научно-правовые доктринальные предложения по более широкому дополнению указанного понятия.

В последние годы в республике осуществляется множество реформ в судебно-правовой системе. Главная цель реформ в данном направлении заключается в создании демократического правового государства, сильного гражданского общества, обеспечении полного соблюдения всеми членами

общества законов, повышении ответственности правоохранительных органов в этом направлении, раннем предупреждении и противодействии преступлениям, расследовании преступлений, конкретном и единообразном применении законов для всех и тем самым обеспечении прав и свобод, законных интересов и конституционных прав граждан, создании условий для благополучной жизни каждого проживающего в нашей стране человека.

В Послании Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису от 24.01.2020 речь идет о работе, осуществляемой в судебно-правовой сфере, предусмотрен ряд поручений по последовательной реализации обозначенных задач, повышению уровня достижения правосудия гражданами, повышению качества рассмотрения дел в суде и расширению механизмов обеспечения равноправия и дискуссивной способности сторон для вынесения объективных, справедливых и законных судебных решений, по реализации которых было подписано несколько законов и других нормативных актов.

Когда речь идет о нарушенных правах и свободах, растоптанных чести и достоинстве, утерянном авторитете лица, невозможно не упомянуть институт «реабилитации», так как именно он способствует полной реализации прав и свобод граждан на практике, взысканию за счет государства всех видов ущерба, нанесенного в результате незаконных действий, полному восстановлению былого статуса лица.

На сегодняшний день понятие «реабилитация» превратилась в неотъемлемую часть судебно-правовой системы и социальной жизни общества. Оно впервые применялось в нормативных правовых актах, направленных на увековечение памяти и восстановление чести и достоинства жертв репрессий 1930–1940 гг. [1]

Указанный термин упомянут в названиях правовых актов, посвященных восстановлению правового и духовного статуса народов, отправленных насильно в ссылку в дальние регионы бывшего СССР и некоторых других граждан. А в настоящее время Пленум, Президиум Верховного Суда Республики Узбекистан и Судебная коллегия по уголовным делам в своих решениях, приговорах и определениях используют понятия «реабилитируемое лицо», «основы реабилитации», «реабилитировать».

Если говорить о подлинном значении понятия «реабилитация», то следует отметить, что оно конкретно не освещается в действующих законодательных актах, поэтому в юридической литературе не сформировано единое определение в отношении него. В Национальной энциклопедии Узбекистана термин «реабилитация» (лат. *rehabilitatio* – восстановление) сформулирован как восстановление чести и достоинства лица, необоснованно подозревавшегося либо обвиненного правоохранительными государственными органами в совершении преступления [2], а в некоторой юридической литературе он описан как восстановление былого статуса [3; 4; 5; 6].

В Толковом словаре узбекского языка слову «реабилитация» дается следующее определение: «Восстановление правоохранительными государственными органами доброго имени, чести и достоинства лица, необоснованно подозревавшегося либо обвиненного в совершении преступления» [7].

Примечательно, что в зарубежном законодательстве в отношении рассматриваемого понятия также даны различные разъяснения. В частности, в п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Российской Федерации «реабилитация» истолковывается как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [8].

Согласно ч. 2 п. 5 решения Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 18.09.2015 № 13 «О судебной практике по применению законодательства о погашении и снятии судимости» «при реабилитации лица, государство признает, что он по ошибке был признан виновным в совершении преступления» [9]. Полагаем, что данное определение полностью не раскрывает суть и значение реабилитации, так как, на наш взгляд, после реабилитации лица должен быть точно обозначен круг предстоящих действий, связанных с восстановлением его прав, и это должно быть четко и полностью указано в определении.

По мнению У.А. Тухташевой, «реабилитация» – это восстановление прав, нарушенных в результате незаконного привлечения невиновного лица к уголовной ответственности, лишения его свободы и других ограничений, а также отмена других факторов, препятствующих его дальнейшей деятельности». Однако с этим определением невозможно согласиться с точки зрения полного охвата им понятия реабилитации. Как нам известно, лицо реабилитируется не только в судебном процессе, но и в ходе досудебного расследования и следственных действий, что находит отображение и в нашем законодательстве. Из вышеизложенного определения следует, что реабилитация может применяться лишь в случаях, связанных с привлечением лица к ответственности, назначением наказания в его отношении.

Н.Э. Шалумова тоже затрагивает определяемое понятие и разъясняет его как «процессуальную и организационную деятельность, направленную на восстановление, пользуясь установленной в законе гарантией нарушенных прав и свобод лиц, необоснованно либо незаконно привлеченных к уголовному делу правоохранительных и судебных органов согласно обращению лица, а также на возмещение нанесенного им имущественного и морального ущерба» [10]. Безусловно, в упомянутом выше определении раскрыты те или иные аспекты основ реабилитации. Однако отсюда следует, что рассмотрение уполномоченным должностным лицом вопроса реабилитации лица с нарушенными правами связано не с его обязанностями, а его желанием. Представляется также возможным, что обращение лица может быть рассмотрено лишь в случае обращения с вопросом о восстановлении его нарушенных прав. Однако мы не должны забывать о том, что

при наличии достаточных оснований для реабилитации всех лиц с нарушенными правами в результате каждого незаконно принятого решения уполномоченное лицо обязано его применить.

В свою очередь, Б.Б. Муродовым, исходя из требований уголовно-процессуальных законодательных норм, приводится следующее определение реабилитации: «Реабилитация – это процессуальная деятельность, направленная на объявление согласно оправдательному приговору подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного невиновным в порядке, установленном законом, либо отказ в возбуждении в их отношении уголовного дела либо прекращении дела согласно ст. 83 УПК, а также взыскание за счет государства вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к следственным действиям, ответственности, применения процессуальных мер принуждения и других незаконных действий, а также на полное восстановление прежнего статуса лица» [11]. Действительно, реабилитация может быть применена не только в отношении лиц, признанных виновными решением суда, но и подозреваемых, обвиняемых и судимых решением об отказе в возбуждении либо прекращении уголовного дела. В данном определении речь идет об осужденном, а как нам известно, им является лицо, признанное виновным судом и в отношении которого назначено наказание, поэтому в указанное определение необходимо также внести предложение «назначение наказания», так как в уголовно-процессуальном законодательстве различаются понятия «привлечение к ответственности» и «назначение наказания». Более того, этап досудебного ведения дела делится на досудебную проверку и предварительное следствие. С учетом того, что лицо может быть реабилитировано на любом этапе дела, а решение, вынесенное должностным лицом, может расходиться исходя из того, на каком этапе дела было реабилитировано лицо, считаем необходимым дополнить все определения следующим образом: «Реабилитация – это процессуальная деятельность, направленная на объявление согласно оправдательному приговору подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного невиновным в порядке, установленном законом, отказ в ходе досудебного следствия в возбуждении уголовного дела на основаниях, указанных в ст. 83 УПК, либо прекращение дела на этапе предварительного следствия, а также взыскание за счет государства вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к доследственной проверке, предварительному следствию и судебному разбирательству, привлечения к ответственности, применения процессуальных мер принуждения и других незаконных действий, а также на полное восстановление прежнего статуса лица».

Подводя итог, можно отметить, что юридическая цель реабилитации заключается в восстановлении нарушенных естественных, политических, конституционных, экономических, гражданских и других подобных прав, взыскании за счет государства всех видов ущерба, нанесенного уполномо-

ченными лицами гражданам в результате незаконных действий, а также в полном восстановлении былого статуса лица, ее нравственная цель – устранение неуместного пятна, появившегося в жизни невиновного, восстановление его авторитета в обществе, а политическая цель – восстановление утраченного между гражданином и государством доверия.

1. Репрессивная политика советского государства в Узбекистане: причины возникновения и трагические последствия: сборник научных статей. Ташкент, 2012. С. 86.

2. Национальная энциклопедия Узбекистана. Т. 6. / редколлегия: А. Абдувохитов, А. Азизходжаев, М. Аминов, Т. Даминов и др. Т., 2004. С. 704.

3. Тухташева У.А. Уголовный процесс. Общая часть: учебное пособие. В 2 частях. Часть II. 2007. 513 с.

4. Орлова М.В. Институт реабилитации в уголовном процессе. М., 2006. 27 с.

5. Рукавишников П.П. К понятию реабилитации в уголовном процессе России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 2006. № 3. С. 231.

6. Орлова А.А. К вопросу о концепции реабилитации в российском уголовном процессе // Современное право. 2008. № 5. С. 81–82.

7. Толковый словарь узбекского языка. Ташкент: Государственное научное издание Национальной энциклопедии Узбекистана. С. 364.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О судебной практике по делам, касающимся мошенничества [Электронный ресурс]: решение Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 11.10.2017 № 35. URL: http://www.lex.uz.

10. Шалумова Н.Э. Проблемы организации работы правоохранительных и судебных органов по реабилитации. Екатеринбург, 2007. 26 с.

11. Муродов Б.Б. Совершенствование института Жиноят ишини тугатиш институтини такомиллаштириш: дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент: Академия МВД, 2018. С. 83.

Сведения об авторе

Аскаров Мирзохид Миржалолович. Главный научный сотрудник Центра методического обеспечения деятельности органов внутренних дел.

Академия МВД Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, д. 68.

Ключевые слова: реабилитация, лицо, права и свободы, расследование, суд, незаконный, восстановление.

Бадиков Д.А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ

На современном этапе развития российского законодательства достаточно дискуссионным является вопрос о различных аспектах взаимодействия следователя с различными представителями органов полиции, в том числе по вопросам, связанным с расследованием разбойных нападений. Данная статья анализирует сущность взаимодействия и его правовую природу, а также рассматривает различные позиции по поводу организации рассматриваемого явления при расследовании разбойных нападений.

Возможность успешного раскрытия и расследования разбойных нападений обусловлена множеством факторов. При этом важно отметить, что на сегодняшний день все большее значение в осуществлении указанной деятельности имеет взаимодействие следователя с иными органами и должностными лицами.

Нападение рассматривается как действие, которое быстро и стремительно совершается, а само направлено против лица, являющегося пострадавшим. Может быть выражено в нескольких формах – открытой и демонстративной, а быть явным для пострадавшего – как во время всего совершения преступления, так и в отдельной его части. Также существует скрытая форма нападения, которая заключается в том, что потерпевший, в силу причиненных ему телесных повреждений, потерял сознание и не мог видеть произошедшего похищения его имущества [1, с. 107].

Различными авторами были приведены определения взаимодействия следователя и иных органов и должностных лиц [2, с. 259]. Однако, по нашему мнению, наиболее полно отражает сущность рассматриваемого рода деятельности определение, данное профессором А.И. Бастрыкиным, из которого следует, что:

взаимодействие – это, прежде всего, согласованная деятельность;

его субъектами являются следователь, органы дознания, а также другие субъекты доказывания;

предполагает рациональное сочетание процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых в пределах предоставленных полномочий;

предполагает использование специальных знаний и технико-криминалистических средств [3].

Правовая регламентация деятельности по взаимодействию осуществляется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Данные нормативные правовые акты определяют правовой

статус субъектов взаимодействия, их функции и полномочия. Анализ положений УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что центральной фигурой в процессе расследования разбоев является следователь, важнейшими условиями эффективного сотрудничества – его руководящая роль, обладающая преимуществом в принятии координационных решений, и одновременно с этим самостоятельность иных сотрудников полиции при избрании приемов и способов достижения поставленных целей [4].

В практической деятельности правоохранительные органы фактически ежедневно сталкиваются с необходимостью оперативного реагирования на совершенные разбойные нападения и, как следствие, необходимость раскрытия преступлений в максимально сжатые сроки или, как принято считать, «по горячим следам».

Н.И. Порубов прямо указывал на то, что чем больше времени прошло с момента совершения преступления, тем меньше шансов на то, что оно будет раскрыто в последующем [5, с. 309].

Как справедливо отмечал В.В. Зиньковский, «раскрыть преступление «по горячим следам» – значит, решить эту задачу в максимально сжатые сроки, установить лиц, его совершивших, что соответствует основным задачам уголовного судопроизводства, а прежде всего – обеспечение быстрого и полного раскрытия преступления» [6].

В сложившейся практике правоохранительных органов раскрытие «по горячим следам» означает установление подозреваемых лиц в течение трех суток, а в отдельных случаях, при совершении особо тяжких преступлений, – до десяти суток.

Под указанную категорию попадают различные виды разбоев, но особенно совершенные в общественных местах, когда задержание подозреваемых лиц напрямую зависит от организации реагирования всех имеющихся сил и средств на поступившее сообщение. Также это могут быть и другие разбойные нападения, когда сам потерпевший или свидетели (очевидцы) события видели нападавших и могут описать приметы преступников, а также указать пути их отхода с места происшествия.

Процесс взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции при расследовании разбоев, как и любая другая совместная деятельность субъектов управления, должен строиться на основе определенных закономерностей (принципов), которые характеризуют специфику данной деятельности. Принципы, как правило, отождествляют с закономерностями процесса управленческой деятельности [7].

Принципы взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции при расследовании разбоев можно представить следующим образом:

1. Принцип соблюдения законности, конституционных прав и свобод человека и гражданина. Исходя из толкования этого принципа, каждый из субъектов указанного взаимодействия обязан действовать четко в соответствии с действующим законодательством, не выходить за его пределы и

рамки и при совершении любых действий учитывать невозможность нарушения прав и свобод других лиц. Является одним из базовых для всей российской правовой системы. Несмотря на то, что между процессуальным статусом органа дознания и следователя имеются существенные различия, они занимаются одним сложным делом, в процессе которого проводят следственные действия, различные проверки, занимаются сбором доказательств, получают результаты запросов и т.д. Таким образом, эти участники уголовного судопроизводства обеспечивают законность и правопорядок.

2. Принцип комплексного использования сил и средств, находящихся в распоряжении органов внутренних дел. Безусловно, в целях расследования и пресечения последующих преступлений важно применять все имеющиеся в силу закона у правоохранительных органов средства и способы. Это обусловлено характером их деятельности. Эффективное взаимодействие невозможно в условиях, когда субъекты взаимодействия применяют разнонаправленные или прямо противоречащие друг другу правовые средства.

3. Согласованность планирования следственных и оперативно-разыскных действий. Значение планирования во взаимодействии вышеуказанных субъектов неоднократно обозначалось в литературе, посвященной вопросам уголовного процесса и криминалистики. Планирование есть метод, с которого любой эффективное взаимодействие обязано начинаться. Следователь совместно с оперативными сотрудниками определяет заранее, в каких направлениях будут осуществлять следственные и оперативно-разыскные мероприятия, какие средства и способы при этом будут применяться, и все иные ключевые тактические вопросы.

Среди принципов взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции при расследовании разбоев называют такие, как: разграничение компетенций; руководящая роль следователя; самостоятельность участников; рациональное использование сил и средств; недопустимость разглашения сведений, ставших известными участниками взаимодействия; персональная ответственность участников взаимодействия за качество проведения, своевременность и результаты следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий и другие [8].

В работе Л.П. Плесневой отмечается, что в отношении содействия в производстве следственных действий, как в и отношении ряда других категорий уголовного процесса, применяется ряд вариативных формулировок. Например, совместное производство следственных и иных процессуальных действий. Автор отмечает, что формулировка, содержащаяся в УПК РФ, представляется более удачной, поскольку, как отмечалось нами выше, именно следователь обладает руководящей ролью при взаимодействии, принимая самостоятельно решения по всем ключевым аспектам следствия, и именно он несет ответственность за своевременное и законное ведение предварительного расследования [9]. Данная позиция представляется не

совсем объективной. С одной стороны, инициатива по установлению взаимодействия с органами дознания в процессе расследования уголовного дела принадлежит следователю. Следователь в этих отношениях занимает «главенствующую» роль, руководит деятельностью указанных лиц, определяет перечень задач, стоящих перед такими лицами. Именно он несет ответственность за результаты проведенного им расследования по уголовному делу. С другой стороны, одним из ключевых принципов взаимодействия следователя и оперативно-разыскных органов является самостоятельность каждого из этих субъектов правоохранительной деятельности. Нисколько не отрицая руководящую и направляющую роль следователя в этом процессе, законодательство в совокупности правовых норм формулирует однозначный и неоспоримый постулат о том, что каждый орган правоохранительной деятельности действует на началах независимости от других государственных учреждений, граждан, юридических лиц и любых иных субъектов правоотношений в той части, которая касается непосредственно осуществления им своих полномочий. В связи с этим сотрудники оперативных подразделений наравне со следователем несут персональную ответственность за осуществляемые полномочия и производимые мероприятия и в равной степени следуют всем требованиям, установленным законом.

Взаимодействие следователя и иных сотрудников полиции при расследовании разбоев не имеет в своем содержании характера подчинения – каждый из субъектов самостоятелен и подчиняется исключительно вышестоящему органу соответствующего ведомства. При этом необходимо отметить, что роль руководства в реализации взаимодействия довольно заметна. И начальник следственного подразделения, и руководители иных подразделений полиции осуществляют руководство надлежащим образом по следующим вопросам: определение целей взаимодействия; разработка общей стратегии и тактики расследования преступления. При этом важной функцией является контроль за деятельностью приданных сил, который позволяет выявлять недостатки и своевременно их устранять. В этой связи еще одним очень важным принципом взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции представляется единство процессуальных и непроцессуальных форм взаимодействия.

По справедливой оценке М.И. Прохоровой и О.В. Полещук, информирование является ядром взаимодействия между следователем и оперативно-разыскными службами, его ключевым и основным содержательным компонентом [10]. Полное и достоверное информационно-справочное обеспечение совместной деятельности есть необходимое условие (принцип), без которого взаимодействие не может отвечать заявленным целям и поставленным задачам.

Установление взаимодействия между указанными лицами преследует за собой цель получения информации о совершенном событии разбой-

ного нападения, виновном лице и т.д. Такое взаимодействие позволяет сформировать информационную базу (основу), необходимую для решения задач расследования и постановки целей для организации «правильной» процедуры расследования.

Итак, при всем многообразии теоретических разработок и нормативных правовых норм все они базируются на основополагающих началах, отправных положениях, руководящих идеях, касающихся как всей правоохранительной системы в целом, так и совместной деятельности следователя и иных сотрудников полиции в частности, и являются принципами взаимодействия.

При определении принципов взаимодействия нередко отдельные ученые отождествляют их с условиями взаимодействия [11], однако, на наш взгляд, это не совсем верно и приводит к размыванию четкой границы между данными понятиями и подмене одного термина другим, что впоследствии влечет отсутствие единообразного подхода к их пониманию и возникновение различного рода споров среди ученых и практиков.

Если в общефилософском смысле «принципы», как нами было указано ранее, – это основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие сущность какого-либо явления, то термин «условия» определяется как совокупность объектов (вещей, процессов, отношений), необходимых для возникновения, существования или изменения этого объекта (обуславливаемого). Условия – явления, необходимые для наступления данного события, но сами по себе его не вызывающие. Другими словами, условия представляются общетеоретической категорией, которая обуславливает возникновение какого-либо события при наличии определенных обстоятельств. Так, например, взаимодействие следователя и иных сотрудников полиции возможно лишь при расследовании какого-либо преступного события, в частности, разбойного нападения. Таким образом, условия взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции представляют собой совокупность обстоятельств, детерминирующих необходимость такой совместной деятельности на конкретном этапе расследования разбойных нападений в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Общим условием взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции, как нами было отмечено ранее, является наличие какого-либо преступного события – разбойного нападения, обуславливающего необходимость совместной работы следователя с целью установления истинных обстоятельств произошедшего. Однако наличие самого факта преступного события не всегда является предпосылкой к взаимодействию, так как по отдельным уголовным делам взаимодействие следователя не требуется. Поэтому представляется целесообразным в зависимости от детерминант совместной деятельности выделить следующие условия взаимодействия:

1. Условия познавательного характера, заключающиеся в познании специфического объекта окружающей действительности – преступного деяния, это, в свою очередь, связано с полным или частичным отсутствием данных о различных обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и источниках такой информации. Поэтому следователь при осуществлении познания отдельных фактов и обстоятельств в ходе расследования разбойного нападения сталкивается с трудностями по поиску доказательственной информации и источников такой информации, а арсенал используемых им средств и методов ограничен уголовно-процессуальным законодательством, что в отдельных случаях может быть недостаточным. Поэтому следователь обращается к помощи иных сотрудников полиции, которые могут использовать приемы и методы оперативно-разыскной деятельности, недоступные для применения следователем.

2. Условия организационно-управленческого характера, заключающиеся в том, что работа в каждом из следственных и оперативно-разыскных подразделений строится на изначальной необходимости взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска и формирования в связи с этим для выезда на места происшествий по первоначальной информации следственно-оперативных групп (далее – СОГ), которые являются одним из видов управленческой и организационной деятельности вне зависимости от категории и обстоятельств совершенного преступления. Создание их обусловлено предполагаемой нехваткой времени, сил и средств при самостоятельной работе следователя на месте происшествия и привлечением для оказания помощи сотрудников оперативных и экспертных подразделений.

При расследовании разбойных нападений по прибытии СОГ следователь обязан организовать работу ее участников.

Здесь взаимодействие должно проходить по ряду направлений:

при наличии явных признаков состава преступления следователь обязан принять решение о возбуждении уголовного дела, и исходя из этого, взаимодействие приобретает процессуальную форму в виде направления отдельных поручений;

включение следователя в организацию работы должно быть последовательным, а не параллельным, когда мы видим на практике, что прибывший следователь занимается исключительно осмотром места происшествия, а оперативно-разыскные и поисковые мероприятия проходят в автономном режиме без его как минимум участия;

следователь обязан на месте происшествия осуществить расчет необходимых дополнительных сил и средств для раскрытия разбойного нападения и добиться их прибытия в его распоряжение в максимально короткий срок;

следователь должен возложить на себя непосредственное проведение осмотра места происшествия, допрос потерпевшего(их) и при этом осуще-

ствить постановку задач всем членом СОГ на предмет отыскания, фиксации и изъятия следовой картины, установления и допроса свидетелей, организацию установления и задержания подозреваемых лиц;

следователь в организации раскрытия разбойного нападения должен исходить из криминалистической методики его раскрытия;

эффективность организации работы на месте происшествия напрямую зависит от своевременной передачи информации между следователем и сотрудниками уголовного розыска, а также наружных служб, ориентирования на задержание подозреваемых лиц по полученным от потерпевшего и свидетелей приметам, установления и изъятия дополнительных носителей доказательственной информации.

Все перечисленные элементы взаимодействия на месте происшествия подчинены выполнению ряда задач:

установление обстоятельств, подлежащих доказыванию;

организация оперативно-разыскных и иных мероприятий по розыску и задержанию подозреваемых лиц;

создание первоначальной информационной основы и доказательственной базы для быстрого и полного расследования уголовного дела [12].

3. Условия тактического характера, заключающиеся в том, что вне зависимости от сложности и трудоемкости расследования уголовного дела в отдельных случаях возникает необходимость в осуществлении иных комплексных мероприятий с привлечением к их участию сотрудников иных подразделений полиции, например, при проведении тактических операций и комбинаций.

4. Условия конфликтного характера обуславливаются необходимостью взаимодействия следователя и иных сотрудников полиции в случаях противодействия расследованию разбойного нападения со стороны подозреваемых и обвиняемых, а также иных заинтересованных лиц (свидетелей, потерпевших, защитников и др.). В данном случае взаимодействие следователя и иных сотрудников полиции направлено на преодоление противодействия с целью всестороннего, полного, объективного расследования уголовных дел [13].

Таким образом, различие между принципами и условиями взаимодействия заключается в том, что принципы являются основными, руководящими положениями совместной деятельности следователя и иных сотрудников полиции, а условия представляют собой совокупность обстоятельств, детерминирующих необходимость совместной деятельности следователя на конкретном этапе расследования разбойного нападения в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Именно условия создают предпосылки для реализации принципов взаимодействия и детерминируют совместную деятельность следователя и иных сотрудников полиции.

В целом анализ различных точек зрения позволяет сформулировать представление о процессе и результатах взаимодействия следователя и сотрудников иных подразделений полиции: взаимодействие – использование в основе своей деятельности профессиональных навыков и знаний различных субъектов с различными компетенциями, направленное на достижение значимых результатов совместной и согласованной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Процесс совместной деятельности происходит в соответствии с нормами УПК РФ и ведомственных нормативных актов под руководством руководителей следственного подразделения и иных подразделений полиции.

---

1. Попенин Е.В., Осокина В.В. «Нападение» и «насилие» в диспозиции ст. 162 УК РФ // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты: сб. материалов Международной научно-практической конференции в рамках Международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», 2020. С. 107.

2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М.: Юрайт; Высшее образование, 2010. 606 с.

3. Криминалистика / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 559 с.

4. Попова Н.В., Украинская Е.П. Взаимодействие следователя с органами дознания в ходе расследования преступлений // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, в 2 т. Воронеж, 2020. С. 123.

5. Курс криминалистики / под ред. Н.И. Порубова. Мн: Выш. шк., 2000.

6. Зиньковский В.В. Некоторые аспекты взаимодействия органа дознания и следователя в ходе раскрытия и расследования преступлений «по горячим следам» // Актуальные проблемы современной науки. 2013. Вып. 2. Т. 2. С. 46.

7. Герасимов А.П. Организация взаимодействия в управлении органами внутренних дел. М.: МВД СССР, 1986. С. 10.

8. Васина Е.В., Спиридонова И.А. Принципы взаимодействия следователя и оперативно-разыскных служб // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 2-2. С. 102–103.

9. Плеснёва Л.П. Содействие при производстве следственных и иных процессуальных действий как форма взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 87–90.

10. Полещук О.В., Прохорова М.И. Некоторые аспекты информационно-справочного обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2010. № 9. С. 2–4.

11. Семенов Е.А., Васюков В.Ф. Заключение специалиста: причины критической оценки в суде // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 100–102.

12. Козел В.М. Взаимодействие следователя и органа дознания в ходе раскрытия преступлений «по горячим следам» // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы VIII Международной научно-практической конференции / редколлегия: Э.Ю. Богданова, М.И. Кольцов, Е.А. Попова, 2019. С. 320–321.

13. Вольский В.А., Костюкевич Д.В. Условия взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска при расследовании преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 43.

Сведения об авторе

Бадиков Дмитрий Алексеевич. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, разбойное нападение, расследование, полиция.

Баранчикова М.В., Баумштейн А.Б.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФИСКАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности применения института конфискации в отношении транспортного средства после совершения дорожно-транспортных преступлений с административной преюдицией. Ставится на обсуждение вопрос о сложностях реализации конфискации, проблемах уголовно-процессуального и организационного обеспечения ее применения, проанализированы пути их преодоления.

С момента введения института конфискации в российское уголовное законодательство предложения об изменении ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не раз высказывались представителями научного сообщества, а также становились предметом рассмотре-

ния на законодательном уровне. Особое место в числе обсуждаемых новелл занимал вопрос о возможности введения конфискации транспортных средств, управляя которыми виновный совершал дорожно-транспортные преступления.

Начиная с 2016 г. проекты федеральных законов, предусматривающие конфискацию транспортного средства, с определенной периодичностью неоднократно вносились на рассмотрение Государственной Думы. Предложения о применении конфискации в отношении транспортного средства вносились на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», где рассматривалась возможность его признания средством или орудием преступления. Однако его последующие изменения закрепили положение, согласно которому транспортное средство не могло признаваться орудием или средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, для целей применения п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Идея конфискации транспортных средств исходила от разных субъектов законодательной инициативы, первоначально предполагалась к применению в отношении лиц, повторно управляющих автомобилями в состоянии опьянения. Позднее конфискацию предлагалось применять также в отношении водителей, совершивших тяжкие дорожно-транспортные преступления.

В пояснительных записках к проектам законов было указано на необходимость конфискации транспортного средства в качестве возможной дополнительной меры пресекательного характера в отношении именно злостных правонарушителей, привлекаемых к уголовной ответственности. Итоговым законодательным решением стало распространение конфискации на преступления, предусмотренные ст. 2641–2643 УК РФ, содержащими административную преюдицию в сфере дорожного движения. С июля 2022 г. статья о конфискации имущества дополнена новым п. «д», конкретизирующим ее применение в отношении транспортного средства при совершении указанных трех видов преступлений.

Представители юридической науки называют конфискацию имущества сильным средством в борьбе с преступностью [1, с. 95], действенным средством наказания пьяных за рулем [2, с. 8]. Однако трудность ее реализации придает тот факт, что законодатель, давая ее определение, не указывает, какие цели она преследует.

В литературе отмечается, что она дополняет наказание и служит цели аннулировать результаты преступной деятельности, восстановить нарушенные общественные отношения, ликвидировать возможность повторного совершения преступления с помощью такого имущества [3, с. 189].

Очевидно, что целью конфискации автомобилей у злостных нарушителей правил дорожного движения является исключение возможности повторного совершения ими тождественных или однородных нарушений.

Применительно к транспортному средству конфискация выступает как его принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного договора. Суд во всех случаях должен мотивировать при решении вопроса о судьбе арестованного по делу автомобиля необходимость его конфискации.

Согласно пп. 4.1, 5 ст. 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определено, что в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора следует приводить обоснование решения о конфискации имущества.

Применение конфискации во всех случаях должно быть законным и обоснованным. Часть 1 ст. 160.1 УПК РФ закрепляет обязанность лица, осуществляющего предварительное расследование, установить имущество, подлежащее конфискации. Однако на практике такая обязанность не всегда реализуется, что приводит к ограниченности или сложности ее применения.

Алгоритм реализации конфискации имущества в уголовном производстве должен включать установление имущества, соответствующего критериям ст. 104.1 УК РФ, установление обстоятельств, подтверждающих, что оно соответствует указанным критериям. Следующими этапами выступают наложение ареста на данное имущество и вынесение обвинительного приговора, в котором содержится решение о конфискации имущества. Субъектом реализации конфискации является суд, так как решение о конфискации может быть принято лишь путем вынесения обвинительного приговора [3, с. 191].

Будучи специальным видом конфискации, конфискация транспортного средства имеет свои отличия. Во-первых, транспортное средство, которым управлял виновный, должно принадлежать обвиняемому. Однако оно может не являться собственностью нарушителя либо является собственностью супругов, что затрудняет его конфискацию [4].

Практика последних лет идет по пути того, что нахождение автомобиля в общей долевой собственности супругов или других лиц не препятствует его конфискации. Судами формируется практика, когда второй супруг вправе обратиться к супругу, у которого изъяли транспортное средство, с исковым заявлением о взыскании компенсации или об освобождении имущества от ареста.

На практике возникают ситуации, когда не усматривается оснований для применения п. «д» ст. 104.1 УК РФ, если автомобиль передан в пользование и распоряжение, однако не оформлен в ГИБДД.

Другая проблема связана с тем, что часто виновные водители, стараясь предпринимать меры для сохранения права собственности на транс-

портное средство, заключают и представляют фиктивные договоры о его продаже родственникам. В последнее время такие сделки судами признаются формальными и совершенными с целью уклонения от обращения в доход государства.

Закон предусматривает в случае продажи виновным транспортного средства конфисковать полученные от сделки деньги. В таких случаях возникает еще одна проблема, связанная с определением стоимости транспортного средства. Виновный до судебного разбирательства, успевая продать автомобиль, делает это преимущественно по заниженной цене.

Устранению проблем, затрудняющих конфискацию транспортного средства, должно способствовать своевременное на стадии предварительного расследования применение мер по обеспечению сохранности конфискуемого транспортного средства.

Важным направлением должно стать формирование практики возмещения денежных средств, соответствующих стоимости автомобиля, подлежащего конфискации, на основании его реальной оценки, а не цены продажи в ситуации, когда виновный успел его продать до приговора суда.

Отдельным аргументом при принятии решения о применении конфискации транспортного средства представляется определение опасности совершенного водителем преступления, его обстоятельств и личности виновного.

Ученые предлагают дополнить ст. 104.1 УК РФ указанием на то, что конфискация «не применяется при назначении наказания условно», считая ее назначение при условном осуждении нецелесообразным [5, с. 396]. Однако такое предложение не является удачным, поскольку оно значительно снизит число фактов конфискации транспортных средств за преступления небольшой тяжести, где в силу их категории наказание ожидается преимущественно условным либо не связанным с лишением свободы.

Для эффективного применения конфискации автомобиля важным является внесение необходимых изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», соответствующих новой редакции нормы о конфискации имущества.

В современный период введение специального вида конфискации транспортных средств при совершении дорожно-транспортных преступлений явилось мерой закономерной и перспективной. Опыт конфискации автомобилей уже показал свою успешность в ряде зарубежных стран. Несмотря на процедурные сложности его реализации, ожидаемый профилактический эффект может быть достаточно высоким и нарастать по мере усиления противодействия систематическим видам нарушений правил дорожного движения.

1. Мартыненко Э.В. Влияние научных исследований по проблемам конфискации как иной меры уголовно-правового характера на законодательные изменения института конфискации в Уголовном кодексе Российской Федерации. С. 94–98.

2. Колоколов Н.А. Вопросы и ответы, порождающие новые вопросы... // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 3–9.

3. Романенко А.А. Уголовно-процессуальная реализация института конфискации имущества на стадии предварительного расследования (уголовно-процессуальные аспекты конфискации имущества). С. 188–193.

4. Торговченков В.И. Актуальные вопросы назначения конфискации автотранспорта как меры уголовно-правового характера // Законность. 2023. № 2. С. 12–14.

5. Макарова В.В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1-4). № 3. С. 393–400.

Сведения об авторах

Баранчикова Марина Вячеславовна. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Баумштейн Антон Борисович. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры уголовного права.

Юго-Западный государственный университет.

305040, Российская Федерация, г. Курск, 50 лет Октября, д. 94.

Ключевые слова: конфискация, нарушения правил дорожного движения, транспортное средство, дорожно-транспортные преступления, приговор суда.

Беляевский М.С.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Автором в статье рассмотрены проблемы организации процессуального и ведомственного контроля по уголовным делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, и предложены возможные пути

их решения, направленные на повышение эффективности деятельности органов предварительного следствия в противодействии преступности.

В настоящее время в Российской Федерации проблема расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, является актуальной, поскольку в процессе решения данной проблемы реализуется задача по противодействию преступности в нашей стране.

Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период с января по август 2021 г. количество нераскрытых преступлений составило 552 700, что на 0,4 % меньше показателей аналогичного периода 2020 года.

При этом на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 33,7 % (январь–август 2020 г. – 31,2 %). Раскрываемость этой группы преступлений составила 46,3 % (46 %). 540 400 преступлений (+1,1 %) остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Как следует из статистических данных, более половины возбужденных уголовных дел остаются нераскрытыми.

К причинам появления проблем нераскрытых преступлений можно отнести ошибки, допущенные в процессе досудебного следствия, дознания и оперативно-разыскных мероприятий, а также сами обстоятельства преступления, действия преступника по сокрытию и, например, таких факторов, как отсутствие виновного лица. Такие преступления в криминалистической науке относят к числу неочевидных.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствуют определения неочевидного и нераскрытого преступления, но предусмотрена уголовная ответственность за совершение деяния, содержащего все признаки преступления.

Хотелось бы отметить то, что в специальной литературе мало исследований, посвященных проблеме расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности [1; 2; 3]. Также обстоит дело и с определением самого понятия «неочевидность».

Так, например, Р.С. Белкин отмечает, что очевидным считается преступление, совершенное в условиях очевидности, когда имеется информация о событии и виновном. Неочевидными, по его мнению, являются преступления, исходная информация о которых не содержит данных о событии и виновном либо содержит данные только о событии преступления [4].

Ю.Л. Дяблова полагает, что неочевидные преступления – это межвидовая группа преступлений, объединенных по признаку неочевидности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности на момент поступления информации о преступлении в правоохранительный орган и возбуждения уголовного дела [5].

Также важно отметить, что на расследование преступлений, совершенных в условиях неочевидности, влияет организация ведомственного и процессуального контроля.

Содержание деятельности подчиненных сотрудников предопределяет поиск их руководителем способов и форм организации работы в данном направлении, к которым следует отнести:

организацию проверки сообщений о преступлениях;

организацию деятельности подчиненных сотрудников по установлению виновного лица в дежурные и последующие 3 суток;

осуществление проверки полноты проведенного расследования за 3 суток до истечения срока, установленного законодательством Российской Федерации, и дача письменных указаний при необходимости;

осуществление проверки законности и обоснованности решения о приостановлении предварительного следствия.

Можно выделить одну из основных задач по организации расследования нераскрытых преступлений, стоящей перед руководителем органов предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, а именно организацию выполнения подчиненными сотрудниками органов предварительного следствия всех предусмотренных законом требований, направленных на установление виновных лиц и своевременное завершение уголовного судопроизводства в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также иных заинтересованных лиц, которым запрещенным уголовным законом деянием причинен вред [6, с. 211].

Рассматривая вопрос организации ведомственного и процессуального контроля, необходимо также выделить следующие факторы:

1. Определение признаков совершенного преступления и его масштаба. Все органы государственной власти и правоохранительные органы Российской Федерации обязаны применять все методы и технологии для выявления и оценки информационных сведений, особенно использовать современные технологии для сбора данных.

2. Процессуальный анализ. Для результатов процессуального анализа необходимо провести допрос свидетелей для выяснения факта их участия при совершении преступления, обследование места преступления и изучить имеющиеся материалы. Для дополнительных информационных сведений необходимо проведение специальных экспертиз, которые смогут подтвердить или опровергнуть данные [7].

3. Проверка действий правоохранительных органов и обеспечение справедливого судебного процесса. Для полного обеспечения контроля над оперативным оказанием юридической помощи лицу, привлеченному к уголовной ответственности, необходимо обеспечить соблюдение процессуальных правил и процедур при принятии решений, которые касаются

возбуждения уголовного дела, а также задержания подозреваемого, обыска и других действий.

4. Сотрудничество между органами государственной власти и правоохранительными органами России. Необходимо отметить, что для взаимного сотрудничества следует проводить конференции, семинары и обмениваться полезной информацией [8].

5. Необходимость контроля при проведении оперативно-разыскных мероприятий. В процессе мероприятий проводится анализ, и в случае выявления нарушений, должностные лица привлекаются к ответственности.

6. Гарантирование борьбы с коррупцией и предотвращение злоупотреблений должностными полномочиями. Чтобы предотвратить коррупционные действия на территории страны необходимо своевременное проведение профилактических мероприятий по контролю, которые следует осуществлять как внутренними органами, так и внешними органами контроля и надзора.

7. Оценка эффективности организации процессуального и ведомственного контроля для дальнейшего его усовершенствования и повышения эффективности борьбы с преступностью. Необходимо определить критерии успеха и провести анализ результатов. Критерии успешности могут включать в себя количество раскрытых преступлений, уровень снижения коррупции в правоохранительных органах, эффективность расследования уголовных дел и судебных процессов, уровень доверия общества к правоохранительным органам и т.д. [9]

Важно также учитывать внешние факторы в виде изменения криминальной ситуации в регионе или изменения законодательства страны. По полученным итогам анализа необходимо своевременно выявить все слабые места и предложить меры по дальнейшему улучшению контроля. К ним можно отнести улучшение качества подготовки сотрудников, оптимизацию рабочих процессов, а также привлечение дополнительных ресурсов и т.д.

Для повышения эффективности деятельности по раскрытию преступлений, по которым виновное лицо не установлено, нужно использовать различные формы организационного обеспечения, такие как установление специализации следователей, создание временных или по-стоянных организационных образований и образование самостоятельных подразделений в составе органа предварительного следствия. Однако все вышесказанное требует закрепления в ведомственном нормативном правовом акте.

В заключение следует отметить, что организация процессуального и ведомственного контроля по уголовным делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности в Российской Федерации, является сложным и важным процессом, требующим высокой квалификации и профессионализма со стороны правоохранительных органов и других соответствующих органов.

1. Гаврилов Б.Я., Шпагина Ю.В. Процессуальные сроки производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей: от проблем к решению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С 134–145.

2. Нечаев А.А., Курилов С.И. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: учебное пособие. М.: Академия Управления МВД России, 2021. 124 с.

3. Нечаев А.А. Организация деятельности органов предварительного следствия по расследованию нераскрытых преступлений: проблемы и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 83–86.

4. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 182.

5. Дяблова Ю.Л. Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Тула, 2008. С. 228.

6. Федеральный закон «О полиции»: научн.-практ. пособ. В 3 ч. / под ред. В.В. Гордиенко. М., 2013. Ч. 3. 332 с.

7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 04.10.2022 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 31, ст. 4398.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 05.12.2022 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (часть I), ст. 4921.

9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Рос. Федерации от 15.04.2014 № 345: с изменениями и дополнениями от 16.01.2023.

Сведения об авторе

Беляевский Михаил Сергеевич. Слушатель 2 факультета (подготовки руководителей (начальников) территориальных органов МВД России).

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: преступность, организация контроля, процессуальный контроль, ведомственный контроль.

Бициев З.В.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 314.1 УК РФ

В рамках данной работы автор анализирует содержание и соотношение понятий «лицо, в отношении которого установлен административный надзор», «поднадзорное лицо», «лицо, формально подпадающее под действие административного надзора» как субъектов преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ. На основе изучения нормативных правовых актов, а также положений юридической доктрины предлагается авторский взгляд на соотношение и интерпретацию перечисленных правовых категорий.

Важную роль в успешном расследовании преступления играет установление личности преступника. Иногда вопросы выявления лица, совершившего преступления, зависят в том числе и от правильной квалификации преступного деяния, в частности, от верного определения всех признаков субъекта преступления. Особенно актуально это в случаях со специальным субъектом преступления, а также в отношении составов преступлений с так называемой бланкетной диспозицией, то есть когда все или отдельные признаки преступления (в том числе признаки субъекта преступления) обозначены не в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], а в иных нормативных правовых актах. К числу таких сложных составов преступлений с точки зрения описания признаков субъекта преступления относится уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений (ст. 314.1 УК РФ).

Стоит начать с того, что в диспозиции ст. 314.1 УК РФ субъект преступления сформулирован законодателем как специальный. Это утверждение справедливо и для состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, и для состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. При этом в тексте рассматриваемой уголовно-правовой нормы фигурируют два вида специальных субъектов: 1) «лицо, в отношении которого установлен административный надзор»; 2) «поднадзорное лицо». В свою очередь, определения и развернутая характеристика данных понятий представлена в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон «Об административном надзоре») [2].

Как отмечают отдельные исследователи, понятие «лицо, в отношении которого установлен административный надзор» означает, что в отношении лица состоялось и вступило в законную силу соответствующее решение суда, а «поднадзорное лицо» – это лицо, в отношении которого

административный надзор уже осуществляется. То есть понятие поднадзорного лица несколько уже понятия лица, в отношении которого надзор установлен. Таким образом, статус субъекта административного надзора напрямую связан с началом осуществления надзора [3, с. 25].

Безусловно, единство терминологии, используемой в законе, особенно в отношении характеристики элементов состава преступления, оказывает существенное влияние на правильную квалификацию преступного деяния и, как следствие, на результат расследования по уголовному делу в целом. Однако представляется, что рассмотрение терминов «поднадзорное лицо» и «лицо, в отношении которого установлен административный надзор» в качестве двух нетождественных видов специальных субъектов преступления не совсем верно. Как следует из смысла Федерального закона «Об административном надзоре», указанные понятия обладают равноценной смысловой нагрузкой и используются законодателем в качестве синонимов. Так, в ст. 1 этого Закона, где раскрывается содержание основных понятий, дано лишь определение поднадзорного лица, под которым понимается «лицо, в отношении которого осуществляется административный надзор», в то время как в ст. 3 уже подробно раскрывается, в отношении какой категории лиц устанавливается административный надзор, то есть представлено развернутое содержание термина «поднадзорное лицо» с указанием детальных характеристик самих лиц.

Полагаем, с позиций правильной уголовно-правовой оценки субъекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, а также дальнейшего эффективного использования данной информации для расследования уголовного дела целесообразно подробнее ознакомиться с содержанием ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре» и тем, какие именно категории судимых лиц могут быть отнесены к субъектам уклонения от административного надзора.

Анализ рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод, что в ней идет речь о двух категориях лиц. Первая категория – это лица, в отношении которых административный надзор устанавливается сразу (чч. 2 и 2.1 ст. 3). К ним относятся «совершеннолетние лица, освобождаемые или освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость за:

1) совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего;

2) совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений;

3) совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 4 ст. 150 (в случае совершения преступления по так называемым экстремистским мотивам), а также ст. 205–205.5, 206, 208, 210.1, 211, 220, 221, 277–279, 282–282.3, 295, 317, 357, 360 и 361 УК РФ;

4) совершение в период нахождения под административным надзором преступления, за которое это лицо осуждено к лишению свободы и направлено к месту отбывания наказания;

5) совершение преступления человеком в возрасте старше 18 лет против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Вторая категория – это лица, формально подпадающие под действие административного надзора (чч. 1, 3 ст. 3). К данной категории относятся совершеннолетние лица, освобождаемые или освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость за совершение:

1) тяжкого или особо тяжкого преступления;

2) преступления при рецидиве преступлений;

3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего;

4) двух и более преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ.

Однако в отношении вышеперечисленных лиц административный надзор устанавливается только при условии, если:

1) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (в случае установления административного надзора по инициативе исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России));

2) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления, и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, и (или) административных правонарушения, предусмотренных ч. 7 ст. 11.5, и (или) ст. 11.9, и (или) ст. 12.8, и (или) 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (в случае установления административного надзора по инициативе органов внутренних дел).

Необходимо отметить, что Федеральный закон «Об административном надзоре» не содержит понятия «лицо, формально подпадающее под действие административного надзора». Между тем данный термин широко используется в юридической литературе [4, с. 196]. К примеру, Е.А. Супонина предлагает следующее определение анализируемого термина: «это лицо, в отношении которого формально действуют законные основания для установления административного надзора» [5, с. 201].

Как следует из уголовного закона, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2016 № 21 «О судебной

практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», «субъектом преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, может быть только лицо, в отношении которого в соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», судом в порядке административного судопроизводства установлен административный надзор» [6]. Другими словами, субъектом указанного преступления является лицо, в отношении которого было вынесено и вступило в законную силу соответствующее решение суда, поскольку согласно ст. 6 Федерального закона «Об административном надзоре» только суд обладает исключительным правом устанавливать административный надзор на основании заявления исправительного учреждения или органа внутренних дел.

Таким образом, лиц, перечисленных в первой категории, можно рассматривать в качестве субъектов совершения преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ (при наличии совокупности всех признаков состава данного преступления), поскольку к ним административный надзор применяется судом сразу же после освобождения из мест лишения свободы, в то время как лица, формально подпадающие под действие административного надзора, не могут быть признаны субъектами преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, поскольку их правовой статус еще не оформлен соответствующим судебным решением, вступившим в законную силу. В соответствии с Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29.03.2019 № 205, они подлежат профилактическому учету участковых уполномоченных полиции [7].

Подводя итог изложенному выше, стоит обобщить полученные выводы. Во-первых, полагаем, что рассмотрение терминов «поднадзорное лицо» и «лицо, в отношении которого установлен административный надзор», закрепленных в диспозиции ст. 314.1 УК РФ, в качестве двух нетождественных видов специальных субъектов преступления не совсем верно. Как следует из смысла Федерального закона «Об административном надзоре», указанные понятия употребляются законодателем в качестве синонимов и обладают равноценной смысловой нагрузкой.

Во-вторых, полагаем, что гораздо большее значение для правильной уголовно-правовой оценки субъекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, а также эффективного использования данной информации для расследования уголовного дела имеет правильная интерпретация категории судимых лиц, которые могут быть отнесены к субъектам уклонения от административного надзора. Анализ ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре» позволяет выделить две категории лиц, в отношении которых устанавливается (может быть установлен) административный надзор. Первая категория – это лица, в отношении которых админи-

стративный надзор устанавливается сразу (чч. 2 и 2.1 ст. 3). Лиц, отнесенных законодателем к этой категории, можно рассматривать в качестве субъектов совершения преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ (при наличии совокупности всех признаков состава рассматриваемого преступления), поскольку к ним административный надзор применяется судом сразу же после освобождения из мест лишения свободы. Вторая категория – это лица, формально подпадающие под действие административного надзора (чч. 1, 3 ст. 3), которые, в свою очередь, не могут быть признаны субъектами преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, поскольку их правовой статус еще не оформлен соответствующим судебным решением, вступившим в законную силу.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 06.04.2011 № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Петрова О.В. Уклонение от административного надзора: от теории к практике // Криминалистъ. 2022. № 4 (41). С. 23–28.

4. Моргунов Д.М., Можаев С.А. О практике выявления и постановки органами внутренних дел на учет лиц, подпадающих под действие административного надзора // Вестник Воронежского института МВД России. № 1. 2022. С. 195–199.

5. Супонина Е.А. «Формальник» или лицо, в отношении которого формально действуют законные основания для установления административного надзора // Novainfo. 2016. № 53. С. 197–205.

6. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24.05.2016 № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Сведения об авторе

Бициев Зелимхан Вахитович. Адвокат.

Коллегия адвокатов «НИЗАМ» Адвокатской палаты Чеченской Республики.

193313, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Коллонтай, д. 5/1, кв. 1250.

Ключевые слова: субъект преступления, уклонение от административного надзора, административный надзор, лицо, в отношении которого установлен административный надзор, поднадзорное лицо, лицо, формально подпадающее под действие административного надзора.

Боева М.А.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье затронут вопрос о значении роли следователя в современном уголовном процессе. В полномочия следователя входит расследование уголовного дела, сбор доказательств по делу, оценка их допустимости, решение о проведении тех или иных следственных действий, защита прав потерпевших лиц, определение справедливого наказания лицу, виновному в совершении преступления. Немаловажную роль здесь играет независимость и самостоятельность процессуальной деятельности данного должностного лица. Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет самые разнообразные полномочия следователя, однако в юридической литературе по-прежнему существует множество мнений о недостаточном урегулировании уголовно-процессуальным законом порядка реализации указанных полномочий, что, в свою очередь, зачастую влечёт невыполнение требований законодательства при осуществлении предварительного следствия и нарушение прав и свобод иных участников уголовного судопроизводства.

Одним из составляющих элементов процессуального статуса следователя является его самостоятельное и независимое производство предварительного следствия, определение хода и направления расследования уголовного дела, выбор того, какие следственные мероприятия или другие процессуальные действия необходимо провести. В качестве исключения из этого положения выступают лишь случаи производства следственных действий по судебному решению, что закреплено в п. 3 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Кроме того, следователь, подобно судье, прокурору, самостоятельно определяет степень допустимости тех или иных доказательств по уголовному делу, оценивает доказательства на основе своего внутреннего убеждения, поддерживаемого имеющимися в уголовном деле доказательствами, руководствуясь при этом законом и совестью [1]. Именно право на самостоятель-

ное направление предварительного следствия, проведение следственных и процессуальных действий определяет юридическую основу процессуальной независимости следователя.

Об определении процессуальной самостоятельности следователя в научной юридической литературе ведутся разговоры уже не один десяток лет. В настоящий момент различные точки зрения учёных-процессуалистов относительно полноты или недостаточности регламентации независимости следователя по-прежнему встречаются в юридической литературе.

Тем не менее многие авторы научных трудов по проблемам уголовного процесса считают, что процессуальная независимость следователя – это элемент его статуса, заключающийся в праве самостоятельно принимать решения об определении направления предварительного следствия, выборе и производстве следственных действий и полной ответственности за их законное и своевременное проведение. Определённые учёные считают, что «вся стадия предварительного следствия основывается на обеспечении процессуальной самостоятельности и независимости следователя» [2].

Одной из проблем, касающихся вопроса самостоятельности и независимости следователя, является подчинение следователей вышестоящим руководителям. По мнению некоторых учёных, данный фактор отрицательно сказывается на эффективности и результативности деятельности следователя. Также работники прокуратуры, с одной стороны, выступают в качестве гарантов соблюдения следователями требований законодательства, а с другой – права прокурора зачастую делают лиц, осуществляющих предварительное следствие, полностью подотчетным прокурору, что, очевидно, существенно ограничивает самостоятельность следователя в принятии процессуальных решений. С точки зрения Д.А. Арутюняна, отказ от неограниченного прокурорского надзора явился бы положительным сдвигом в деятельности многих следственных органов [3]. Кроме того, одним из особо ярких ограничений независимости следователя представляется право прокурора на возвращение уголовного дела на дополнительное расследование. Нередко нарушения, при выявлении которых происходят вышеуказанные действия, могут быть устранены судом при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании, причём без существенного влияния на исход рассматриваемого дела.

Стоит упомянуть о том, что в средствах массовой информации довольно часто упоминается о нарушениях следователем закона при производстве расследования уголовного дела. Однако не следует забывать, что не только работники прокуратуры стоят на страже закона и защите прав участников уголовного процесса, а задачей каждого следователя является не нарушение прав потерпевшего или подозреваемого, а, наоборот, их охрана, соблюдение и гарантия. Также нельзя не учитывать тот фактор, что многие работники прокуратуры, осуществляющие надзор за деятельностью следователя, порою сами никогда не осуществляли предварительное

следствие, не знают особенностей расследования определённых преступлений, никогда не проводили следственных действий. Сразу же возникает вопрос об эффективности и целесообразности данного надзора. Всегда ли подобный прокурор будет справедливо, а главное объективно и профессионально оценивать действия следователя? Будет ли обоснованным решение прокурора об отмене какого-либо постановления, вынесенного следователем, к примеру, если данный прокурор имеет абсолютно одинаковый уровень образования, что и следователь?

Продолжая разговор о целесообразности ограничения самостоятельности и независимости следователя прокурорским надзором, можно упомянуть о том, что довольно часто тот или иной следователь осуществляет предварительное следствие по определённой категории преступлений – будь то дорожно-транспортные происшествия, преступления, связанные с причинением вреда здоровью и т.д. Тем не менее нередко следователь, обладающий колоссальным опытом по расследованию указанной категории уголовных дел, обязан подчиняться указаниям и решениям надзирающего прокурора, который (что нельзя не брать во внимание) может не обладать соответствующими навыками по расследованию отдельных видов преступлений. Речь не идёт о случаях прямого нарушения следователем требований закона, рассматриваются ситуации отмены прокурорами решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, вопросов, касающихся квалификации деяний.

Процессуальная независимость лица, осуществляющего предварительное следствие, вполне может рассматриваться как реальная гарантия законного и обоснованного принятия им процессуальных решений, поскольку только обладая определённой самостоятельностью в выборе направления и хода расследования, следователь может в пределах полномочий, регулируемых законодательными нормами, объективно оценить имеющиеся в уголовном деле доказательства, их достоверность и законность, а значит, на основе указанной оценки своевременно принять необходимые меры для благополучного исхода расследования. Наверное, следует согласиться с тем утверждением, что никто лучше следователя, в чьем производстве находится дело и кто лично, непосредственно вникает в сущность исследуемых обстоятельств, не может оценить доказательства в их совокупности и принять оптимальные, верные и рациональные решения по каждому возникшему правовому вопросу [4].

Являясь процессуально независимым лицом, в своей повседневной трудовой деятельности следователь, помимо положений уголовно-процессуального законодательства, никогда не должен забывать о нормах морали и нравственности. Любое принятое им процессуальное решение затрагивает права и свободы кого-либо из участников уголовного процесса, а значит, при осуществлении предварительного следствия должны учитываться такие нравственные категории, как справедливость, совесть и мораль.

Безусловно, следователь, обладая определённой процессуальной независимостью, должен расследовать уголовное дело, учитывая своё собственное мнение, проводить необходимые следственные и иные процессуальные действия по собственному усмотрению. Ведь именно следователь по каждому конкретному уголовному делу самостоятельно собирает доказательства, проверяет и оценивает их законность и допустимость, определяет круг обстоятельств, которые необходимо установить и которые будут достаточными для обоснованного привлечения лица в качестве обвиняемого, справедливого определения ему меры наказания. Как верно отмечает В.В. Уланов, «...если мы говорим о таком процессуально самостоятельном лице, как следователь, необходимо учесть, что, как правило, этот выбор должен быть им сделан без внешнего давления, основан должен быть только на внутреннем убеждении» [5]. При реализации принципа процессуальной независимости закон предписывает следователю руководствоваться не просто своим личным и профессиональным мнением, но и требованиями уголовно-процессуального законодательства, предусматривающими определенные ограничения решений и действий следователя.

Несомненно, процессуальная независимость следователя должна подразумевать собой и строгую ответственность данного должностного лица за производство предварительного следствия и его результаты [6, с. 83]. По мнению А.Р. Вартанова, в УПК РФ отсутствует указание на ответственность следователя за законное и своевременное проведение следственных и процессуальных действий [4]. Процессуальная самостоятельность данного должностного лица является одним из путей совершенствования деятельности следователя, повышения результативности предварительного расследования, обеспечения законного и обоснованного расследования уголовного дела, определения виновному лицу справедливого наказания. В свою очередь, каждый из следователей обязан проявлять не только самостоятельность в своих действиях, но и готовность нести ответственность за принятые им решения.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: по состоянию на 04.08.2023.

2. Гаврилов Б.Я. О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние, перспективы развития // Право и политика. 2001. № 2.

3. Арутюнян Д.А. Актуальные вопросы модернизации органов предварительного следствия России // Российский следователь. 2011. № 6.

4. Вартанов А.Р. Процессуальная самостоятельность следователя: сущность и значение // Право и политика. 2011. № 8.

5. Уланов В.В. Содержание процессуальных функций следователя // Российский следователь. 2008. № 17.

6. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2014. 630 с.

Сведения об авторе

Боева Милана Александровна. Кандидат юридических наук, доцент. Старший преподаватель кафедры специальной подготовки.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следователь, процессуальный статус, независимость, прокурор, уголовное дело, доказательства.

Бондаренко А.А.

ИЗМЕНЕНИЕ И ДОПОЛНЕНИЕ – САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ КОРРЕКТИРОВКИ ОБВИНЕНИЯ

В соответствии с наименованием ст. 175 УПК РФ предъявленное лицу обвинение может изменяться и дополняться. При этом сущность и основания второго решения не нашли отражения в диспозиции статьи, что в правоприменительной деятельности привело к размыванию границы между, на наш взгляд, разными способами корректировки обвинения.

В период действия Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РСФСР корректировка предъявленного обвинения была возможна путем использования двух самостоятельных способов – изменение и дополнение обвинения. При этом оба способа были востребованы в правоприменении. Однако в ходе эволюции представлений о моменте начала уголовного преследования (перенос момента начала уголовного преследования на более ранние этапы производства по делу, возросшая значимость акта уголовного преследования как единственно возможного акта начатия уголовного преследования) отношение к автономности дополнения обвинения, как к отдельному способу формирования обвинения по уголовному делу, изменилось. Представляется, этому способствовала и неполнота современного нормативного регулирования.

Действительно, ст. 175 УПК РФ озаглавлена: «Изменение и дополнение обвинения. Частичное прекращение уголовного преследования», но в диспозиции статьи основания и порядок дополнения обвинения не раскрываются. В содержании статьи встречается только термин «изменение предъявленного обвинения». В частности, законом устанавливается, что при появлении оснований для изменения обвинения следователь выносит новое

постановление о привлечении в качестве обвиняемого и официально предъявляет его обвиняемому в том же порядке, что и первоначальное постановление, без каких-либо дополнительных процедур (ч. 1 ст. 175 УПК РФ).

В отличие от отечественного уголовно-процессуального законодательства, имеющая схожее наименование ст. 245 УПК Республики Беларусь [1] регламентирует дополнение обвинения в качестве самостоятельного способа его корректировки. Вместе с тем оснований применения и содержания рассматриваемого способа там также не раскрывается.

Разность оснований изменения и дополнения обвинения подчеркивалось в учебной и научной литературе периода действия УПК РСФСР [2, с. 52–53; 3, с. 35–38; 4, с. 37–43]. Изменение обвинения – это уточнение фактической стороны содеянного как в направлении исключения из описания деяния каких-либо фактических обстоятельств (похищенного предмета, указания на конкретное орудие преступления, отдельного действия и т.п.), так и при необходимости внести в обвинительный тезис новые существенные признаки преступления. Обвинение может меняться в части правовой оценки фактических обстоятельств совершенного деяния, например, исключение или дополнение квалифицирующих признаков, изменение применяемой части или нормы уголовного закона. Под дополнением обвинения понималась не корректировка имевшегося обвинения, а его дополнение новым самостоятельным (ранее не вменявшимся) преступлением.

Анализ представленного подхода показывает, что под изменение обвинения подпадают и случаи его уменьшения (в чем-то количественного, в отдельных аспектах – качественного) и, наоборот, приращения (количественного и качественного). В последней ситуации изменение обвинения с учетом направленности вектора его корректировки может быть названо дополнением обвинения. Такое понимание при имеющейся неполноте нормативных положений стало определяющим.

Вместе с тем правовое регулирование оставляет опору для вывода о том, что и сейчас дополнение обвинения может считаться автономным способом его корректировки. Примером тому являются случаи соединения уголовных дел в одно производство, когда в едином деле может появиться общее постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого в совершении нескольких преступлений. По каждому автономному производству возбуждено уголовное дело. Предположим, что в одном уголовном деле состоялось привлечение лица в качестве обвиняемого. По соединенному уголовному делу обвинение будет дополнено путем внесения в постановление нового (по отношению к ранее предъявленному) преступления. Немного изменим ситуацию и предположим, что по каждому из соединяемых уголовных дел были предъявлены обвинения, не нуждающиеся в корректировке. Учитывая предписание ч. 3 ст. 171 УПК РФ (ч. 3 ст. 241 УПК Республики Беларусь), содержание ранее вынесенных и предъявлен-

ных обвинений следует перенести в одно новое постановление и предъявить его в установленном порядке.

Анализ смоделированных ситуаций ставит перед нами два вопроса: 1) будет ли в этом случае иметь место дополнение обвинения, и если да, то какое обвинение дополняется? 2) зачем вообще требуется перепредъявлять обвинения, сохраняющиеся в неизменном виде? Очевидно, что ответ на первый вопрос (каким бы он ни был) не имеет принципиального значения и лежит в сфере вкусовых предпочтений. Со школьной скамьи все знают, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Каждое обвинение сохраняет свою автономность даже после соединения уголовных дел. Если настаивать на автономности отдельных обвинений, гиперболизировать ее (самостоятельное обвинение должно непременно начинаться актом возбуждения уголовного дела и не может зародиться внутри деятельности по обвинению лица в другом преступлении), то становится непонятным, для чего сводить в едином документе уже реализованные обвинения. Вряд ли возможно объяснить это одним лишь техническим удобством для преследуемого лица и его защитника.

Представляется, что вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод. Требование ч. 3 ст. 171 УПК РФ рассчитано на случаи возникновения дополнительного (или дополняющего) обвинения в ходе производства по уголовному делу, что именуется выявлением нового преступления в ходе расследования. В таком выводе, на наш взгляд, вполне правомерном, не было бы сомнений при прямом описании в законе природы и оснований дополнения обвинения и условий его применения, в частности, при доказанности другого преступления. Но законодатель от этого, судя по схожести рассматриваемых положений прежнего и действующего уголовно-процессуального законодательства, воздерживается.

Сложилась положение, когда декларированное в законе явление в виде «дополнения обвинения» наполняется содержанием в зависимости от фактической ситуации, складывающейся в рамках производства по уголовному делу. Анализ судебной практики судов общей юрисдикции показывает, что отсутствие акта о возбуждении уголовного дела по каждому из реализуемых уголовных преследований не всегда признается существенным нарушением. На наш взгляд, это связано с неисчерпанной легитимностью дополнения обвинения новым преступлением как способа расширения пределов производства по уголовному делу.

Если ограничить внимание только приведенным выше уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, то предвидим возражения, аргументированные обращением к императивному требованию об обязательности возбуждения уголовного дела в каждом случае обнаружения признаков преступления (ч. 1 ст. 27 УПК Республики Беларусь). Однако это положение является общим правилом, реализация которого должна иметь особенности в случае непосредственного обнаружения

признаков преступления в ходе расследования. Кроме того, в научной литературе, анализирующей положения уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, допускается осуществление фактического уголовного преследования в том деле, в котором оно зародилось (в отсутствие акта о возбуждении уголовного дела) [5, с. 293]. Считаем, что в этом аспекте отечественному законодателю есть что использовать при совершенствовании УПК РФ.

Не можем согласиться с возможным возражением против приведенной позиции и тем доводом, что возбуждение уголовного дела происходит раньше по времени, чем предъявление обвинения, и в этой отсрочке обвинительного тезиса состоит опасность оставления преследуемого лица в неведении. Данный довод основан на второстепенных деталях, не сравнимых по ценности с самим способом расширения предмета производства. Своевременность привлечения в качестве обвиняемого подконтрольна на ведомственном уровне и поднадзорна прокурору. Кроме того, обвинение в широком смысле (обвинительная деятельность во всех ее проявлениях) проявляется и известна лицу через акты, ставящие его в процессуальное положение подозреваемого. Что касается довода о том, что отказ от выделения материалов, их регистрации и самостоятельного возбуждения приведет к укрытию вновь выявленного преступления от государственного учета, то он легко опровергается существующим порядком постановки на учет преступлений, исходя из содержания обвинительного заключения. Так, согласно п. 28 приказа «О едином учете преступлений» в ряду оснований учета преступлений указано обвинительное заключение (акт) по ранее неучтенному преступлению [6].

Дополнение обвинения, по нашему мнению, является специальным порядком выдвижения обвинения по сравнению с общим порядком, предусмотренным ст. 171 УПК РФ. Специфика в том, что обвинение возникает не в классическом порядке (повод, проверка первичной информации, решение о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого), а в рамках расследования другого преступления того же преследуемого лица. Возможность дополнения обвинения, то есть включение в постановление нового самостоятельного преступления, позволяет не прерывать ход познания вновь выявленного преступного события отвлечением на выполнение комплекса организационно-процессуальных действий по выделению материалов, приданию им статуса уголовного дела и обратному соединению с основным делом.

Выступая специальным способом формирования обвинения, его дополнение ограничено в сфере применения. Так, принятие рассматриваемого решения возможно при выявлении нового преступления уже преследуемого лица и при наличии процессуальной связи обстоятельств преступлений (через обстоятельства одного деяния выходим на другое деяние), взаимопроникновения предмета доказывания. В таком качестве и с такими

характеристиками дополнение обвинения, на наш взгляд, должно быть доктринально легализовано и закреплено в законе.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295 (дата обращения: 14.09.2023).

2. Карнеева Л.М., Статкус В.Ф. Предъявление обвинения. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. 56 с.

3. Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. М.: Юрид. лит., 1971. 164 с.

4. Шимановский В.В. Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии: учебное пособие. Л., 1883. 48 с.

5. Солтанович А.В. Осуществление прокурорского надзора за законностью соединения и выделения уголовных дел [Электронный ресурс]: методические рекомендации. Минск, 2015. С. 293. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01502306 (дата обращения: 14.04.2023).

6. О едином учете преступлений [Электронный доступ]: приказ от 29.12.2005 Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Бондаренко Антон Алексеевич. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Омская академия МВД России.

644092, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7.

Ключевые слова: изменение и дополнение обвинения, сложносоставное уголовное дело, соединенное обвинение.

Брянская Е.В.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В свете состязательной концепции уголовного судопроизводства особое значение приобретает криминалистическое обеспечение участия стороны защиты и стороны обвинения в процессе судебных прений. В частности, в научной литературе достаточно обстоятельно представлена тактика судебного следствия, но очень слабо проработана тематика тактики аргументации посредством судебных речей: защити-

тельной и обвинительной. Следовательно, нами предпринята попытка представить некоторые тактические приемы, наиболее актуальные применительно к речи защитника-адвоката.

Современные ученые в качестве тактики защиты рассматривают систему знаний, научных разработок, полученных на основе анализа актуальной практики применения, которая связана с реализацией защитительных начал уголовного судопроизводства России, так как это регламентировано ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). А именно В.В. Конин видит в качестве тактики защиты цель и восстановления нарушенных прав потерпевшего и защиту тех лиц, которые пострадали от незаконного, необоснованного уголовного преследования, обвинения, осуждения, привлечения к уголовной ответственности [1, с. 107]. В то же время обратим внимание на творческую составляющую в разработке и формировании тактических приемов, которые вытекают из действующего уголовно-процессуального законодательства и частично из творческого, мыслительного потенциала защитника-адвоката.

Кажется банальным, но в научной литературе предлагается тактический прием «имиджа». Немалое значение имеет «имя» профессионального адвоката, его деловая репутация. «Репутация крайне важна для юриста, она фактически становится его «вторым Я», ведь общество наделяет большинство представителей юридических специальностей особыми властными полномочиями, выражая тем самым доверие в осуществлении власти от имени закона конкретным людям» [2, с. 27]. Главное заключается в том, что адвокат, который годами зарекомендовал себя в качестве грамотного юриста, который честно и компетентно отстаивает права подзащитных, такой профессионал в лице общества пользуется чувство доверия и надежности. «Доверие выступает как своеобразный маркер репутации, которая является важнейшей и необходимой характеристикой этических требований, предъявляемых к ряду профессий» [2, с. 27]. Соответственно, на выступлении в суде априори от него ждут необычную защитительную речь, которая будет отличаться смысловым изложением, гибкостью ума, оригинальностью убеждения. Однако мы помним о том, что в судопроизводстве предубеждение является недопустимой категорией и в силу принципа состязательности сторон сторона защиты и сторона обвинения пользуются равными правами независимо от личного отношения к представителю, и суд должен создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 2 ст. 15 УПК РФ).

Речь защитника-адвоката – это своего рода искусство, ее можно написать и преподнести так, что она будет являться высшей степенью проявления культуры и красоты судоговорения. В то же время речь должна быть простой и понятной, к примеру, присяжным, в числе которых чаще

всего граждане, не имеющие юридического образования и не всегда понимающие тонких процессуальных оборотов юридической речи.

При рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции речь защитника является логическим заключением и итогом того, что было исследовано в рамках судебного следствия. Как правило, речь – это сложившийся алгоритм выводов в результате изучения и оценки доказательств. В речи может быть представлено логически продуманное оперирование доказательствами. Выводы об исследованных и оцененных доказательствах сопровождаются эмоциональной окраской, поскольку защитник всегда рассчитывает не только на критическое мыслительное восприятие суда, но и на тонкости человеческой души, которая не лишена сердечности и чувства сострадания.

Как интересно писал А.Ф. Кони о величайшем правозащитнике В.Д. Спасовиче, «…он помогал суду заглянуть в тайны души подсудимого и изучить ее изгибы, защитник должен сказать в пользу обвиняемого все, чего последний сам не может, не умеет или не хочет сказать, не закрывая, однако, при этом глаз на истину и не указывая голословно на влияние и воздействие среды, личностей или обстоятельств, без их тщательного изучения и проверки и без сопоставления личности искушаемого со свойствами и приемами искушения. Дар свободного слова предоставлен адвокату для облегчения участи подсудимого, и им не следует пользоваться для распространения преступных или противообщественных идей» [3, с. 114].

Представляет интерес тактика признания доказательств недопустимыми. Современные авторы недопустимость доказательств проводят через требования и правила оценки допустимости доказательств, находящихся в единении с конкретной концепцией истины, во взаимосвязи парадигмы процесса доказывания. Однако имеют место и такие факты, когда нет смысла рассуждать о допустимости или недопустимости доказательств, когда есть недоказанность вины, и в таких случаях присяжные заседатели выносят оправдательный вердикт [4]. Разумеется, поскольку каждая судебная речь заключается в грамотности исследованных доказательств, но немалое значение имеет и качество ее преподнесения аудитории. Убедительность речи зависит от легкости восприятия и от используемых способов внушаемости. В этой связи представляются познавательными рекомендации Х. Леммермана:

1) следует работать над звучанием голоса, большое значение имеет отчетливое и звучное произношение;

2) речь лучше рассказывать не перечитывая с листочка; можно пользоваться планом, ключевыми словами, тезисами, но не стоит монотонно читать, защитника никто не услышит, и такая речь будет невнятной; кроме того, рекомендуется живую речь, по памяти, сопровождать жестикуляцией, что вносит энергетику и направляет на живость мышления как оратора, так и аудитории;

3) необходимо работать над красотой речи, ясностью и разнообразием словарного запаса, словарь синонимов в таком случае будет лучшим помощником, который помогает устранить шаблонность языка и стандартность выражений;

4) не каждый защитник имеет талант сформулировать речь-импровизацию, такой высший пилотаж мыслительной и речевой деятельности дан не каждому, поэтому не стоит сразу же после судебного следствия соглашаться на непосредственный переход к прениям сторон; речь должна быть сформированной, и уверенность оратора является предпосылкой убедительности;

5) речь должна быть честной; объективная, правдивая и непредвзятая речь должна основываться как на смягчающих, так и на отягчающих вину обстоятельствах;

6) образность речи также является убедительной, приведение в качестве примера, аналогии определенных образов достаточно эффективно действуют на коллегию присяжных заседателей;

7) адвокат сам должен быть заинтересован в исходе дела, он не должен проявлять равнодушие, его целеустремленность и желание достичь поставленное в рамках стратегии, выбранной позиции перекладывают и на аудиторию энергетику заинтересованности, включенности в процесс и неравнодушия к исходу дела;

8) речь должна быть эмоциональной, но без манипулирования и давления, мы должны помнить о свободе судейского усмотрения;

9) рекомендуется ключевые аспекты, на которые стоит обратить особое внимание, повторять; то, что не было услышано и воспринято первый раз, может быть услышано, подчеркнуто, понятно, осознанно (значит, запомнилось и воспринялось), возможно, на уровне убеждения возымеет аргументирующее значение;

10) адвокат, хорошо владеющий знанием материалов уголовного дела, выслушав и исследовав в рамках судебного следствия доказательства, должен строить свою аргументацию на взаимосвязанных доказательствах, при условии, что одно должно подтверждать другое;

11) речь должна быть конкретной и лаконичной. «Тайна скучного состоит в том, чтобы сказать все» [5, с. 10].

Итак, на основании изложенных рекомендаций можно сделать вывод, что адвокат возымеет успех в судебных прениях при условии, что он будет отлично владеть доказательственной базой по делу, умением выступать правдиво и искренне, проявляя соблюдение всех основовполагающих начал уголовного процесса, разумеется, и принцип уважения чести и достоинства к оппонентам, понимая, что главная цель и задачи у адвоката и прокурора – это достижение законности в нашем государстве. Умение выразительно и доходчиво выступать в суде является предпосылкой эффективного воздействия на всех участников уголовного судопроизводства.

Искусство судоговорения, убеждения в правде является внешним проявлением этапа прений сторон и последующих реплик, которыми завершаются выводы сторон по делу. Следовательно, защитникам рекомендуется с каждым днем повышать свой творческий потенциал судоговорения, читая не только дореволюционные источники с прекрасными речевыми оборотами, но и меняясь опытом со своими коллегами, регулярно повышая квалификацию, изучая их практику защиты.

1. Конин В.В. Тактика защиты сквозь призму адвокатских ошибок и злоупотребления правом со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. Т. 5. С. 102–109.

2. Заякина Р.А. Доверие как нравственный принцип адвокатской деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 26–30.

3. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Том 5 / под общ. ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. М.: Юрид. лит., 1968. 533 с.

4. Уголовное дело № 1-190/2023 // Перовский районный суд г. Москвы.

5. Леммерман Х. Учебник риторики: тренировка речи с упражнениями. М.: Интерэксперт, 1999. 109 с.

Сведения об авторе

Брянская Елена Васильевна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры криминалистики.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Пилютова, д. 1.

Ключевые слова: доказывание, аргументация, прения сторон, речь защитника, внутреннее убеждение, судейское усмотрение.

Быстрова Ю.В.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

В данной статье рассматриваются основные этапы в расследовании сексуальных серийных убийств. Выявлены проблемы, которые возникают на практике при расследовании данных деяний. Предложены основные направления для дополнения существующей методики расследования

сексуальных серийных убийств в целях эффективного и быстрого раскрытия и расследования указанной группы преступлений.

Каждый год в России регистрируются случаи совершения убийств, имеющих признаки серийности, особой группой среди которых выделяются убийства, совершаемые на сексуальной почве. История полна примеров известных серийных убийц. В свое время на весь мир прозвучали имена Теда Банди, Гари Рида, Андрея Чикатило, Франсуа Бертрана. Их преступные деяния отличались особой жестокостью и погубили десятки безвинных детей, подростков, мужчин и женщин.

Несмотря на существование множества исследований серийных убийств на сексуальной почве, эта тема до сих пор остается еще недостаточно изученной в научных кругах, в связи с чем представляет интерес.

Серийные сексуальные убийства представляют серьёзную угрозу для общества. Расследование данных преступных деяний требует высокой квалификации следователей, а также наличия у них специальных знаний в области психологии.

Расследованием указанной категории дел занимается Следственный комитет Российской Федерации, который не только имеет высококвалифицированных специалистов, но и обладает необходимыми ресурсами и технологиями, позволяющими эффективно собирать доказательственную базу. Например, в его распоряжении находятся форензические лаборатории, способные определить ДНК-анализ, компьютерные технологии, психологические клиники, различные экспертные центры и т.д.

Однако на практике возникают проблемы при расследовании рассматриваемых преступных деяний [1, с. 5]. Это можно объяснить наличием различных взаимосвязанных обстоятельств: отсутствие или недостаточность знаний у следственных органов об особенностях совершения серийных убийств на сексуальной почве; невозможность использования по данным категориям дел типовых методик расследования и т.д.

Еще одной проблемой, возникающей на практике при расследовании серийных сексуальных убийств, является недостаточность комплексных теоретических знаний других наук (психологии, психиатрии, криминологии и т.д.) в связи с тем, что изучение личности серийного сексуального убийцы строится на междисциплинарных исследованиях. Поэтому считаем необходимым интегрировать научные знания различных отраслей наук в практическую деятельность по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступных деяний.

Не менее важным аспектом в практической деятельности следователя является констатация и выявление серии совершенных преступных деяний, а также соединение уголовных дел, возбужденных в разное время, в различных регионах, в одно производство. Как правило, уголовное дело возбуждается и расследуется как единичное, если не имеет аналогичного

почерка в преступных действиях на территории определенного субъекта, не проводится анализ аналогичных дел в соседних регионах. Как показывает практика, признаки серийного убийства на сексуальной почве обнаруживают только после задержания лица, подозреваемого в совершении конкретного преступления, которые задержанный сообщает в ходе допросов.

Отдельной проблемой в раскрытии этих преступлений выступает неправильное и несвоевременное изъятие следов биологического происхождения с места происшествия. Ввиду халатности, отсутствия у следователя достаточного количества времени объекты биологического происхождения изымают без соблюдения установленных норм.

В методике расследования преступлений традиционно учитываются три составляющие: особенности выявления, расследования и предупреждения преступлений с использованием криминалистических средств как взаимосвязанного и взаимообусловленного процесса доказывания по уголовному делу.

Следственная методика может рассматриваться как система научных рекомендаций, сконцентрированных в совокупности методических пособий, рекомендаций и других изданий для расследования отдельных видов преступлений в целом или относящихся к определенному виду (группе).

Применительно к серийным сексуальным убийствам существует своя методика расследования, включающая следующие положения:

1) систематический сбор и анализ информации о совершенном преступлении: изучение материалов, полученных с места происшествия; ознакомление с медицинскими заключениями; составление таблицы, которая содержит характеристику каждого преступления (его время, место и т.д.); установление связей между преступлениями.

2) криминалистическое профилирование личности преступника: выдвижение версий о возможных мотивах убийцы; изучение характеристик личности потерпевших; исследование оставленных на месте преступления материальных следов (отпечатки пальцев, следы крови, окурки сигарет); установление способа убийства.

3) систематизация показаний свидетелей: опросы очевидцев преступления; анализ записей телефонных разговоров.

4) применение средств спецтехники: ДНК-анализ; поиск отпечатков в базе данных.

Однако, по нашему мнению, перечисленный выше список действий не является полным. Как известно, расследование должно отвечать принципам полноты, объективности, всесторонности. Особенности указанных преступлений подразумевают и иные пути их расследования. Так, например, сотрудники правоохранительных органов часто пренебрегают обращением к психологам или другим специалистам для составления портрета предполагаемого преступника ввиду отсутствия знаний о том, как работать с экспертами, а также недостатка времени. Еще одним пунктом в этом пе-

речне, на наш взгляд, будет являться повышение качества проверок, проводимых в отношении лиц, подозреваемых в совершении серийных сексуальных убийств как оперативным, так и следственным путем.

Первым шагом в создании собственной методики расследования является изучение предыдущих серийных убийств и анализ методик, которые применялись другими следователями, что поможет определить наиболее эффективные из подходов.

Далее следует разработать индивидуальную методику, которая учитывала бы специфические особенности каждого отдельного случая. Сюда включаются создание базы данных по предыдущим убийствам, анализ обстоятельств времени и места преступления, привлечение экспертов-психологов.

Среди существенных недочетов в расследовании рассматриваемых деяний необходимо выделить несвоевременность проведения отдельных следственных действий, которые впоследствии могли бы положительно повлиять на ход, быстроту и эффективность расследования; поспешность выводов правоохранительных органов о причастности или непричастности лица к совершенному деянию; неизучение личности подозреваемого на предмет воспитания, состава семьи, сексуальных предпочтений, психологических травм и обид.

Нельзя не учитывать статистические данные, связанные с такими преступлениями, которые в состоянии помочь в определении общих характеристик убийцы, установлении его мотивации и методов совершения преступления.

Оперативно-разыскная практика в 1970-х и 1990-х гг. показала возможность использования полученной экспертами информации о лицах, наиболее вероятно совершивших умышленные половые убийства сексуального характера. Особое следственное значение имеют характеристики лиц, совершивших убийства из сексуальных побуждений, которые могут быть положены в основу оперативно-тактической характеристики этих преступлений, определяющих специальные приемы и навыки конкретной оперативно-розыскной работы по преступлениям [2, с. 86] .

Следует также отметить, что при анализе серийных сексуальных убийств существует вероятность возникновения вопросов этического и юридического характера, таких как защита прав и обеспечение конфиденциальности жертвы. Поэтому особо важным будет придерживаться норм законодательства вкупе с нормами этики, а также обеспечивать сохранение конфиденциальности всех связанных с расследованием данных.

Таким образом, можно подвести итог, что на сегодняшний день методика расследования серийных сексуальных убийств требует значительных доработок, в основу которых должны быть положены проблемы, возникающие в практической деятельности правоохранительных органов. При полном анализе всех имеющихся в распоряжении следствия доказательств

и обстоятельств, а также применения различных методов и технологий для установления подозреваемого и привлечения его к законной ответственности необходимо создание собственной методики расследования, которая может стать эффективным подходом для следователя в раскрытии серийных сексуальных убийств.

1. Зернова А.А. Особенности расследования убийств, совершенных на сексуальной почве // Аллея Науки. 2019. № 5 (32). С. 5–12.

2. Тихонова Е.В. Расследование и предупреждение серийных сексуальных убийств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2002. 225 с.

Сведения об авторе

Быстрова Юлия Викторовна. Доктор юридических наук, доцент. Заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

Старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований.

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Ключевые слова: криминалистика, методика расследования сексуальных убийств, серийные убийства.

Ветрова О.А.

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАСКРЫТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассмотрена судебно-экологическая экспертиза, необходимая для успешного раскрытия преступлений экологической направленности. Выявлены проблемы реализации экспертных мероприятий в сфере экологических преступлений. Сформированы рекомендации по решению возможных трудностей в затронутой теме.

Экологическое преступление – это общественно опасное, противоправное деяние, совершенное в сфере использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, за которое Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность [1]. Такие преступления довольно специфичны как в вопросе их специализации, так и в вопросах доказательного и расследуемого процесса, поэтому

возникает необходимость более активно внедряться в эту сферу и заниматься их профилактикой и предотвращением.

Чтобы экологическое преступление было раскрыто, необходимо прибегнуть к различным процедурам, касающимся различных инстанций и уровней, в том числе и института экспертно-криминалистической деятельности. Поэтому в данной статье рассмотрим также судебную экспертизу.

В настоящее время реализуемая судебная практика, а также прогнозируемые перспективы её развития отражают потребности системы судебной и следственной практики. Все это зависит от уровня компетенций, которыми обладают следователи и судебные эксперты, а также общего уровня развития института судебной экспертизы и иных факторов. В ходе расследования преступлений часто возникает потребность в получении ответов на вопросы, которые наиболее актуальны для их более быстрого и справедливого раскрытия, следовательно, для вынесения соответствующего приговора или же оправдания человека. Чтобы получить необходимые ответы, нужно использовать такие знания, которыми не обладает лицо, отвечающее за расследование уголовного дела. Исходя из этого, следователь имеет право вполне оправданно прибегнуть к помощи такого специалиста, обладающего соответствующими компетенциями, необходимыми для решения указанных вопросов.

Одним из видов помощи следствию является производство судебной экспертизы, которое, в свою очередь, несовершенно, поэтому необходимо изучать практическую реализацию судебной экспертизы в криминалистике со стороны различных учреждений, которые занимаются судебно-экспертной деятельностью. Безусловно, роль экспертно-криминалистической деятельности высока и значима в раскрытии преступлений различной направленности и степени тяжести, в том числе преступлений, совершенных в отношении охраны окружающей среды.

Возрастание значимости судебно-экспертного процесса с целью уточнения, доказательства или опровержения фактов, касающихся нарушений окружающей среды, где обитают люди, животные и растения, определяет потребность в развитии судебно-экологической экспертизы (далее – СЭЭ) в качестве самостоятельного направления экспертной деятельности.

Бесспорно, назначение и проведение подобных экспертных мероприятий имеет ряд особенностей, которые обусловлены спецификой протекания во времени и развития экологических преступлений, что влияет на практику экспертных исследований.

Так, в ходе расследования преступлений в сфере экологии у следователя/дознавателя в рамках одного уголовного дела может возникать необходимость в проведении целого комплекса экспертно-криминалистических мероприятий. Как уже отмечалось выше, одним из этапов этого комплекса является судебная экспертиза. Если говорить более узко, то есть про судеб-

но-экологическую экспертизу, то именно она затруднена тем, что последствия преступных деяний в экологической среде носят скрытый характер.

Расследование экологических преступлений – это процесс, состоящий из ряда действий/этапов, направленных на более быстрое и эффективное выявление виновного лица. Перед тем как рассмотреть трудности, которые возникают при реализации судебно-экспертных мероприятий, стоит отметить, по каким видам зачастую экологических преступлений запрашивается судебная экспертиза, и то, что же именно является объектом исследования у экспертов.

Так, чаще всего по таким видам преступлений проводятся судебно-экспертные мероприятия:

1. Загрязнение вод (ст. 250 УК РФ);
2. Загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ);
3. Загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ);
4. Порча земли (ст. 254 УК РФ);
5. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ);
6. Незаконная охота (ст. 258 УК РФ);
7. Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

В судебно-экологической экспертизе при соединении юридических и естественнонаучных специальных знаний также формируются свои экспертные понятия [2].

Объект изучения и анализа судебно-криминалистических экспертов есть непосредственно вся территория, которая является местом происшествия и на которой были обнаружены преступные следы и улики. Иначе говоря, нельзя привезти части земли, растений и прочего в судебно-экспертное учреждение для того, чтобы в дальнейшем эксперты определили, было ли совершено преступление и каковы его масштабы. В данном случае это здесь нереально, ведь необходима оценка всех территорий и изучение всей материальной обстановки, объемы которой значительны и мобильность которой минимальна или сведена к нулю. Обычно эксперты не выезжают на место происшествия, если они ранее были там как специалисты.

К сожалению, СЭЭ не отличается совершенным характером и идеальной реализацией. Возникает немало проблем, которые требуют решения в целях успешного расследования экологических преступлений, изучения их первопричин с дальнейшей профилактикой предотвращений подобных противоправных деяний. Далее перечислим проблемы и возможные пути их решения.

Во-первых, это недостаточный уровень знаний или их отсутствие у лиц, которые занимаются расследованием экологических преступлений. Требуется внедрение дополнительной подготовки и повышения квалификации для тех правоохранительных сотрудников, которые занимаются уго-

ловными делами экологической направленности. Это должно представлять собой комплексный процесс, которые включал бы и семинары, и курсы, и стажировки с целью передачи опыта, получения новых знаний и необходимой практики.

Во-вторых, следующая проблема, предположительно, вытекает из первой как последствие. Речь идет про некорректный выбор необходимой экспертизы. Следовательно, из-за этого действительно правильные и нужные экспертизы либо вовсе не назначаются либо назначаются, но с большим опозданием. Это влечет за собой задержку уголовного судопроизводства или иного вида судопроизводства, а также неправильно вынесенный приговор. Предотвращение и исключение подобной проблемы возможно также за счет повышения квалификации сотрудников в целях их более спокойного ориентирования в уголовно-экологической сфере.

В-третьих, трудности могут возникать с формулировкой вопроса эксперту (нет уточнений и четкой заявленной мысли; вопрос, находящийся в компетенции субъекта расследования, а также вопросы, которые необходимо задать специалистам, являющимся экспертами других профилей).

В-четвертых, эксперт не всегда способен максимально точно определить и оценить ущерб, нанесенный окружающей среде, ведь окружающая среда – это очень специфичный объект для исследования. Последствия различных деяний в природе проявляются не раньше, чем через несколько лет. Соответственно, на вопрос: «нанесен ли ущерб и в каком размере?», эксперт не может дать другому субъекту расследования полный ответ.

В-пятых, проблемой является и недостаточность квалифицированных экспертов-экологов. В таком случае обычно привлекаются специалисты в таких сферах, как судебно-биологическая (подразделяется на судебно-ботаническую экспертизу и судебно-зоологическую экспертизу, первая из которых направлена на исследование объектов растительного происхождения, а вторая – на изучение меха, кожи, тканей, костей и выделений животных), судебно-почвоведческая, а в самом крайнем и худшем случае – юристы, которые не обладают специальными знаниями, или экологи, не имеющие юридических знаний и не обученные методикам экспертной деятельности [3].

Исходя из вышеотмеченного, можно сделать вывод, что данный вопрос довольно масштабен и обширен сам по себе, а количество возможных проблем и трудностей может быть, соответственно, больше. Судебно-экологическая экспертиза является одной из самых актуальных в наше время по сравнению с прошлым, когда антропогенное воздействие на природу было значительно меньшим по объему. Сейчас же, когда люди спохватились, частично осознав то, что натворило человечество за время своего бурного развития, и то, что происходит ежедневно в настоящее время, возросла роль определения плохих деяний по отношению к природе как

противоправных, нарушающих закон. Соответственно, экологические преступления – это новый повод задуматься о том, что делают люди и почему.

Современные реалии требуют совершенствования производства всей системы судебно-экспертной деятельности на разных уровнях и этапах её реализации, в том числе при экологических преступлениях. Судебная экспертиза как неотъемлемый элемент функционирования судебной системы – это источник предъявления честного, справедливого и правильного приговора или оправдания. Хорошо подготовленный судебный эксперт более полноценно претворяет в жизнь потенциальные возможности судебно-экспертных учреждений с помощью применения специальных знаний в судопроизводстве и совершенствования судебно-экспертной деятельности. Это, соответственно, повышает качество производства судебной экспертизы.

Заключение эксперта есть один из источников доказательств, поэтому в процессе расследования уголовных дел особая роль отводится эксперту и его заключению. Важно, что из постулатов теории уголовно-процессуального доказывания вытекает, что никакое доказательство не обладает ранее установленной и закрепленной силой. По этой причине выводы эксперта нельзя переоценивать, принимать их на веру без критики. Здесь необходима надлежащая оценка «творения человека».

Таким образом, изменение норм уголовного законодательства и особенностей совершения преступлений, появление новых и совершенствование старых видов экспертиз, дальнейшее изменение норм, регулирующих уголовный процесс, неизбежно приведут к появлению новых вопросов в процессе назначения и производства экспертиз, оценки заключений эксперта, которые, как и в настоящее время, будут требовать обсуждений и новых путей их разрешения.

Экологическая сфера – не исключение из правил. Экологические преступления – серьезнейшая проблема, которая требует решения. Судебная экспертиза в данном вопросе способна решить многие трудности и преодолеть многие препятствия. Она необходима и для того, чтобы более полно понимать, почему и из-за чего совершаются подобные преступления – умышлено или по неосторожности. Это кропотливая работа, которая требует не только практической реализации, но и научного изучения в целях формирования четкого мнения и единой нормативно-правовой базы, способных предопределять основы уголовно-экологической сферы.

---

1. Ответственность за совершение экологических правонарушений, преступлений. Прокуратура информирует. Важно [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Нанайского муниципального района. URL: https://nanraionadm.khabkrai.ru/Important/Prokuratura-informiruet-/5793#:~:text=Экологическое%20преступление%20—%20это%20общественно,кодексом%20РФ%20предусмотрена%20уголовная%20ответственность.

2. Михалева Н.В. Экспертные понятия в судебно-экологической экспертизе. Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 124–129.

3. Черных Н.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Перспективы подготовки экспертов в области судебно-экологической экспертизы в Российском университете дружбы народов // Вестник РУДН. Сер. Экология и безопасность жизнедеятельности. 2007. № 2. С. 75–80.

Сведения об авторе

Ветрова Оксана Александровна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: экологические преступления, специальные знания, охрана окружающей среды, судебная экспертиза, судебно-экологическая экспертиза, среда обитания, экспертно-криминалистическая деятельность.

Выходов А.А.

К ВОПРОСУ ОБ АЛГОРИТМЕ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЬЯМИ ДЕЯНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье проводится рассмотрение алгоритма квалификации судьями деяния как преступления, а также возникающие в процессе его осуществления типичные ошибки. На основе анализа уголовно-процессуальных и уголовно-правовых источников делаются выводы об алгоритме как процессе последовательно сменяющих друг друга стадий, каждой из которых отведено в нем своё отдельное место, а также об ответственности судей и иных правоприменителей за допускаемые квалификационные ошибки.

В современной отечественной уголовно-процессуальной науке исследователи отдают предпочтение осмыслению, анализу и раскрытию отдельных вопросов процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, новелл законодательства и, при наличии научной дискуссии, отражению авторских позиций относительно внесенных в уголовно-процессуальный закон изменений. Между тем не требует дополнительных пояснений, что сам предмет уголовно-процессуальной науки по своему объему намного шире, чем проблематика, поднимаемая в подобных исследованиях, а отдельные его аспекты, если и выносились на обсуждение в

научный дискурс, то не получали должного отклика. Одним из таких вопросов, который является, с одной стороны, как бы не требующим дополнительных пояснений требованием, содержащимся в ч. 1 ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и предусматривающим три свойства приговора (законность, обоснованность, справедливость), а с другой – актуальным в силу установления необходимого алгоритма действия правоприменителя (судьи) по квалификации деяния как преступления, результатом которого является вынесение приговора, не противоречащего указанной выше норме. От правильности квалификации деяния зависит возможность применения тех или иных негативных уголовно-правовых последствий для лица, совершившего преступление. Например, размер и виды назначенного наказания, обоснование применения мер принудительного характера и т.д.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ справедливым, законным и обоснованным можно назвать лишь приговор, который соответствует требованиям уголовно-процессуальных норм и не противоречит уголовному закону [1]. Вполне логично, что в этой связи серьезные требования предъявляются к судье, который должен правильно трактовать нормы закона и в соответствии с ними верно квалифицировать совершенное деяние. При этом в контексте предъявляемого ко всем ветвям власти императива в обеспечении прав личности важно понимать, что любая ошибка – как в применении, так и в квалификации, приводит для обвиняемого в преступлении лица к возникновению у него обязанности претерпевать негативные последствия, не предусмотренные духом и буквой закона в указанной конкретной ситуации.

Следует согласиться с той позицией, что на данном этапе (квалификации совершенного деяния) действия правоприменителя (судьи) должны быть направлены на исполнение алгоритма по соотнесению отдельных признаков состава преступления, наличествующих в совершенном лицом деянии, к нормам уголовного закона. При этом действия имеют строгую направленность и цель – нахождение соответствия в этом алгоритме.

Рассматривая алгоритм квалификации деяний в качестве процесса последовательных, взаимосвязанных стадий, сменяющих друг друга, целесообразно в первую очередь устанавливать объект, затем признаки объективной стороны, а только потом переходить к установлению субъективной стороны и субъекта.

Итак, на первоначальном этапе судья определяет общественные отношения, на которые посягает деяние. Представляется не требующим дополнительных пояснений то обстоятельство, что отсутствие нарушения (посягательства) охраняемых уголовным законом общественных отношений означает невозможность квалификации деяния как преступления, и, как следствие, возникающие между сторонами споры находятся в плоскости регулирования иных отраслей права.

При этом для правоприменителя важно не забывать уделять внимание и факультативным признакам объекта, имеющим определяющее значение для квалификации преступления при их непосредственном закреплении в уголовно-правовых нормах. При определении признаков предмета во многих случаях требуется проведение экспертизы. Например, при квалификации уголовного дела о сбыте или приобретении наркотических веществ необходимо установить факт того, что данное вещество является наркотическим и т.п.

Серьезной проблемой для правоприменителя при квалификации по объекту являются наличествующие реальные и мнимые пробелы, затрудняющие подбор нужной нормы для конкретного дела, теоретически возможные коллизии, и чаще всего встречающаяся конкуренция норм. В этой связи важно понимать, что в случае конкуренции норм наиболее ярко демонстрируется и подчеркивается важность первоочередности определения объекта в алгоритме квалификации деяний как преступлений. Например, одним из наиболее классических примеров в отечественной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науке по данному вопросу может быть кража оружия, деяние, квалификация которого находится в конкуренции объекта ст. 158 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ и общественных отношений, связанных с установленным порядком оборота оружия и боеприпасов. В результате выбор объекта правоприменителем (судьей) предопределяет все дальнейшие стадии алгоритма квалификации и, как следствие, размер и вид уголовно-правовой ответственности, предусмотренной для правонарушителя. Всё обозначенное выше только подчеркивает первоочередность определения объекта в алгоритме квалификации деяния как преступления.

Вторым этапом, по нашему мнению, в указанном процессе является анализ объективной стороны. При этом происходит анализ внешней стороны преступного посягательства, включающей как обязательные, так и факультативные признаки. Следует согласиться с теми позициями процессуалистов, которые обращают внимание на проблематику разграничения способа совершения преступления, что во многом предопределяет неверную квалификацию правоприменителем (судьей) [2, с. 85]. Например, при разграничении кражи, разбоя, грабежа и мошенничества, то есть группы составов, отличающихся друг от друга только способом хищения чужого имущества.

На следующем этапе алгоритма квалификации деяния происходит исследование судьей субъективной стороны. Полностью разделяем мнение о том, что всестороннее и полное исследование объективной стороны во многом предопределяет качество оценки правоприменителем субъективной стороны и должно предшествовать ей. Например, приготовление к преступлению и использование преступником каких-либо средств, инструментов или орудий для облегчения наступления ожидаемого им пре-

ступного результата явно свидетельствует о наличии умысла в его действиях.

Между тем квалификация субъективной стороны преступления для правоприменителя (судьи) также имеет ряд проблемных аспектов, на которые необходимо обращать внимание для правильной квалификации деяния. Например, необходимо помимо релевантного установления формы вины (в том числе при соучастии) указывать его вид, обращать внимание на квалифицирующие факультативные признаки. Если не учитывать хотя бы один из обозначенных выше аспектов, то возникает риск нарушения требований ст. 297 УПК РФ.

Последним этапом в алгоритме по соотнесению отдельных признаков состава преступления, наличествующих в совершенном лицом деянии, к нормам уголовного закона является анализ правосубъектности лица. Представляется, что наиболее проблематичным в данном аспекте является соотнесение лица в качестве специального субъекта. Например, определение субъекта в качестве должностного лица, законодательное определение которого содержится в примечании к ст. 285 УК РФ, вызывающее обширные дискуссии относительно его содержания. Солидарны с позицией, относящей лицо, получающее взятку, к должностному при императиве выполнения им функций должностного лица, прежде всего, организационно-распорядительных, а не только занятия должности.

В целом, рассмотрев алгоритм квалификации деяний в уголовно-процессуальной сфере в качестве процесса сменяющих друг друга стадий, каждой из которых отведено в нем своё отдельное место, отразив отдельные возможные проблемные аспекты, способные возникнуть при его реализации правоприменителем, приходим к выводу об общих для всего алгоритма проблемных аспектах реализации, сводящихся, прежде всего, к недостаточной теоретической подготовленности лица (судьи), осуществляющего толкование и последующее правоприменение. Кроме этого, как справедливо отмечает А.Ю. Решетников, делящий их на объективные и субъективные, к таким причинам следует отнести несовершенство законодательства, бланкетные нормы, кадровые вопросы и другое [3, с. 94]. В этом же аспекте следует согласиться с выводами Н.Е. Крыловой, подробно фокусирующейся на выявлении типичных квалификационных ошибок при рассмотрении уголовных дел в особом порядке, к числу которых относит как неверный выбор и толкование уголовно-правовой нормы, так и недоказанность органами следствия существенных для квалификации обстоятельств [4, с. 38].

Важно понимать, что допускаемые судьями квалификационные ошибки, помимо прямого нарушения требований ст. 297 УПК РФ, имеют другие негативные последствия, заключающиеся как в пересмотрах приговора, так и в его полной отмене, что, в свою очередь, с позиций обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, недопустимости при-

влечения невиновных лиц к ответственности или назначения им более сурового его размера и вида порождает ряд иных процессуальных действий для всех участников судопроизводства, в том числе и к самому судье.

Признавая преобладания субъективных причин совершения ошибок при квалификации деяний над объективными, в отечественной юридической науке возникает также вопрос о степени и доле вины отдельных правоприменителей между собой за их осуществление. Другими словами, спор о том, кто больше виноват в них − судья, следователь, дознаватель или оперативный работник. Представляется, что такой дискурс несколько ошибочен и подменяет само происходящее, заключающееся в том, что в отношении лица вынесен приговор, который не отвечает требованиям законности, справедливости и обоснованности, и, как следствие, отдавая приоритет конституционно-правовой обязанности государства по защите прав личности, фактически происходит прямое нарушение требований, предусмотренных ст. 2 Конституции РФ. Поэтому поиск причины в судейском усмотрении или в «узаконивании» им ошибочных квалификаций следователя, дознавателя или иных лиц выглядит как попытка смягчить (или частично оправдать) ответственность конечного правоприменителя в таких ситуациях, то есть фактически каким-либо способом снизить размер и меру неблагоприятных для него последствий, обязанность претерпевать которые в полном объеме у него наступила в момент вынесения такого приговора.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ: с изм. от 11.08.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Глазкова Л.В. Квалификационные ошибки и их значение в отдельных элементах состава преступления // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1. С. 83–91.

3. Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журн. рос. права. 2016. № 10 (238). С. 89–95.

4. Крылова Н.Е. Квалификационные ошибки по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке принятия судебного решения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 6. С. 23–41.

Сведения об авторе

Выходов Александр Александрович. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, квалификация, толкование, приговор, судья.

Гаврилов Б.Я.

О ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматриваются позиции Конституционного Суда Российской Федерации в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса при назначении судебной экспертизы и ознакомлении с ее результатами, а также при проведении исследования специалистом на этапе проверки сообщения о преступлении и возможности использования полученных данных в доказывании по уголовным делам. В этой связи отмечается противоречивость отдельных норм действующего уголовно-процессуального законодательства как внутри УПК РФ, так и отдельным решениям Конституционного Суда.

В течение двух последних десятилетий в поле зрения Конституционного Суда Российской Федерации постоянно находятся вопросы обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела. Достаточно наглядно данная позиция выражена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 по делу В.И. Маслова [1], согласно которому гражданин имеет право на защиту своих прав, в том числе с участием адвоката, с момента начала любых действий органов предварительного расследования, связанных с установлением обстоятельств совершенного гражданином противоправного деяния. Указанная позиция фактически разрушила сложившийся к тому периоду времени стереотип в толковании позиции законодателя о возможности участия в уголовном деле защитника не ранее момента задержания совершившего уголовно-наказуемое деяние лица в качестве подозреваемого, что имело место в отношении данного гражданина, хотя в ходе указанного заседания Конституционного Суда автор настоящей публикации вместе с профессором П.А. Лупинской, как официальные эксперты, высказали свою точку зрения, как это предусматривало действующее на тот период времени уголовно-процессуальное законодательство. С учетом данного решения Конституционного Суда законодатель еще в рамках Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РСФСР внес изменения в ст. 47 [2], предусматривающие участие в уголовном деле защитника с момента возбуждения в отношении лица уголовного дела.

В разрешении проблемы обеспечения конституционного права участника уголовного процесса на квалифицированную юридическую помощь и доступ к правосудию Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [3] участие адвоката было предусмотрено с момента производства такого первоначального следственного действия, как получение объяснения, то есть до возбуждения уголовного дела, чем фактически была реализована указанная выше позиция высшего судебного органа Российской Федерации. Такое решение законодателя было обусловлено тем, что данным законом одновременно в УПК РФ была введена глава 32.1 (Дознание в сокращенной форме), процедуры которой предусматривают производство до возбуждения уголовного дела таких следственных действий, как получение объяснения, назначение и производство экспертизы, проведение исследования и получение заключения специалиста, которые могут приобретать статус доказательств по уголовному делу, расследованному в форме сокращенного дознания.

При этом особое значение вопрос обеспечения прав участников уголовного процесса имеет на этапе проверки сообщения о преступлении о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, взрывных устройств, боеприпасов, огнестрельного оружия, а также фактов причинения гражданам различного вида телесных повреждений и иного вреда здоровью, результаты которой во многом обуславливают законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, что, в свою очередь, непосредственно зависит от результатов проведенной экспертизы или от заключения специалиста.

Излагая рассматриваемую проблему, автор обращается непосредственно к статистическим данным о наиболее распространенном в связи с исследованием указанного вопроса виде преступлений как незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Так, только в 2022 г. было зарегистрировано 177 741 преступление о незаконном обороте наркотиков и их аналогов, из которых 135 560 наркопреступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких, в том числе 110 тыс. преступлений – о сбыте, чем наносится огромный вред жизни и здоровью сотен тысяч российских граждан. Из указанного выше количества зарегистрированных преступлений раскрыто 57,7 %, что также свидетельствует об актуальности проблемы борьбы правоохранительных органов с незаконным оборотом наркотиков. Об этом же свидетельствует и сокращение в 2022 г. (-6,4 % к 2021 г.) числа выявленных лиц (всего – 79 666 чел.), совершивших данный вид противоправного деяния. Об общественной опасности наркопреступлений свидетельствует и судебная статистика в части осуждения лиц, совершивших этот вид преступлений. Так, из 74,6 тыс. осужденных в 2022 г. за незаконный оборот наркотиков 29,7 тыс. (почти 40 %) осуждены к реальному лишению свободы и еще 24,1 тыс. (почти 1/3) осуждены к лишению свободы условно. Из числа осужденных 12,3 тыс.

(или 16,5 %) осуждены к такому виду наказания, как штраф, и еще 5 231 человек (0,07 %) – к обязательным работам.

Изложенное выше о позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам обеспечения прав и свобод человека и гражданина, статистические данные о состоянии преступности в сфере незаконного оборота наркотиков свидетельствуют об актуальности проблемы, эффективности деятельности органов предварительного расследования и органов дознания по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений данной категории, и, соответственно, достижение положительных результатов в борьбе с рассматриваемым видом преступлений зависит от законности и обоснованности действий следователя, дознавателя, оперативных сотрудников органов дознания на первоначальном этапе расследования, что, в свою очередь, автор публикации связывает с результатами исследования в виде заключения эксперта или специалиста по изымаемым наркотикам и их аналогам при их изъятии у задержанного лица, подозреваемого в незаконном обороте наркотиков или при ином способе их изъятия.

Об объеме экспертной деятельности свидетельствует тот факт, что в 2022 г. только экспертами органов внутренних дел было проведено 180 тыс. экспертиз и 118 тыс. исследований изъятых наркотических средств, что не в полной мере соотносится с числом выявленных лиц (79 666), совершивших данный вид преступлений. Несоответствие указанных показателей возможно объяснить рядом обстоятельств, в том числе наличием фактов проведения по возбужденному уголовному делу судебных экспертиз по изъятым наркотикам после того, как эти же наркотики были подвергнуты исследованию специалистом на этапе проверки сообщения о преступлении. Кроме того, в соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ законодатель предусмотрел в качестве гарантии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства право стороны защиты и потерпевшего заявить ходатайство о производстве повторной либо дополнительной судебной экспертизы, которое подлежит обязательному удовлетворению, что означает проведение по уголовному делу по одним и тем же изъятым наркотикам вместо одной двух и даже более экспертиз. Не менее актуальна по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков проблема обеспечения прав участников уголовного судопроизводства – как подозреваемого, так и потерпевшего, гарантией чего в стадии предварительного расследования является право указанных лиц быть ознакомленным с постановлением о назначении экспертизы и заключением экспертизы, а также с заключением специалиста. Однако таким правом в стадии возбуждения уголовного дела не обладают ни лицо, заподозренное в совершении преступления, ни лицо, пострадавшее от конкретного противоправного деяния. По нашему мнению, законодатель данную проблему при принятии указанного выше Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ разрешить не смог. И тем самым решение названного выше Кон-

ституционного Суда Российской Федерации по делу В.И. Маслова, как нам кажется, реализовать в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела сегодня не представляется возможным.

В этой связи представляется недостаточно явно выраженным вынесенное Конституционным Судом Российской Федерации 22.09.2022 определение [4] по жалобе гражданина И.О. Песоцкого о нарушении его права как заявителя и одновременно пострадавшего от совершенного преступления лица на ознакомление в соответствии со ст. 198 УПК РФ с постановлением о назначении экспертизы и ее заключением, что, по его мнению, в силу отсутствия у него права поставить перед экспертом соответствующие вопросы повлекло за собой необоснованные выводы экспертизы, на основании которых следователем было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

В данном решении Конституционный Суд Российской Федерации занял вполне обоснованную позицию, согласно которой заявителю и другим лицам на этапе проверки сообщения о преступлении, участвующим в производстве процессуальных действий, в соответствии со ст. 144 УПК РФ должны разъяснять их права и обязанности и обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Однако фактически это положение закона, на наш взгляд, на этапе проверки сообщения о преступлении реализовано быть не может, пока заявитель и одновременно пострадавший от совершенного преступления не будет признан потерпевшим, что возможно лишь после возбуждения уголовного дела.

Не менее актуальной проблемой реализации положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ о возможности назначения и проведения до возбуждения уголовного дела судебной экспертизы является то, что нормы действующего УПК РФ не содержат конкретных правил получения образцов для сравнительного исследования, что есть один из факторов, влияющих на признание судом ее результатов недопустимым доказательством, поскольку допущенные при получении образцов для сравнительного исследования отступления от требований УПК вступают в противоречия с положениями ст. 75 и 89 УПК РФ. Однако вряд ли возможно соблюдать, как отмечает Е.С. Чекулаев, требования закона, который их не раскрывает, как и алгоритма таких действий [6, с. 223].

Учитывая изложенное, законодатель должен предусмотреть в УПК РФ механизм изъятия документов и предметов до возбуждения уголовного дела [7, с. 32–39], на что указывает и К.Б. Калиновский, который полагает, что единственно легитимным средством исследуемого изъятия является обнаружение искомых предметов и документов в ходе производства тех следственных действий, которые непосредственно указаны в нормах ч. 1

ст. 144 УПК РФ [8, с. 44–50]. Сущность этого требования может быть реализована путем внесения изменений в нормы уголовно-процессуального закона, предусматривающие данную возможность проведения в исключительных обстоятельствах обыска или выемки до возбуждения уголовного дела.

Еще одна неразрешимая в настоящее время проблема, о которой частично изложено выше, заключается в отсутствии процессуального статуса у лиц, фактически являющихся участниками уголовного судопроизводства, на этапе проверки сообщения о преступлении. При этом автор публикации исходит из того, что согласно ч. 3 ст. 195 УПК РФ при назначении экспертизы следователь, дознаватель знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего и его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, а в соответствии с ч. 1 ст. 206 УПК РФ предъявляет им заключение эксперта или сообщает о невозможности дать заключение. На этапе проверки сообщения о преступлении круг и статус участников уголовного процесса не определен и, соответственно, указанные выше лица не могут быть ознакомлены ни с постановлением о назначении экспертизы, ни с самим заключением эксперта [5, с. 107]. В этой связи возникает вопрос о допустимости в качестве доказательства результатов экспертизы, проведенной до возбуждения уголовного дела, на что указывает и Е.С. Чекулаев [6, с. 223].

Автор публикации считает возможным также обратить внимание и на такое законодательное упущение в УПК РФ, как обязанность следователя, дознавателя назначить дополнительную или повторную экспертизу непосредственно в ходе производства расследования по тем же предметам, документам, по которым в стадии возбуждения уголовного дела назначалась судебная экспертиза или специалистом проводилось исследование, что может повлечь за собой нарушение закона, поскольку объекты экспертного исследования и особенно такие, как наркотические вещества, взрывные устройства, боеприпасы и ряд других, уже были подвергнуты существенным изменениям в процессе проведения экспертизы или исследования (например, взрывное устройство эксперт обязан взорвать, патроны – отстрелять и т.п.). Тем самым указанные объекты экспертного исследования фактически уничтожаются или принимают другое состояние в результате проведённой экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела. И в этом случае эксперт при производстве экспертизы после возбуждения уголовного дела фактически воспроизводит заключение эксперта или специалиста, полученное до возбуждения уголовного дела, что в свое время породило ряд жалоб и ходатайств адвокатов с целью признания таких заключений недопустимым доказательством.

В качестве вывода отметим, что неоднократно предпринимаемые законодателем попытки урегулирования проблем, связанных с назначением

и производством судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, описанную выше негативную ситуацию не изменили. В этой связи полагаем, что работа над блоком очередных поправок по исследованной в настоящей публикации проблеме может стать успешной лишь при участии в этом как ученых, так и практикующих юристов [7, с. 32–39].

---

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27.06.2000 № 11-П // Рос. газ. 2000. 4 июля. № 128.

2. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией конвенции о защите прав человека и основных свобод: Федер. закон Рос. Федерации от 20.03.2001 № 26-ФЗ // Рос. газ. 2001. 23 марта. № 58.

3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9, ст. 875.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Песоцкого Игоря Олеговича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 195, частью первой статьи 198, частью первой статьи 205 и частью первой статьи 206 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 13, подпунктом «а» пункта 14 и подпунктом «а» пункта 15 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 22.09.2022 № 2098-О // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/ opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22092022-n-2098-o (дата обращения: 19.09.2023).

5. Муравьев К.В., Седельников П.В. Назначение и производство судебной экспертизы как вид специальных познаний, применяемый на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 102–109.

6. Чекулаев Е.С. Экспертиза и исследование на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении в аспекте Федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 223.

7. Гаврилов Б.Я. Об эффективности использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении: сборник материалов

II Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2014. С. 32–39.

8. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 44–50.

Сведения об авторе

Гаврилов Борис Яковлевич. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, следователь, дознаватель, участники уголовного процесса, экспертиза, заключение специалиста, доказательства.

Гарина О.В.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ СУДЕБНИКОМ 1497 Г., СОВРЕМЕННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Преемственность в праве существует не только внутри одного государства, но и между странами. Исследование отдельных правовых категорий и институтов в их исторической ретроспективе позволяет сформулировать вывод о претворении современным законодателем сущности отдельных правовых категорий и институтов с учетом развития принципов права и построения правового государства. Судебник 1497 г. содержит широкий перечень процессуальных документов, которые используются в судопроизводстве до настоящего времени. Анализ Судебника 1497 г. и норм современного процессуального права в Российской Федерации свидетельствует о преемственности положений в содержании процессуальных документов.

Преемственность отдельных правовых положений присутствует в разных отраслях права. Процессуальное право не является исключением. Свое развитие процессуальное законодательство берет еще в нормах Русской правды. Несмотря на отсутствие разграничений между видами процесса, еще тогда были заложены его основные положения, связанные с необходимостью заявления о совершении правонарушения, предоставле-

ния изобличающих доказательств и вынесения решения субъектом, не относящимся к какой-либо из сторон судопроизводства. В начале своего формирования процесс имел устный характер, впоследствии процессуальные решения стали оформляться письменно. Одними из первых процессуальных решений, получивших письменное оформление, были позовница, позывная грамота на виноватого, судница, правовая грамота.

Правовая грамота являлась прототипом современного приговора суда. В Судебнике 1497 г. [1] законодатель упоминает отдельно приговор суда в отношении холопов – холопья грамота, при этом не разграничивает судебные решения в отношении других категорий населения. В ч. 1 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] приведены виды приговоров – оправдательный и обвинительный. Вопросы, подлежащие разрешению в приговоре суда (ч. 1 ст. 299 УПК РФ), в части определения виновности лица в совершении преступления, назначения ему наказания и установления наличия или отсутствия обстоятельств, влияющих на вид и размер наказания, аналогичны тем, на которые отвечали в правовой грамоте должностные лица в конце XV – начале XVI вв. Глава 16 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [3] не указывает видов решений суда, но понимает под ним постановление суда первой инстанции, которое разрешает дело по существу. Арбитражно-процессуальный кодекс в ч. 1 ст. 184 содержит наименование документа, которым разрешается судебное разбирательство, – это определение [4]. При этом законодатель устанавливает его виды – отдельный судебный акт или протокольное определение. Часть 1 ст. 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает, что по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении выносится постановление [5]. Часть 1 ст. 175 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации для обозначения документа, разрешающего административное дело по существу судом первой инстанции, вводит термин «решение» [6]. Таким образом, современный законодатель предусмотрел определенное разграничение, основанное на отраслевой принадлежности, в наименовании актов, которые разрешают дело по существу, при этом сохранив основное предназначение такого документа.

В тексте Судебника 1497 г. отдельно приведена классификация решений суда по двум критериям – вследствие неявки на судебное заседание только ответчика и ответчика или истца. В случае неявки ответчика в срок судья выносит обвинительный приговор без судебного разбирательства, который получил название бессудного списка. Основанием для выдачи бессудной грамоты была неявка одной из сторон в течение семи дней, на восьмой предписывалось составить такое решение. Отсюда следует, что бессудный список мог быть составлен только при игнорировании ответчи-

ком судебного заседания, а бессудная грамота зависела от факта неявки как истца, так и ответчика. Современный законодатель не придерживается мнения о необходимости закрепления в нормативных правовых актах положения о том, что неявка истца или ответчика в суд приведет к его проигрышу в деле. Неявка указанных лиц в судебное заседание может быть уважительной и неуважительной. Суд вправе рассмотреть дело по существу даже при неинформировании его о причинах отсутствия кого-либо из лиц. Новый взгляд на неявку истца или ответчика в суд отражает развитие принципов права и их основополагающий характер в современной правовой действительности.

В конце XV в. обязательство, устанавливающее срок явки в суд, называлось срочной грамотой. Истец и ответчик могли перенести закрепленный в документе срок путем составления отписки грамоты с обязательной уплатой пошлины. В случае желания перенести дату судебного разбирательство одной из сторон именно на нее ложилась выплата всей суммы пошлины, с другой – она не взыскивалась. В целях извещения суда о переносе сроков явки в суд отписки грамот подлежали передаче дьякам в суд. Проанализированное положение соответствует современному информированию суда об уважительной причине неявки в судебное заседание, которое применяется во всех видах судопроизводства. В настоящее время судье предоставлено право выбора рассматривать и разрешать дело по существу, даже при отсутствии какой-либо стороны. Судья вправе перенести судебное заседание при уведомлении о неявке по уважительной причине, при этом лицу предоставляется право заявить ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие. Отдельно отмечаем закрепление понятия «обязательная явка». В чч. 5 и 6 ст. 213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации установлено, что суд может признать явку обязательной представителей органа государственной власти, иного государственного органа, органа местного самоуправления, иного органа, уполномоченной организации или должностного лица, принявших оспариваемый нормативный правовой акт, а в случае неявки таких представителей – наложить судебный штраф. Законодатель конкретизирует перечень лиц, в отношении которых может быть применена обязательная явка. Таким образом, уведомление о явке в суд сохранилось до настоящего времени, но оно получило развитие в части введения обязательной явки, уведомлений и заявлений ходатайств.

Поручения суда оформлялись грамотой, которая выдавалась приставу и получила название «приставная грамота». Статья 62 ГПК РФ предоставляет возможность суду давать поручения о производстве процессуальных действий другому суду в рамках гражданского судопроизводства. В целом отметим, что необходимость реализации поручений о выполнении определенных действий в рамках судебного производства сохранилась до

настоящего времени, при этом законодатель отдельное внимание уделяет содержанию такого поручения.

Статья 86 УПК РФ указывает на право суда собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных указанным документом. Глава 37 данного Закона закрепляет перечень действий, которые могут быть произведены в рамках судебного следствия: исследование доказательств; допрос подсудимого, потерпевшего и свидетеля, эксперта; оглашение показаний и протокол следственных действий; производство судебной экспертизы; осмотр вещественных доказательств, местности и помещений; приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду; следственный эксперимент; предъявление для опознания; освидетельствование. Таким образом, поручения суда нашли различное закрепление в современном судопроизводстве. В рамках гражданского процесса суд вправе давать поручения другому суду, в уголовном – поручение широко применяется в деятельности следователя и дознавателя.

Протокол судебного разбирательства по Судебнику 1497 г. назывался докладным или судным списком. Размер взимаемых пошлин с участников зависел от того, к кому поступил на доклад список – к великому князю или боярину. В последнем случае размер пошлин был меньше. Современный судебный процесс является письменным, и любое заседание протоколируется с момента его начала и до окончания. Протокол судебного заседания составляется секретарем. Сам протокол не является решением по делу, он содержит информацию о ходе судебного процесса.

Таким образом, анализ положений Судебника 1497 г. позволяет сформулировать вывод о том, что процессуальное оформление судопроизводства стало более подробным, но больше всего законодатель проработал и конкретизировал сферу судебных решений. Так, источник права упоминает правовую грамоту, холопья правовая грамота, докладной или судный список, бессудный список, бессудную грамоту, срочную грамоту и приставную грамоту. Из указанных процессуальных документов четыре – правовая грамота, холопья правовая грамота, бессудные список и бессудная грамота, завершали производство по делу. Проработка законодателем процессуальных документов свидетельствует о планомерном переходе от устного судопроизводства к письменному. Современный законодатель сохранил преемственность в процессуальных документах и внес необходимые корректировки с учетом развития принципов судопроизводства и идеи правового государства.

---

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 2. С. 54–97.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 18.07.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921; 2023. № 25, ст. 4425.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: в ред. от 26.06.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 26, ст. 4687.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: в ред. от 29.12.2022: с изм. от 22.06.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; Рос. газ. 2023. № 144.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: в ред. от 24.06.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1; 2023. № 26, ст. 4685.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: в ред. от 13.06.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391; 2023. № 25, ст. 4442.

Сведения об авторе

Гарина Оксана Вячеславовна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: отраслевое законодательство, преемственность, процессуальные документы, Российская Федерация, Судебник 1497 г.

Голубовский В.Ю.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Становление российского государства не оставило без внимания формирование отечественного уголовного процесса, в ходе которого произошло его становление. Этот процесс затронул понятие и систему следственных действий. Некоторые способы и приемы, которые были использованы при проведении следственных действий, утратили свою актуальность, некоторые просто изжили себя. Таким образом, в настоящей статье будут затронуты отдельные опросы некоторых следственных

действий при расследовании преступлений о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ.

Существует множество оснований для классификаций наркотических средств, которые осуществляют эксперты. Так, в качестве основания для классификации используется происхождение наркотиков: растительные – к данной категории относятся опиум, марихуана, ганджа, гашиш, кокаин; полусинтетические – наркотические вещества, синтез которых проводится на основе растительного сырья, например, героин; синтетические наркотики – классическим примером указанной группы является амфетамин, а также его производные: 3,4-метилендиоксиметамфетамин (MDMA или «экстази»), N-метил-альфаметилфенилэтиламин (метамфетамин) [1, с. 73].

Помимо этого, классификация наркотиков осуществляется на группы, в зависимости от способа изготовления различают кустарный способ – изготовление наркотических средств мелкими партиями с применением ручного труда, лабораторный способ – изготовление наркотиков в особых лабораторных условиях и с применением специального оборудования, а также промышленный способ.

Говоря о классификации наркотиков, необходимо также учитывать и их медицинские свойства. В связи с этим по способу воздействия на организм человека различают следующие группы наркотиков: наркотические средства опийного ряда, куда стоит отнести все наркотики растительного происхождения, а также наркотические препараты, и ряд синтетических препаратов, таких как морфин, 3-метилморфин (кодеин), 6-(диметиламино)-4,4-дифенилгептанон-3 (метадон); стимуляторы – к ним относят наркотические средства и психотропные вещества фенаминового ряда и амфетамины, популярный в Соединенных Штатах Америки кокаин, метамфетамин (первитин); галлюциногены – сюда эксперты относят наркотики, в основе которых лежит, например, лизергиновая кислота, которая является сильным психоделиком, а также ее производные. Диэтиламид d-лизергиновой кислоты, или так называемый LSD – самый знаменитый психоделик; диссоциативы – группа психоактивных веществ, которые нарушают восприятие внешней обстановки и приводят к нарушению нормального функционирования работы мозга; транквилизаторы – вещества, которые «убивают эмоции» – к ним относят феназипам, барбитураты и бензодиазепин [2, с. 11].

Наиболее распространенными в Российской Федерации наркотическими средствами являются те, которые изготавливаются из содержащих наркотики сортов такого растения, как конопля и опийный мак. Название «конопля» в отечественной литературе не устоялось, ученые пришли к выводу, что конопля – это лишь род сельскохозяйственного растения. Психоактивные же вещества, которые получают из конопли, в литературе объ-

единены общим понятием «каннабис» (Cannabis). Сюда относят такие наркотики, как марихуана, гашиш и получаемое из него гашишное масло.

Опийный мак также является лишь однолетним травянистым растением, однако его части, а также те вещества, которые получают при их переработке, успешно используются для изготовления наркотиков. Например, опиум – сильнодействующее наркотическое средство, которое получают из коробочек указанного вида растений. Особой популярностью также пользуется диацетилморфи́н (героин), впервые синтезированный еще в 1874 г. и успешно применявшийся в фармакологии, а ныне занимающий на российском рынке первые строки по объему сбыта. Общепризнанным мировым центром по производству героина на сегодняшний день признана Исламская Республика Афганистан. Тот факт, что Российская Федерация является основным центром сбыта, объясняется удобным географическим положением по отношению к границе. В своем докладе представители Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности отмечали, что в 2009 г. жители России употребили около 80 тонн данного вещества, что «отправило» нашу страну на первое место в мире по его потреблению, указав, что эта цифра составляет приблизительно 20 % от всего объема, потребляемого в мире диацетилморфи́на [3].

Стоит отметить, что в России стали распространены и синтетические наркотические средства – всевозможные курительные смеси, так называемые спайсы (Spice). Спайс – это синтетические наркотики, сходные по своему действию с марихуаной и обладающие сильным психоактивным действием. Это трава, которая покрывается различными химическими составами – синтетическими аналогами тетрагидроканнабинола. В связи с этим законодатель направил все силы на борьбу с их распространением. На сегодняшний день в Российской Федерации известно более 700 видов наркотиков, которые являются составляющими курительных смесей. 04.02.2015 указом Президента России был утвержден ряд законов, которые запрещают употребление и пропаганду спайсов [4].

Результаты анкетирования практических сотрудников в ходе предварительного расследования уголовных дел в отношении организованных преступных сообществ сталкиваются с определенными сложностями сбора доказательной базы. 55 % опрошенных указали на устойчивость, которая определяется прочностью связей её членов, основанных на землячестве и личных доверительных отношениях, объединенных единым умыслом, направленным на получение финансовой и иной материальной выгоды. 25 % обратили внимание на длительный срок существования. 35 % опрошенных отмечают, что на момент возбуждения уголовного дела следствие не располагает данными о совершении участниками сообщества конкретных преступлений, вплоть до момента их задержания, чаще всего преступления выявляются в ходе предварительного расследования. 78 % указали на большое число оперативно-разыскных мероприятий, следственных и про-

цессуальных действий. 28 % – на сложность проведения следственных действий по причине отбывания некоторыми свидетелями наказания в местах лишения свободы, что вызывало необходимость при проведении следственных действий обеспечить поддержку со стороны сотрудников службы исполнения наказаний. 47 % отметили, что в ходе расследования использовалось заключение досудебного соглашения.

Изъятые наркотические средства являются основным элементом доказательственной базы, который подтверждает факт совершения противоправного деяния в области незаконного оборота наркотиков.

Особой проблемой, которая возникает при проведении личного обыска, представляется обнаружение наркотических средств во внутренних органах человека, порядок изъятия наркотика из них, а также процессуального оформления результатов. Ныне действующий порядок проведения личного обыска включает: осмотр всех мелких предметов (трость, зонт, портмоне, зажигалка, авторучка, портсигар и т.п.), верхней одежды, обуви и головного убора досматриваемого лица; ощупывание поверх нательного белья всего тела досматриваемого лица; обследование тела досматриваемого лица (осмотр волос, кистей рук, ступней ног). Оформление результатов следственных действий, а именно изъятия наркотиков из желудочно-кишечного тракта, протоколом личного обыска невозможно. Однако извлечение наркотических средств из иных полостей тела, например из влагалища, оформляется именно протоколом личного досмотра лица. Рассмотрим пример из судебной практики.

Ингодинским районным судом г. Читы было рассмотрено уголовное дело в отношении Х., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ: «… 2009 года в вечернее время Х., находясь у себя дома по адресу …, приобрела у неустановленного лица, с целью дальнейшего незаконного быта Д., отбывающему наказание в Учреждении…, наркотическое средство – масло каннабиса (гашишное масло), массой 6,531 грамм, то есть в особо крупном размере, содержащееся в медицинском шприце одноразового применения. Реализуя свой умысел, направленный на незаконный сбыт наркотического средства, зная, что ей разрешено длительное свидание с осужденным Д., … 2009 года в период времени до 14 часов, Х. перевезла данное наркотическое средство на рейсовом автобусе в г. Читу. Около 14 часов … 2009 года. Х., находясь в общественном туалете на территории Учреждения…, сокрыла вышеуказанное наркотическое средство – масло каннабиса (гашишное масло), массой 6,531 грамм, то есть в особо крупном размере, содержащееся в медицинском шприце, во влагалище, намереваясь пронести и передать его, то есть сбыть его Д. во время длительного свидания. Однако, довести до конца свои действия, направленные на незаконный сбыт наркотического средства Х. не смогла, так как данное наркотическое средство было обнаружено у Х.

и изъято в ходе ее личного досмотра оперативными работниками ОС УФСКН в период времени с 15 часов 45 минут до 16 часов … 2009 года.

Подсудимая Х. виновной себя в совершении данного преступления признала и показала, что она проживает в гражданском браке с Д., который в настоящее время отбывает наказание в Учреждении... … 2009 года ей дали разрешение на длительное свидание с Д. … 2009 года она была в гостях у ее знакомой С., к которой также пришел молодой человек по имени Н. Узнав в ходе разговора, что она едет на свидание в Учреждение, Н. сказал, что у него есть наркотики и их можно отправить для мужа в места лишения свободы. Она согласилась на предложение Н. Вечером … 2009 года Н. принес ей домой наркотическое средство, которое находилось в одноразовом шприце. … 2009 года она приехала в Читу. Находясь на территории Учреждения…, перед тем, как пойти на свидание, она зашла в общественный туалет, где спрятала шприц с наркотиком во влагалище. Сотрудниками были проверены ее вещи, после чего прибыли сотрудники наркоконтроля и доставили ее для проведения личного досмотра в гинекологическое отделение. Там она сама выдала сотрудникам наркоконтроля шприц с наркотиком» [5].

Россия, Чехия, Франция, Италия, Испания, Швейцария не применяли рвотное средство и предлагали ждать выхода контейнеров с наркотическим средством естественным способом. Однако в зависимости от индивидуальных особенностей организма возможна ситуация, когда инородный предмет, а именно контейнер, не сможет продолжить движение по органам кишечника, чем вызовет его перфорацию.

Таким образом, правоохранительным органам, при наличии соответствующих оснований, необходимо в отношении лица, занимающегося перевозкой наркотиков внутри организма, проводить обязательные рентгенологические исследования как наиболее щадящий метод доказывания.

---

1. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А.Н. Сергеева. М.: ГУБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Щит-М, 2007. 80 с.

2. Железняков А.М. Организация преступного сообщества в сфере незаконного оборота наркотиков: региональный криминологический анализ и противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хаб., 2011. 26 с.

3. Прекурсоры и химические вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс]: доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2014 год. URL: http://www.narkotiki.ru/objects/narkotiki02/1425989134.pdf (дата обращения: 31.08.2023).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 03.02.2015 № 7-ФЗ // Рос. газ. 2015. 6 февр. № 24.

5. Приговор Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 11 января 2009 года // Дело № 1-15/2009.

Сведения об авторе

Голубовский Владимир Юрьевич. Доктор юридических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник.

ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, с. 1.

Ключевые слова: анкетирование, классификация, наркотические средства, психотропные вещества, следственные действия.

Горкина Е.В., Сафонова Ю.С.

СООТНОШЕНИЕ ЗАЛОГА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Законодатель, включив в уголовно-процессуальное законодательство новую меру пресечения – запрет определенных действий, с одной стороны, увеличил арсенал правоприменителей в применении принуждения к обвиняемым и подозреваемым, а с другой – вызвал вопросы относительно неоднозначности новых норм. Включение в статью, регламентирующую залог возможности одновременного применения запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, породило принципиальное несоответствие с ч. 1 ст. 97 данного Закона.

Меры пресечения представляют собой составную часть более широкой системы мер уголовно-процессуального принуждения и обладают всеми присущими ему признаками: применяются в сфере уголовного судопроизводства, регламентируются уголовно-процессуальным законом, осуществляются государственными органами, применяются помимо воли и желания принуждаемых лиц, связаны со стеснением прав личности, обеспечиваются процессуальными гарантиями.

Рассматривая вопросы современной нормативной регламентации мер пресечения, остановимся на их соотношении, затронув наиболее интересные в указанном аспекте залог и запрет определённых действий.

Если говорить о частоте применения рассматриваемых мер пресечения, то запрет определенных действий, относительно недавно введенный в

закон [1], по понятным причинам пользуется гораздо большей популярностью среди правоприменителей, чем залог. Так, в 2022 г. судами общей юрисдикции удовлетворено 3 085 ходатайств об избрании запрета определенных действий, что, хотя и не сравнится с числом заключений под стражу (87 687), но многократно превышает количество инициированных (96) и избранных (71) залогов [2]. Подобная тенденция прослеживается и относительно предыдущих лет с момента включения в 2018 г. запрета определенных действий в перечень мер пресечения.

Уголовно-процессуальное законодательство, перечисляя меры пресечения, располагает меры, ограничивающие основные конституционные права граждан, руководствуясь принципом иерархии – от менее строгой меры к более строгой. По данной логике залог является более строгой мерой пресечения по сравнению с запретом определенных действий, что подтверждается положением соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому при рассмотрении ходатайства следственного органа о применении залога суд вправе вместо этого избрать в отношении обвиняемого (подозреваемого) запрет определенных действий [3].

Включенная в уголовно-процессуальное законодательство мера пресечения в виде запрета определенных действий отмечается правоприменителями и исследователями как прогрессивная и позволяющая применить более дифференцированные меры воздействия, которые позволяют учесть особенности совершенного обвиняемым деяния. А.Н. Петрухина указывает на то, что «при наличии дополнительных запретов появляется возможность на усмотрение суда балансировать их с размером суммы залога и, таким образом, сделать залог как более мягкую меру более доступным» [4, с. 42].

В то же время выделяется целый ряд его недостатков. Так, обращает на себя внимание то, что срок, на который устанавливаются судом запреты, предусмотрен только для запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). При этом данный срок разнится в зависимости от тяжести совершенного преступления и составляет 12, 24 и 36 месяцев соответственно. Правоприменители говорят о необходимости установления срочного характера и для других запретов, так как их бессрочное действие порой не имеет смысла, когда необходимость в них отпадает, однако суды не всегда удовлетворяют ходатайства защитников об отмене тех или иных запретов.

Также пристальное внимание ученых привлек тот факт, что установление законодателем возможности применения наряду с залогом запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, несколько противоречит положению ч. 1 ст. 97 УПК РФ, согласно которому субъекты расследования и суд вправе избрать в отношении обвиняемого одну из мер пресечения, преду-

смотренную УПК РФ. Большинство ученых говорят о необходимости коррекции данной ситуации путём изменения соответствующей формулировки указанной нормы.

Однако некоторые исследователи не считают эту ситуацию критичной, так как говорят о том, что на «основную» меру пресечения «наслаиваются» дополнительные запреты и идет речь не о применении двух мер пресечения одновременно, а «появился своего рода «усиленный залог», то есть залог, как бы «отягощенный» запретами, включенными в содержание другой меры пресечения» [5, с. 32]. Подобной позиции придерживается И.С. Дикарев, который отмечает, что запреты являются лишь частью меры пресечения при применении вместе с залогом [6, с. 50].

Однако в то же время стоит говорить о том, что фактически произошло полное слияние двух мер пресечения, так как законодатель позволил в рамках залога применять любой из запретов ч. 6 ст. 105. 1 УПК РФ, без исключения. Об этом же говорит и В.Ю. Стельмах, отчасти противореча самому себе, отмечая, что подобная комбинация мер пресечения является полезной и перспективной для правоприменителей, однако ломает всю методологию применения мер пресечения. Нет возможности установить, какая мера является основной, а какая применяется частично, более того, «это способно разрушить всю систему мер пресечения, поскольку в подобных условиях существование нескольких различных мер пресечения утрачивает практическую значимость» [5, с. 33].

На наш взгляд, это является абсолютно верным, и задачей исследователей вопросов применения мер пресечения представляется глубокое теоретическое осмысление сложившейся ситуации и внесение предложений по оптимизации уголовно-процессуального законодательства в части коррекции общих и специальных норм, регламентирующих рассматриваемые вопросы. Таким образом, приходится в очередной раз констатировать то, что законодатель, принимая меры по изменению законодательства с целью его совершенствования, не всегда достигает оптимального результата.

---

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18.04.2018 № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Сведения о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] // официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 06.09.2023).

3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета

определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19.12.2013 № 41: в ред. от 11.06.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Петрухина А.Н. Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения // Российский судья. 2020. № 4. С. 40–43.

5. Стельмах В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3(35). С. 29–34. EDN SQUYJK.

6. Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. 2020. № 8. С. 50–52.

Сведения об авторах

Горкина Елена Владимировна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры криминалистики.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Пилютова, д. 2.

Сафонова Юлия Сергеевна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД.

Волгоградская академия МВД России.

400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Ключевые слова: меры пресечения, залог, запрет определенных действий, решение суда, применение мер пресечения.

Грибунов О.П.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ОЦЕНКА ПРАКТИКА И УЧЕНОГО

Состояние, проблемы и актуальные вопросы совершенствования уголовного судопроизводства России всегда были в зоне внимания представителей уголовно-процессуальной науки. Одним из ее ярких представителей, занимающихся научным осмыслением отдельных вопросов уголовного судопроизводства, аргументированно предлагающих реформирование отдельных положений уголовно-процессуального законодательства, является выдающийся ученый, корифей уголовно-процессуальной науки, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор генерал-майор юстиции (в отставке) Борис Яковлевич Гаврилов, который 28.07.2023 отметил свой юбилей – 75-летие. В статье проведен анализ

научных публикаций профессора Б.Я. Гаврилова по отдельным вопросам правового уголовного судопроизводства, где он дает оценку как ученый и как практик, имеющий многолетний практический опыт работы в следственных подразделениях МВД России (СССР).

Заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России Борис Яковлевич Гаврилов относится к той плеяде ученых, которые на высоком академическом уровне, фундаментально занимаются изучением проблем по определенной тематике, при этом является крупным ученым, ведущим специалистом в области уголовного процесса, криминалистики, криминологии, уголовного права.

Спектр научных интересов профессора Б.Я. Гаврилова весьма широк. Однако следует отдельно остановиться на тематике начала его научного пути. И диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина», защищенная 24.05.2001 в Академии управления МВД России, и диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства», защищенная 17.02.2005 в Академии управления МВД России под руководством и консультированием доктора юридических наук, профессора В.А. Михайлова, посвящены в высокой степени актуальным темам того периода времени. Кроме того, следует заметить междисциплинарный подход в обеих диссертациях, а именно конституционные права и свободы человека в разрезе реализации уголовно-процессуальных норм.

Определение вектора совершенствования законодательства настойчиво предлагается в научных статьях Б.Я. Гавриловым, в том числе в комментарии Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. Однако следует вспомнить и другие комментарии Федерального закона об оперативно-разыскной деятельности, в подготовке которых принимал участие Б.Я. Гаврилов [2], где, как видится, профессор не отступает от тематики своих диссертационных исследований и во главу угла ставит вопросы обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовного судопроизводства.

Многоаспектность научной деятельности Б.Я. Гаврилова не может не вызывать восхищения. Не смотря на то, что и кандидатская диссертация, и докторская защищены по уголовному процессу, профессор неоднократно в своих публикациях поднимал довольно острые проблемы и пути их решения в уголовном праве и криминологии [3], криминалистике и судебно-экспертной деятельности [4], оперативно-разыскной деятельности [5].

Можно констатировать только одно – в современных условиях развития номенклатуры научных специальностей Б.Я. Гаврилов является настоящим представителем уголовно-правовой науки, который трепетно и профессионально относится ко многим проблемам данной специальности, которая сегодня именуется 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Особо хотелось бы указать на то, что Б.Я. Гаврилов, имея многолетний опыт работы, в том числе на руководящих должностях в МВД России, уделяет внимание деятельности органов предварительного расследования МВД России как одного из основных субъектов уголовно-процессуальной деятельности [6].

Конечно, нельзя не отметить, что Б.Я. Гаврилов всегда был в «тренде» современных вызовов и проблем. В эпоху стремительного развития цифровых технологий поднимаются дискуссионные вопросы правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Получение информации с электронных носителей и их использование в качестве доказательств – одна из тем, поднимаемых и правоприменителями, и учеными, а также была затронута профессором Б.Я. Гавриловым [7]. Нельзя не отметить его трепетное отношение к качеству законодательства и, прежде всего, вносимых в него изменений: «Тщательное рассмотрение конфигурации слов «электронный носитель информации» позволяет говорить о возможной логической ошибке, выраженной тавтологией: электронный носитель информации – это (априори) носитель какой-либо цифровой (символьной, графической, текстовой) информации» [7, с. 33]. А после внесенных изменений в ст. 81, 82, 166, 182 и 183 УПК РФ профессор не оставил без внимания некую пробельность законодательных новелл: «перечень электронных носителей информации, об изъятии которых идет речь в процессуальных нормах, остался не регламентирован, их круг законодателем четко не обозначен» [7, с. 34].

Нельзя не упомянуть еще об одной теме научных исследований профессора Б.Я. Гаврилова – уголовный проступок [8, с. 23]. При этом тезис профессора говорит о многом: «При введении категории «уголовный проступок», безусловно, более реалистичной станет и статистическая картина преступности» [9, с. 30]. Несомненно, этим Борис Яковлевич очередной раз поднимает вопрос об объективности уголовно-правовой статистики [10]. В этом смысле тема «уголовный проступок», так же, как и «тема уголовно-правовая статистика», заслуживает самостоятельного освещения в соответствующих научных статьях, что, собственно, нами и реализуется [11].

Заслуживают внимания научные труды Б.Я. Гаврилова, посвященные оценке законодательства с точки зрения правоприменителя, который ввел в научный оборот довольно интересное словосочетание «Мифы законодателя и реалии правоприменения» [12; 13].

Не менее интересной, а пожалуй, прорывной и главной темой, стрежнем научных исследований и научного интереса Б.Я. Гаврилова следует признать стадию возбуждения уголовного дела, которой вот уже на протяжении многих лет уделяет внимание профессор как на страницах научной печати, так и выступая с докладами на научно-представительских мероприятиях международного и всероссийского уровней. Надо отметить, что уже с 2000-х гг. Б.Я. Гаврилов предметно занялся освещением этого вопроса на страницах научной печати [14; 15; 16; 17].

Действительно, в настоящее время как среди ученых, так и в кругу практических работников усиливает влияние точка зрения «о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела» [18, с. 337].

Следует признать, что, как истинный ученый, профессор Б.Я. Гаврилов уделяет пристальное внимание анализу мнения и позиции практиков и ученых по данному вопросу. Не могут не вызвать уважение и восторг оценка и довольно корректный анализ опубликованных точек зрения и позиций, а именно как необходимость сохранения, так и ее исключение как стадии уголовного судопроизводства. И как истинный ученый, профессор соглашается с учеными, которые предлагают продолжить научную дискуссию о совершенствовании рассматриваемой стадии уголовного процесса [18, с. 337].

Анализ трудов Бориса Яковлевича позволяет заключить, что профессор является государственником, последовательно и предметно отстаивая интересы уголовного судопроизводства, преследуя цель обеспечения правопорядка и законности в обществе, однако при этом не остаются без внимания вопросы соблюдения и обеспечения законных прав и интересов человека и гражданина.

Резюмируя, констатируем особенность содержания научных статей Бориса Яковлевича – иллюстрация статистических данных как знак качества научного материала. Помимо текстового выражения в цифрах и процентах, практически в каждой статье таблицы, графики, все положения подкреплены соответствующими примерами судебной практики не только разных субъектов Российской Федерации, но и в целом по России, что, вне всяких сомнений, можно считать бесценным материалом для будущих научных изысканий как начинающих исследователей, так и состоявшихся ученых. Поднятые профессором Б.Я. Гавриловым вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства носят комплексный, междисциплинарный и межотраслевой характер, направленный, прежде всего, на совершенствование уголовного судопроизводства.

1. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / В.С. Овчинский, О.А. Вагин, Б.Я. Гаврилов [и др.]. М.: Инфра-М, 2022. 488 с.

2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / О.А. Вагин, Б.Я. Гаврилов, К.К. Горяинов [и др.]. 3-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма, 2018. 576 с.

3. Гаврилов Б.Я. Уголовное законодательство и проблема краж // Юридический консультант. 1999. № 7. С. 10–14.

4. Гаврилов Б.Я. Роль уголовно-процессуального законодательства в повышении эффективности экспертно-криминалистической деятельности // Криминалистика: наука, практика, опыт: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 23 июня 2022 г.). М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 25–31.

5. Гаврилов Б.Я. Позволяют ли нормы УПК использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве? // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 г.) / под общей редакцией И.А. Антонова, М.Р. Глушкова. СПб.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации», 2022. С. 54–64.

6. Гаврилов Б.Я., Нуянзина С.В. Роль законодательства уголовно-правового комплекса в стратегии развития МВД России // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам Международного форума (Москва, 20 октября 2022 г.). В 2 частях / под редакцией И.Г. Чистобородова. Часть 1. С. 191–03.

7. Гаврилов Б.Я. Получение доказательств и информации с электронных носителей: вопросы законодательного регулирования и правоприменения // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 3. С. 32–36.

8. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387–400.

9. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного законодательства: мнение ученого и практика // Мир юридической науки. 2017. № 4. С. 27–31.

10. Гаврилов Б.Я. Влияние латентной преступности на состояние правопорядка в обществе // Юридический консультант. 1998. № 8. С. 4–10.

11. Грибунов О.П., Рогова Е.В. О научном вкладе профессора Б.Я. Гаврилова в развитие уголовной политики России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 5–8.

12. Гаврилов Б.Я. Российское уголовное судопроизводство: мифы и реалии современности // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 112–116.

13. Гаврилов Б.Я. Мифы и реалии современного российского досудебного производства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 180–190.

14. Гаврилов Б.Я. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям и правоприменительной практике? // Российская юстиция. 2006. № 8. С. 48–51.

15. Гаврилов Б.Я. К вопросу о возбуждении уголовного дела // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 32–35.

16. Гаврилов Б.Я. Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3 (15). С. 28–33.

17. Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7–9.

18. Гаврилов Б.Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела, как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 335–345.

Сведения об авторе

Грибунов Олег Павлович. Доктор юридических наук, профессор. Первый проректор – проректор по научной работе.

Байкальский государственный университет.

664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

Ключевые слова: профессор Б.Я. Гаврилов, уголовный процесс, криминалистика, стадии уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела, научные труды, правоприменительная деятельность.

Гришин Д.А.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается процедурные требования, предъявляемые к производству следственных действий. Анализируется влияние процессуальной формы на обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. Автор обращает внимание на важное значение процессуального порядка уголовно-процессуальной деятельности для гарантированности ее эффективности и законности.

Установленный порядок совершения процессуальных действий и принятия решений представляет собой процессуальную форму, имеющую обязательный характер. В научной литературе она определяется как регламентированный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовному делу (то есть последовательность стадий и условия перехода дела из одной стадии в другую; общие условия, характеризующие производство в конкретной стадии; основания, условия и порядок производства процессуальных действий; содержание и форма процессуальных актов) [1, с. 290]. Детальное регулирование уголовно-процессуальной деятельности, процедурные правила ее осуществления, правовой статус участников закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), который категорично определяет правовую основу уголовного судопроизводства. Так, ученые резюмируют, что уголовно-процессуальная форма оказывает серьезное влияние на организацию деятельности следователя, дознавателя, прокурора, судьи, способствуя не только установлению всех обстоятельств уголовного дела, но и обеспечению прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [2, с. 89].

Следственные действия составляют значительную часть досудебного производства по уголовному делу. Именно в их рамках формируется доказательственная база по уголовному делу, обеспечивается установление лиц, причастных к совершению преступления [3, с. 131]. Предание процессуального статуса информации, полученной не в рамках уголовного судопроизводства, также возможно лишь благодаря установленной процедуре, основанной на производстве следственных действий либо их последовательной совокупности. Значимой проблемой представляется соблюдение процедурных требований, предусмотренных для деятельности, в ходе которой были аккумулированы сведения, имеющие значение для процесса доказывания по уголовному делу. В противном случае получение доказа-

тельств становится невозможным, а следственные действия, направленные на предание им соответствующего статуса – незаконными.

Целесообразно отметить прямую связь между гарантированностью обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и четкостью регламентации процедуры производства по уголовному делу. Значение процессуальной формы состоит в следующем:

1. Выступает одним из средств формирования режима законности.

2. Является гарантией обеспечения правового статуса участников процесса.

3. Формирует благоприятные условия достижения назначения уголовного судопроизводства.

4. Реализуется как обязательное условие организации процесса доказывания.

Подробнейшая регламентация оснований и процедуры следственных и иных процессуальных действий, принятия решений, ограничивающих конституционные и иные права и свободы человека и гражданина, необходима, прежде всего, участникам уголовного процесса, не располагающим властными полномочиями, которые в случае необходимости могут подтвердить факт нарушения их прав и законных интересов, использовать средства защиты и восстановления своего правового статуса, служить одной из наиболее важных гарантий от злоупотребления публичной властью.

Учеными выделяются специальные законодательные правила, регламентирующие производство следственных действий. При этом правила условно подразделяются на общую и особенную части. Общая часть включает предусмотренные законодателем гарантии, относящиеся к производству всех или большинства процессуальных действий, а особенная часть регламентирует порядок производства конкретного процессуального действия [4, с. 66]. Также существует научная позиция, согласно которой при определении законности производства следственных действий необходимо установить соблюдение процедурных требований, предъявляемых к порядку его проведения, фиксирования его хода, закрепления результатов [5, с. 255].

Процессуальная деятельность при производстве по уголовным делам требует соответствующего оформления с учетом требований, закрепленных в УПК РФ. В общем, следует отметить, что результаты любой активности участников уголовного судопроизводства должны быть письменно зафиксированы в определенной законом форме [6, с. 126].

Процесс производства следственных действий оформляется посредством протоколирования, представляющего собой один из видов документирования. Последнее следует понимать как фиксацию необходимой информации по установленным правилам, обоснование документами [7] действий, процессов. Основным содержанием протокола следственного действия является информация о тех или иных событиях и объектах, зафикси-

рованная с использованием метода описания [8, с. 166]. В частности, согласно ч. 1 ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Протокол следственного действия выступает как доказательство по уголовному делу [9, с. 73]. УПК РФ не содержит установленного образца данного процессуального документа, что следует признать оправданным шагом законодателя. Закрепление образцов процессуальных документов в УПК РФ автор считает нецелесообразным, так как данное обстоятельство негативно скажется на правоприменительной практике. Речь идет о том, что сторона защиты будет обращать внимание на незначительные технические ошибки в структуре и тексте документа, требуя признать незаконным оформленное таким образом доказательство. УПК РФ содержит только требования к содержанию протокола следственного действия, относительно оформления указывается лишь то, что он должен быть выполнен на бумажном носителе.

Вызывает сомнения целесообразность повторного закрепления требований к протоколам относительно отдельных следственных действий. Например, несмотря на ст. 166 «Протокол следственного действия», УПК РФ содержит также ст. 174 «Протокол допроса обвиняемого», ст. 180 «Протоколы осмотра и освидетельствования», ст. 190 «Протокол допроса». При этом указанные нормы, на наш взгляд, просто дублируют положения общей ст. 166 УПК РФ.

Роль протоколирования следственных действий заключается в следующем:

1. Удостоверение факта производства следственных действий.

2. Фиксация полученных результатов – обнаруженных предметов с указанием их характеристик, показаний и т.д. [10, с. 140]

3. Получение доказательств по уголовному делу.

4. Гарантированность соблюдения установленной процедуры производства следственных действий [11, с. 128].

5. Обеспечение возможности обжалования действий и решений должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу.

6. Обеспечение законности уголовно-процессуальной деятельности [12, с. 14; 13].

УПК РФ закрепляет возможность применения различных информационно-технических средств при составлении протокола следственного действия. Так, ч. 2 ст. 166 закрепляет, что указанный процессуальный документ может быть изготовлен с помощью технических средств. Кроме того, законодатель допускает использование в ходе следственного действия стенографирования, фотографирования, киносъемки, аудио- и видеозаписи. Материальные носители, полученные при использовании указанных информационных технологий в ходе уголовного судопроизводства, становятся неотъемлемой частью протокола и хранятся в материалах уголовного

дела. Тем самым УПК РФ допускает использование информационных технологий для оформления хода и результатов следственного действия, но лишь наряду с соответствующим протоколом. Так, ч. 8 ст. 166 УПК РФ закрепляет, что к протоколу прилагаются фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, выполненные при производстве следственного действия.

Считаем необходимым более интенсивно использовать цифровые технологии в рамках процесса протоколирования хода и результатов следственных действий для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. УПК РФ на данный момент не позволяет заменить электронными документами письменные и вещественные доказательства.

Оформление протоколов отнимает значительное количество времени. При этом аккумулируется большой объем материалов уголовного дела. Подобная процедура усложняет уголовный процесс, зачастую не позволяя обеспечить объективность фиксации хода и результатов следственного действия. В этой связи мы предлагаем законодательно закрепить возможность протоколирования допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, следственного эксперимента посредством видеозаписи, а оформление бумажного носителя производить в тех случаях, когда на этом настаивает кто-либо из участников следственного действия и лишь в объеме фиксации информации, относящейся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Нарушения процессуального порядка проведения следственных действий обуславливают наступление определенных последствий, которые всегда будут оказывать негативное влияние на эффективность деятельности органов предварительного расследования. С учетом качественных особенностей связи с правовыми нормами возможные последствия нарушений принципа законности разделить на правовые и неправовые, а также на последствия, имеющие значение для уголовного дела и не связанные с ходом его расследования. Опираясь на исследования сущности уголовно-процессуального нарушения [14, с. 15], среди последствий нарушений принципа законности при производстве расследования допустимо выделить меры восстановления правопорядка, негативные юридические санкции.

Таким образом, процессуальный порядок проведения следственных действий имеет двоякое значение. Во-первых, благодаря процессуальной форме обеспечивается режим законности в рамках производства по уголовному делу, создаются гарантии правового статуса участников, не обладающих властными полномочиями. Во-вторых, процессуальный порядок создает определенные трудности в работе должностных лиц органов предварительного расследования, которые в целях его соблюдения ограничены в оперативности, применении мер государственного принуждения. Последнее представляет собой обоснованные негативные последствия введения законодателем в правоприменительную практику процессуальной формы.

1. Химичева О.В. Основы уголовного судопроизводства: учебное пособие для вузов. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2005. 350 с.

2. Михальчук Ю.П., Солодкая В.И. Организационно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и свобод личности при производстве по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 87–91.

3. Антипов А.Ю. К вопросу о доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сборник материалов VII научно-практической конференции молодых ученых (Москва, 19 июня 2015 г.), 2015.

4. Кудин Ф.М., Костенко Р.В. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: учеб. пособие. Краснодар, 2002. С. 61–67.

5. Ананенко И.В. Обеспечение допустимости процессуальных документов в ходе надлежащего порядка проведения следственных действий // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2003. № 2. С. 253–281.

6. Проваторова К.В. Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний как элементы общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3 (50). С. 125–133.

7. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/letter.php?charkod=196 (дата обращения: 17.11.2019).

8. Малютина О.А. Совершенствование языка протокола следственного действия // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 165–169.

9. Шаталов А.С., Антипов А.Ю. Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 72–78.

10. Нуждин А.А. О мерах предупреждения преступности в исправительных учреждениях // The Genesis of Genius. 2015. № 4-1. С. 139–141.

11. Юсупкадиева С.Н. Правила производства следственных действий, охраняющие интересы участников следственного действия и обеспечивающие их безопасность // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 2. С. 125–128.

12. Гришин Д.А. Актуальные вопросы законности производства дознания: монография / Федеральная служба исполн. наказаний, Акад. права и упр. Рязань, 2010. 128 с.

13. Гришин Д.А. Реализация принципа законности при производстве дознания: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Московский университет МВД России. М., 2009. 22 с.

14. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1994. 24 с.

Сведения об авторе

Гришин Дмитрий Алексеевич. Кандидат юридических наук, доцент. Докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров.

Академия ФСИН России.

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, процессуальная форма, правовой статус, прав и свободы, законность.

Денисова М.Д.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА, ЗАТРАГИВАЕМЫЕ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Автором в данной статье выделены конституционные права граждан, так или иначе затрагиваемые при применении в качестве меры процессуального принуждения наложения ареста на имущество. В связи с этим обращается внимание на некоторые аспекты процедуры получения судебного разрешения на наложение ареста на имущество и предлагаются варианты оптимизации указанной процедуры.

Конституция Российской Федерации [1], являясь высшим нормативным правовым актом Российской Федерации, закрепляет и гарантирует гражданам их права. Вместе с тем для достижения целей уголовного судопроизводства органы и должностные лица, его осуществляющие, часто своими действиями и решениями затрагивают, а в некоторых случаях и ограничивают, конституционные права граждан.

В процессе осуществления уголовного судопроизводства на любой его стадии в той или и иной мере могут быть ограничены многие конституционные права граждан, но в связи с тем, что наш научный интерес представляет мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, то более подробно мы остановимся на конституционных правах, затрагиваемых именно при применении рассматриваемой меры принуждения.

Итак, в соответствии со ст. 35 Конституции Российской Федерации «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами». Однако согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно ст. 115, на основании постановления суда на имущество может быть наложен арест, состоящий в запрете распоряжения, пользования либо же изъятии имущества.

В случаях, когда имущество, подвергаемое аресту, принадлежит юридическому лицу, ограничивается конституционное право на свободное использование своего имущества для предпринимательской или иной не запрещенной законом деятельности (ст. 34 Конституции Российской Федерации). Примером такого правоограничения может служить нашумевшее дело об аресте земельных участков, принадлежащих ООО «Аврора малоэтажное строительство». В 2012 г. на земельные участки, принадлежащие упомянутой организации, был наложен арест в виде запрета распоряжения и пользования земельными участками [2, с. 200]. Из информации, находящейся в свободном доступе, следует, что основным видом деятельности данной организации является строительство жилых и нежилых зданий. В связи с этим можем предположить, что арестованные участки предполагались для строительства какого-либо объекта, однако задуманное организации пришлось отложить до момента снятия ареста с земельных участков, чем и затронуто конституционное право, предусмотренное ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации.

С целью обнаружения имущества, на которое можно наложить арест, органы и должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, могут инициировать обыск по месту жительства лица, чье имущество необходимо подвергнуть аресту. В таком случае будет затрагиваться конституционный принцип, закрепленный в ст. 24 – «Неприкосновенность жилища». Упомянутое конституционное право будет затрагиваться и в случае наложения ареста непосредственно на жилище.

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда собственник имущества может и не знать об ограничениях, наложенных на его имущество, в связи с чем затрагивается право гражданина на информацию, закрепленное в ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации. Данная норма обязывает органы государственной власти и их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с материалами и документами, непосредственно затрагивающими его права и свободы.

Как видим, в числе прав, которые могут быть ограничены при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве, далеко не только конституционное право собственности, но и ряд других.

Ограничение конституционных прав в уголовном судопроизводстве возможно не иначе, как по решению суда. Процедуру получения решения

суда о наложении ареста на имущество можно трактовать как процессуальную гарантию правомерности ограничения прав.

Тем не менее процедура получения решения суда о наложении ареста на имущество страдает некоторыми недостатками. К их числу можно отнести то, что при рассмотрении ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ отсутствует правовой спор, поскольку в судебном заседании, как правило, нет сторон и судья действует как административное лицо, без какой-либо состязательной процедуры рассмотрения вопроса [3, с. 59].

Отсутствие правового спора обусловлено, прежде всего, тем, что нормы действующего УПК РФ не наделяют собственника имущества, подвергаемого аресту, правом участвовать в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о наложении ареста на его имущество.

С другой стороны, нормы ч. 3 ст. 165 УПК РФ предусматривают право следователя, дознавателя и прокурора на участие в данном судебном заседании. Обратим внимание, что речь идет именно о праве, а не об обязанности, в связи с этим подобного рода заседания проходят часто с участием судьи и секретаря судебного заседания.

Полагаем, что для достижения правомерности ограничения прав и свобод целесообразно привлечь для участия в судебном заседании всех заинтересованных лиц с целью учета их позиций и принятия законного решения об ограничении того или иного конституционного права.

Итак, подводя итог, отметим следующее.

Применением наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве затрагивается ряд конституционных прав граждан, а именно: право на неприкосновенность жилища (ст. 25); право на свободное использование своего имущества для предпринимательской деятельности (ст. 34); право частной собственности (ст. 35); право на информацию (ч. 2 ст. 24).

И хотя Конституция Российской Федерации и уголовно-процессуальный закон допускают их ограничение для реализации целей уголовного судопроизводства, это возможно в строго предусмотренных законом случаях и порядке. При этом гарантией данных прав при наложении ареста на имущество может послужить установление права собственника имущества участвовать в судебном заседании, где решается вопрос о применении этой меры процессуального принуждения, в частности, в видах ограничений, устанавливается в отношении имущества.

---

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

2. Грикевич О.А. Применение части 3 статьи 115 УПК РФ в конкретном деле ООО «Аврора МС» // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 199–209.

3. Кальницкий В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства неэффективны // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства. Омск, 2016. С. 58–64.

Сведения об авторе

Денисова Мария Денисовна. Адъюнкт.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: конституционные права, уголовное судопроизводство, неприкосновенность жилища, право собственности.

Джелали Т.И.

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В современном мире масштабное развитие приобрела сфера технического прогресса, которая затронула абсолютно все области жизнедеятельности общества. Различные технические средства используются в уголовном судопроизводстве практически всех стран мира, в том числе и России. Необходимость внедрения технического прогресса обусловлена целесообразностью использовать возможность, которая поспособствует разрешению задач уголовного судопроизводства с минимальными затратами материальных ресурсов и времени, что немаловажно при раскрытии и расследовании по каждому уголовному делу.

В современных условиях повышается техническая оснащенность всех сфер жизнедеятельности общества, не является исключением и уголовно-процессуальная деятельность. Изменения произошли практически во всех аспектах этой области – от расследования преступлений и сбора доказательств до уголовного преследования и защиты дел в суде.

В 2021 г. законодатель в ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «Особенности проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видеоконференц-связи» закрепил использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве. Видео-конференц-связь – это теле-

коммуникационный процесс взаимодействия между абонентами, удаленными друг от друга, но в то же время обменивающимися аудио- и видеоинформацией в режиме реального времени. Использование системы видеоконференц-связи необходимо только в случае полного соблюдения законодательства, без нарушения установленных законом ограничений.

Снижение уровня коммуникативного контакта во время проведения следственных действий в режиме видео-конференц-связи не следует рассматривать как существенное препятствие для его использования в уголовном производстве. Видео-конференц-связь следует рассматривать как некого «технического посредника» между должностным лицом – с одной стороны, и допрашиваемым – с другой.

Исходя из важности внедрения и использования технических средств в уголовном судопроизводстве в России, многие ученые-процессуалисты приходят к выводу о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство путем добавления понятия «технические средства» в ст. 5 УПК РФ. На наш взгляд, наиболее универсальной является концепция, предложенная А.Е. Федюниным, которая предусматривает использование любых технических средств при расследовании уголовных дел. Так, автор отмечает, что это «совокупность приборов, устройств, приспособлений, программных продуктов, используемых участниками уголовного судопроизводства в качестве инструментального технического обеспечения процессуальных действий, фиксации информации и сбора доказательств в соответствии с их правомочиями, определенными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации» [1, с. 162]. На наш взгляд, представленная авторская редакция определения технических средств позволит не только использовать научно-технические средства, устройства, приборы, приспособления в полном объеме, но и в первую очередь гарантирует образование нового института в уголовном процессе, основным предназначением которого является упрощение имеющегося производства некоторых следственных и процессуальных действий либо же возможность получения доказательств по уголовному делу, когда использование технических средств при расследовании конкретного уголовного дела является единственным способом установления истины. Однако целей использования технических средств в уголовном судопроизводстве много, и они разнообразны. Это и с целью обеспечения и соблюдения прав подозреваемого и обвиняемого, и для выдвижения версий и тактических решений по конкретному уголовному делу, контроля за лицом, подвергнутым домашнему аресту, обнаружения, изъятия и фиксации предметов и документов для приобщения их к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств и т.д. [2, с. 92–93]

Кроме того, З.Ф. Аминева предлагает дополнить УПК РФ требованиями, предъявляемыми к техническим средствам, такими как этичность, законность, безопасность и научная обоснованность [3, с. 140]. Все это,

безусловно, будет способствовать формированию нового института в уголовном судопроизводстве. Имеется точка зрения о необходимости включения в УПК РФ в ст. 5 понятия «субъект применения технических средств коммуникаций» [4, с. 73], что, как нам кажется, является избыточным.

Между тем, как справедливо отмечают Д.Д. Вдовиченко и А.И. Гаевой, весь потенциал современного развития научно-технического прогресса не используется правоохранительными органами, так как правовая регламентация института технических средств коммуникаций, используемых в уголовном процессе, как таковая не отражена в УПК РФ. К тому же, по мнению авторов, искусственное сдерживание такого явления оставляет негативный отпечаток на следственной и судебной практике [5, с. 130–133]. Это отражается, прежде всего, на сборе доказательственной информации, ограниченной только определенными следственными действиями. Вместе с тем исследования, проведенные отдельными авторами, в виде интервьюирования следователей показывают на необходимость использования систем видео-конференц-связи и при производстве таких следственных действий, как следственный эксперимент, проверка показаний на месте, освидетельствование при производстве осмотра места происшествия, обыск, выемка и т.д. [6, с. 98–104] В связи с этим представляется целесообразным на законодательном уровне отказаться от указания конкретных следственных действий, которые могут проводиться с использованием систем видеоконференц-связи, но в то же время более подробно регламентировать порядок производства и использования систем видео-конференц-связи. На наш взгляд, предложения Ю.Н. Пономаренко дополнить ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ уточнениями следующего рода кажутся убедительными:

видеофиксация обязательно должна запечатлевать все помещение, в котором производится соответствующее следственное действие, методом ориентирующей съемки;

видеофиксация также должна быть обращена на место, где находятся участвующие в следственном действии лица, с дополнительным отображением на экране технического устройства их лиц [7, с. 257–262].

Видеозапись производимого следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи, по мнению многих ученных, также является положительным аспектом, так как:

при осуществлении дополнительной видеозаписи следователь или дознаватель буду иметь возможность пересмотреть производимое следственное действие и отметить в протоколе следственного действия, если таковые ошибки имеются при допросе;

видеофиксация будет являться своего рода предотвращением необоснованных утверждений допрашиваемого лица о несоответствии данных им показаний на допросе;

это возможность проанализировать психологический портрет лица, участвующего в следственном действии, для объективного признания искренности данных им показаний;

имеющаяся дополнительная видеозапись позволит в случае отказа допрашиваемого лица от дальнейшей дачи показаний при использовании систем видео-конференц-связи ссылаться на нее, как на доказательство, с учетом проведения при необходимости судебной экспертизы по идентификации личности, показания которой запечатлены дополнительной видеозаписью [8, с. 53–55].

Подобные изменения позволят также обеспечить соблюдение прав участников уголовного судопроизводства.

Сегодня УПК РФ содержит около 30 нормативных установлений, отражающих применение на любых стадиях уголовного процесса технических средств коммуникаций. Однако законодатель поставил должностных лиц правоохранительных органов в позицию выборности, то есть возможности на субъективное усмотрение воспользоваться теми или иными техническими средствами коммуникаций для упрощения выполнения как задач уголовного судопроизводства в целом, так и своих служебно-должностных обязанностей в частности. С учетом того, что УПК РФ не ограничивается конкретным перечнем технических средств, разрешенных к использованию при производстве предварительного расследования, не стоит исключать появление прецедентных случаев применения различных технических средств коммуникаций. Возникает вопрос: почему бы законодателю не регламентировать в отдельном нормативном правовом акте перечень технических средств коммуникаций, используемых исключительно в уголовном судопроизводстве?

Таким образом, введенное законодателем нормативное установление, регламентирующее возможность производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи, имеет множество различных проблемных вопросов, требующих их разрешения. В частности, упущение законодателя в части отсутствия правовой регламентации применения систем видео-конференц-связи к определенным категориям лиц, к таким, как несовершеннолетние или лица, имеющие физические, психологические недостатки; проблема обеспечения безопасности участвующих лиц и другие. Законодательное регулирование в УПК РФ нужно не только для определения понятия «технические средства» в ст. 5 УПК РФ. Так, необходимо отдельное нормативное закрепление перечня всех технических средств коммуникаций, разрешенных к использованию в уголовном судопроизводстве, с обозначением субъектов применения таких технических средств коммуникаций. Детальная регламентация позволит окончательно закрепить и сформировать роль и место технических средств коммуникаций в уголовно-процессуальном законодательстве как самостоятельного института права.

1. Федюнин А.Е. Законодательная дефиниция «Технические средства»: сущность, сфера применения, эффективность реализации // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 162.

2. Казначей И.В. Характеристика технических средств коммуникации как источников получения доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 92–93.

3. Аминева З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства» // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 140.

4. Гаевой А.И. Субъекты применения технических средств в российском уголовном судопроизводстве: современные проблемы правоприменения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 73.

5. Гаевой А.И., Вдовиченко Д.Д. Современные парадигмы нормативно-правового регулирования использования технических средств в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 130–133.

6. Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98–104.

7. Пономаренко Ю.Н. особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник науки. 2022. № 6 (51). С. 257–262.

8. Плахота К.С. Особенности производства допроса посредством использования видео-конференц-связи // Сборник материалов криминалистических чтений. 2021. № 18. С. 53–55.

Сведения об авторе

Джелали Татьяна Ивановна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: следственные действия, допрос, технические средства коммуникации, система видео-конференц-связи.

Диденко Н.С., Фисаков М.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗБРАНИИ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье рассматривается залог как одна из мер пресечения, применяемая органами предварительного расследования. Определяются причины данного явления, проводится анализ правового регулирования, выявляются пробелы и противоречия в правовом регулировании этой меры и порядка применения залога.

Появление такого явления, как гуманизация уголовно-процессуального законодательства, которое вызвано политическими и социальными преобразованиями нашего общества, обратило внимание на залог как меру пресечения и привело к оживлению практики его применения. В настоящее время залог выступает как альтернатива мерам пресечения, ограничивающим свободу лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого преступления. И несмотря на кажущуюся мягкость, залог является одной из строгих мер. Опосредованность действия этой меры пресечения заключается в том, что при применении залога ведущим ограничивающим фактором выступают имущественные интересы, а не права личности на свободу перемещения и проживания.

В последние годы применение залога в качестве меры ограничительного характера значительно участилось. Угроза лишения имущества действует сдерживающе на сознание человека, удерживая его от нежелательных действий и попыток противодействия расследованию. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] как раз рассматривает залог как одну из строгих принудительных ограничительных мер, имеющих психологический характер воздействия на человека. Применение залога, как правило, обеспечивает достижение целей предварительного наказания. Как говорилось выше, залог выступает в качестве оптимальной альтернативы мерам полного ограничения свободы.

Предусмотрено и обращение в доход государства залогового имущества при несоблюдении требований, предъявляемых к лицу в период действия этой меры пресечения. Возврат залога в соответствии со ст. 106 УПК РФ происходит после прекращения действия указанной меры и при выполнении всех взятых на себя обязательств. При этом обязательства распространяются не только на подозреваемого, но и на залогодателя при несовпадении этих субъектов [2].

Возврат залога может быть осуществлен полностью или частично и только по решению суда. Часть имущества может быть обращена в доход государства в счет исполнения приговора или пойти на покрытие нанесенного имущественного ущерба при совершении преступления. Но частич-

ное удержание залоговых средств допускается только по согласованию с залогодателем.

Применение залога возможно и на стадии предварительного расследования, и в ходе судебного разбирательства. Любой из участников судебного следствия может подать ходатайство о применении данной меры, но по делам частного обвинения эту меру не рассматривают.

Средства обеспечения залога оговариваются в решении суда, а вносить залог может как сам подозреваемый или обвиняемый, так и любое другое лицо, обладающее указанными в решении суда средствами [4]. Предмет залога оформляется протоколом, с вручением копии залогодателю. При этом залогодателю необходимо разъяснить все обязательства, которые последуют по внесению залога.

Ранее упоминалось, что при применении залога существенное значение имеет установление его размера. Повторимся, что при этом учитываются:

характер совершенного преступного деяния;

личностные характеристики привлекаемого к ответственности;

материальная обеспеченность привлекаемого к ответственности.

Отсутствуют строгие размеры залоговых сумм, встает вопрос о рациональном выборе такой суммы. На наш взгляд, сумма должна быть такой, которая бы создавала серьезную угрозу материальному состоянию при ее утрате. Вывести какой-либо алгоритм при исчислении сумм залога позволит изучение практики применения этой нормы судами. Но вместе с этим необходимо проработать механизмы обжалования решений суда по данному вопросу, в противном случае залоговые суммы могут быть заоблачными [5].

Вид или предмет залога тоже ставят перед судом определенную проблему. Мы уже перечисляли выше, что может быть использовано в качестве предмета залога. Рассмотрим каждую категорию подробнее.

1. Денежные средства. Это наиболее часто встречаемый предмет залога. Это могут быть как наличные средства, так и электронные формы расчетов. Под наличными денежными средствами признаются денежные билеты и монеты Банка России или иностранных государств, официальный оборот которых установлен государством на территории нашей страны.

2. Ценные бумаги. Под ценными бумагами понимают документы, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при их предъявлении. Таким образом, при использовании в качестве предмета залога ценных бумаг залогом становятся имущественные права, то есть сами по себе ценные бумаги не представляют никакой ценности, а обязательства банка по исполнению требований по ценной бумаге ценность уже представляют. Передача ценной бумаги предполагает и переход всей совокупности прав по этому банковскому обязатель-

ству. Статья 142 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] предусматривает переход прав по ценной бумаге при закреплении передачи ценной бумаги в обычном («бумажном») или электронном реестре. К ценным бумагам относят векселя, облигации, акции, сертификаты и т.д. Полный их перечень приведен в ст. 143 ГК РФ. Оборот ценных бумаг предполагает их видоизменение вне зависимости от воли и желания их обладателя. Варьировать может стоимость ценной бумаги, а может и осуществляться ее конвертация в другую, в зависимости от решения банка, или финансового учреждения, или с течением времени. Ценные бумаги погашаются другим имуществом, как правило, денежными средствами. Ценные бумаги в качестве залога размещаются на депозитах залогодержателя или нотариуса, а могут и храниться в специальных хранилищах или находиться в других оговоренных договором местах хранения в соответствии с п. 4 ст. 338 ГК РФ. Но существенным нюансом является то, что по ценным бумагам приобретается доход в денежной или иной форме и кто в случае использования их в качестве залога теперь имеет права на эти доходы. Ст. 340 ГК РФ регламентирует получение прав не доходы от ценных бумаг, используемых в качестве залога, только при заключении соответствующего договора. Впрочем, ст. 346 ГК РФ расписывает нормы использования доходов от заложенных ценных бумаг залогодателем и залогодержателем. Но лучше права на использование доходов подробно расписать в договоре.

3. Иные ценности. Это довольно широкое понятие, в которое включены ювелирные украшения, изделия из драгоценных камней и металлов, предметы, представляющие историческую и культурную ценность, и многое другое. Полный перечень драгоценных металлов и камней приведен в ст. 1 Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 1998 г.

4. Иное имущество, представляющее ценность. В эту категорию относят транспортные средства, компьютерную и бытовую технику.

Много споров в научной среде возникает при рассмотрении в качестве залога недвижимости. Некоторые считают, что существование института ипотеки исключает недвижимость из возможных предметов залога. Видимо, такая точка зрения построена на существовании института залога в уголовно-процессуальном законодательстве и институтом ипотеки в гражданском законодательстве, то есть возникновении аналогий. Некоторые ученые считают, что применение меры пресечения в виде залога должно соответствовать требованиям гражданского законодательства, перенося их по аналогии в уголовно-процессуальные отношения [3]. Но это невозможно. Гражданско-правовые обязательства, обеспечиваемые залогом, в корне отличаются от залоговых обязательств уголовного процесса, и любой юрист скажет, что аналогий между публичным (уголовно-процессуальным) и частным (гражданским) правом быть не может. Естественно, при рассмотрении вопроса в этом ракурсе была высказана совершенно

противоположная точка зрения об использовании в уголовном процессе при избрании меры пресечения залога, необходимо базироваться на нормах уголовно-процессуального законодательства, а не ГК [6].

В некоторых комментариях можно встретить прямое указание на использование недвижимости в качестве предмета залога, относя ее к ценным предметам. Для разрешения этого вопроса предлагалось обязать залогодателя самостоятельно оценивать имущество, предполагаемое как залоговое, и подтверждать оценку соответствующими финансовыми документами, но заинтересованность этой категории лиц может отразиться на объективности оценки. Есть и еще одно мнение, которое предполагает создание отдельного института оценки залогового имущества и соответствия его залоговой сумме. При этом предполагается и отслеживание рыночно-финансовой обстановки, то есть при изменении стоимости залогового имущества приведение его в соответствие с залоговой суммой, заменой либо дополнением.

Мы считаем, что применение залога является одной из гуманных мер пресечения, так как не нарушает главного конституционного права каждой личности – права на свободу. За непопирание этого права личность отвечает своими денежными средствами и материальными ценностями.

Отдельным аспектом служит то, что находящийся под залогом человек продолжает участвовать в трудовых отношениях и сам себя обеспечивает. Лица, заключенные под стражу, помимо того, что прекращают трудовую или общественную деятельность, полностью переходят на иждивение государства. Содержание и обслуживание лиц, находящихся под арестом – одна из затратных частей бюджета. Другой момент – это семейные отношения: исчезает один из родителей, пропадает кормилец и т.д. [6]

Еще на одном моменте мы уже останавливались, он связан с тюремным «просвещением». Находясь в такой среде, может произойти деформация, вплоть до деградации личности. Нарастает криминализация общества.

Подводя итог, отметим, что имеют место неразрешенности в применении залога как меры пресечения. И хотя эта строгая мера и является альтернативой заключения под стражу, многие понятия остаются неразрешимыми, в частности, в определении предмета залога и установлении залоговой суммы.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 04.08.2023. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ: в ред. от 27.07.2023. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. Маринин Е.К. Залог как мера пресечения в российском уголовном процессе. М., 2012. 93 с.

4. Морякова М.А. Проблемы вынесения судебных решений, связанных с избранием меры пресечения в виде залога // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 3. С. 28–31.

5. Парфенова М.В. К вопросу о размере залога // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 23–25.

6. Перова С.Е. Актуальные проблемы применения залога в качестве меры пресечения // Информационный бюллетень за 2013 год. Расследование преступлений. Краснодар, 2014. 221 с.

Сведения об авторах

Диденко Николай Сергеевич. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Фисаков Максим Юрьевич. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: мера пресечения, залог, залогодатель, ущерб, возмещение.

Ермакова А.Л.

РАЗРЕШЕНИЕ ХОДАТАЙСТВА О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

В статье на основании анализа уголовно-процессуальных норм, позиций Конституционного и Верховного судов РФ, правоприменительной практики по вопросам сроков содержания под стражей отмечается необходимость точной законодательной регламентации порядка продления ареста на досудебной и судебной стадиях процесса. В целях предотвращения произвольного и несоразмерного пребывания под стражей предлагается установить предельный срок нахождения подсудимого под стражей, а органам расследования более основательно подходить к рассмотрению выносимых ходатайств.

Меры пресечения представляют собой особую группу мер, которые направлены на предупреждение возможности совершения действий, обо-

значенных в ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], лицом, подозреваемым или обвиняемым в преступном деянии. Важным моментом при применении указанного института принуждения является порядок рассмотрения ходатайства о продлении срока меры пресечения (в нашей статье мы рассмотрим данный порядок на примере заключения под стражу).

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом, а также разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ рассмотрение ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей проводится в открытом судебном заседании на основе принципа гласности (исключение составляют случаи рассмотрения ходатайств в соответствии с ч. 2 ст. 228 и ч. 2 ст. 241 УПК РФ) [2]. Процедура имеет последовательный характер и соответствует всем принципам уголовного судопроизводства. Заседание начинается с того, что судья излагает суть ходатайства, после чего самостоятельно знакомится со всеми имеющимися материалами. Процесс проведения судебного заседания отражается в протоколе, который составляется параллельно с ходом процесса. По окончании заслушиваются реплики всех участников судебного заседания, после чего судья удаляется в совещательную комнату для вынесения решения.

Решение о сроке содержания под стражей выносится в соответствии с ч. 8 ст. 109 УПК РФ и может быть двух вариантов:

1) о продлении срока содержания обвиняемого под стражей;

2) об отказе в удовлетворении указанного ходатайства, а также освобождении обвиняемого из-под стражи; в таком случае за судьей закреплено право назначения обвиняемому иной, более мягкой меры пресечения.

Ходатайство о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должно иметь веские основания, по которым к обвиняемому не применяется менее строгая мера уголовно-процессуального воздействия.

Если говорить о рассматриваемой мере в отношении несовершеннолетних граждан, то данное решение должно иметь более подробное обоснование. В случае, когда участник уголовного судопроизводства не достиг совершеннолетия, должны быть указаны конкретные причины того, почему к лицу не могут быть применены меры пресечения, имеющие в большей степени воспитательный уклон. Согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ в каждом случае избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего должна обсуждаться возможность применения к нему присмотра его законными представителями. Возможность назначения более мягкой меры воздействия напрямую вытекает из закрепленного в ст. 49 Конституции РФ [3] принципа презумпции невиновности и положения Конституционного Суда о том, что до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе по срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его [4]. Ра-

венство сроков содержания под стражей взрослых и несовершеннолетних нарушителей не в полной мере соответствует правовому стандарту, в соответствии с которым рассматриваемая категория людей должна содержаться под стражей «в течение кратчайшего периода времени» [5, с. 177].

Когда судья обосновывает дальнейшее содержание лица под стражей, он не может брать в основу своего решения первоначальное постановление об аресте обвиняемого, так как с этого момента может пройти большое количество времени и доказанность его вины, как и сами доказательства, могут кардинально измениться. Соответственно, судье необходимо вновь проверить все имеющиеся данные и правовые основания с целью защиты прав обвиняемого и соблюдения законного порядка рассмотрения уголовного дела [6, с. 85].

Срок содержания под стражей может быть продлен в случае, если возникла необходимость в проведении конкретных процессуальных действий, однако это не может выступать единственным условием для продолжения изоляции человека от общества. Если срок продлевается неоднократно, то следует обратить внимание на причину осуществления тех или иных следственных действий и, собственно, на необходимость их проведения.

Обвиняемый находится под стражей до 2 месяцев, но при этом срок может быть увеличен до:

1) 6 месяцев – продление срока осуществляется, если в связи с обстоятельствами дела завершить предварительное следствие в течение установленного общего срока не представилось возможным и не отпали основания для применения указанной меры пресечения;

2) 12 месяцев – срок увеличивается в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях, при особой сложности дела и наличии законных причин продления данной меры пресечения; в таком случае для соответствующего ходатайства требуется согласие руководителя следственного органа и прокурора по субъекту Российской Федерации;

3) 18 месяцев – продление срока до указанного периода является исключительным случаем; *например, в решении о продлении срока содержания под стражей обвиняемого В. до 15 месяцев судом установлено, что обращение органов предварительного расследования в суд представляет собой исключительный случай в связи с особой сложностью уголовного дела. Преступления были совершены в течение длительного времени в отношении 222 потерпевших. Уголовное дело состояло из 230 томов. С учетом того, что трое обвиняемых действовали в составе организованной группы, доказывание их вины было затруднено, а расследование осложнялось большим количеством экспертиз, а также других следственных и иных процессуальных действий [7].*

Процедура продления на данный срок осуществляется в суде субъекта Российской Федерации. Для подачи соответствующего ходатайства тре-

буется согласие руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством ходатайство о продлении срока должно быть подано в суд по месту, где производилось предварительное расследование или же по месту нахождения обвиняемого за 7 суток до его истечения.

Если производство по уголовному делу переходит в судебные стадии, то ч. 3 ст. 255 УПК РФ закрепляет 6-месячный срок нахождения подсудимого под стражей. В случае если указанный срок нуждается в продлении, данное действие может быть осуществлено не более чем на 3 месяца каждый раз при условии исключительного характера тяжести уголовного дела. Таким образом, лицо, которое совершило тяжкое или особо тяжкое преступление, может находиться под стражей до двух и даже более лет. При всем этом его вина в совершении преступления по итогу может быть не доказана. В некоторых случаях стремление «бесконечно» сохранять ранее избранную меру пресечения в виде заключения под стражу, когда основания продления срока мотивируются отсутствием изменений в обстоятельствах дела, свидетельствует о нарастании обвинительно-инквизиционного подхода к содержанию механизма мер уголовно-процессуального принуждения.

На необходимость внесения изменений в ст. 255 УПК РФ не раз обращали внимания ученые-процессуалисты. По мнению А.Д. Прошлякова, следует ограничить суммарный срок содержания под стражей сроком лишения свободы, установленным соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой обвиняемый понесет наказание [8, с. 70]. К.В. Муравьев выдвигает предложение об ограничении срока содержания под стражей половиной срока максимального наказания, которое предусмотрено в санкции уголовно-правовой нормы [9, с. 139].

Обратив внимание на изложенные обстоятельства, отметим, что заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, так как именно при ее осуществлении ограничиваются конституционные права человека на свободу и личную неприкосновенность, которые отражены в ст. 21 и 22 Конституции РФ. УПК РФ, в свою очередь, при всей жесткости самой сущности данной меры воздействия, не в полной мере регулирует вопрос сроков ее применения.

На основе изложенного материала можно сделать вывод, что любой срок содержания лица под стражей должен быть законным и обоснованным. Сама же продолжительность такого срока зависит от обстоятельств рассматриваемого дела и тяжести совершенного деяния. Большая ответственность в рассматриваемой процедуре лежит именно на следователе и дознавателе, так как именно надлежащее предъявление всех имеющихся материалов порождает законную возможность продления этого срока. Не стоит забывать и о важности грамотной юридической оценки, которая иг-

рает ключевую роль при вынесении ходатайства о продлении срока содержания под стражей.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 04.08.2023 // Рос. газ. 2001. 22 дек. № 249.

2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19.12.2013 № 41: в ред. от 11.06.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

4. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 06.12.2011 № 27-П // Рос. газ. 2011. 21 дек. № 287.

5. Муравьев К.В., Замуруева Е.Ю. Проблемные аспекты регламентации сроков уголовно-процессуальных и уголовно-правовых мер воздействия в отношении несовершеннолетних // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (Красноярск, 18–19 июня 2021 г.). Часть 2. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 175–179.

6. Черкесов С.Х. Некоторые правоприменительные вопросы процедуры разрешения ходатайства о продлении срока содержания под стражей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 84–86.

7. Постановление Красноярского краевого суда от 08.06.2018 о продлении срока содержания под стражей обвиняемому В. Материал К-2-298/2018.

8. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. 271 с.

9. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 228 с.

Сведения об авторе

Ермакова Алина Леонидовна. Адъюнкт.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, срок содержания под стражей, разрешение ходатайства.

Екимцев С.В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПО РАСКРЫТИЮ ФАКТОВ МОШЕННИЧЕСТВА

В статье на основе проведенного анализа обозначены современные способы совершения мошенничества, а также проблемы, возникающие в деятельности оперативных подразделений при раскрытии указанного вида преступления. Поскольку такие проблемы негативно влияют на правоприменительную деятельность оперативных подразделений, автором предложены пути их решения. При этом обращено внимание на то, что их устранение зависит не только от деятельности сотрудников оперативных подразделений в части качественного осуществления оперативно-разыскной деятельности, но и от уровня взаимодействия со специалистами в области информационных технологий, в том числе со следователем.

Среди всех преступных посягательств против собственности специфическое место занимает мошенничество. Оно может непосредственно проявляться во всех сферах жизнедеятельности, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям рынка. Потерпевшими от совершения мошенничества могут быть обычные граждане, юридические лица, а также общество в целом, что выступает особенностью этого преступного деяния.

«По темпу роста и своим негативным тенденциям мошеннические посягательства значительно опережают другие преступления против собственности. Высокий уровень латентности мошенничества, значительный имущественный вред, который причиняется гражданам, юридическим лицам и публичным образованиям, постоянно растущие способы совершения этого преступления определяют серьезность сложившейся ситуации» [1, с. 147–151]. Современному мошенничеству характерен дистанционный способ совершения с применением IT-технологий.

Согласно данным, представленным на официальном сайте МВД России, в январе–июле 2023 г. зарегистрировано 371,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 27,9 % больше,

чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 24,9 % в январе–июле 2022 г. до 32,6 %.

Практически все такие преступления (98,7 %) выявляются органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (52,5 %) относятся к категориям тяжких и особо тяжких (194,8 тыс.; +26,8 %), более чем три четверти (76,8 %) совершается с использованием сети Интернет (285,2 тыс.; +34,3 %), почти половина (45,0 %) – средств мобильной связи (167,3 тыс.; +49,1 %). Почти три четверти таких преступлений (70,8 %) совершается путем кражи или мошенничества: 263,0 тыс. (+28,2 %), каждое восьмое (12,8 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 47,7 тыс. (+34,9 %) [2].

Успешность раскрытия мошеннических действий зависит от правильно спланированного и реализованного взаимодействия сотрудников уголовного розыска с сотрудниками иных служб органов внутренних дел (с органами предварительного расследования, техническими и поисковыми оперативными подразделениями). Особое значение имеет налаженность взаимодействия между сотрудниками уголовного розыска и следственными подразделениями.

В науке подчеркивается, что взаимодействие следователя и органа дознания представляет собой совместную, законную, согласованную по целям, месту и способам осуществления деятельность автономных по отношению друг к другу субъектов, позволяющую решить задачи уголовного судопроизводства при руководящей или организующей роли следователя и четком разграничении компетенции между взаимодействующими субъектами [3, с. 33–34].

По мнению Д.Г. Шашина и П.В. Афанаскина, «взаимодействие – это оказание следователями и сотрудниками оперативных подразделений взаимопомощи в решении общих, совместных задач уголовного судопроизводства» [4, с. 33–41].

Несомненно, в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда такое взаимодействие не приносит желаемого результата, что во многом обусловлено межличностными отношениями, возникшими между следователем и сотрудником уголовного розыска в процессе осуществления служебных задач. Об это указывается и в юридической науке, а именно о том, что в процессе раскрытия преступных деяний между этими участниками могут возникать сложности из-за недопонимания в связи с тем, что каждый воспринимает другого виновным в неудачном расследовании дела [5, с. 154–158], либо такого взаимодействия в принципе нет, но создается видимость активной деятельности в ходе уголовного судопроизводства [6, с. 108–120].

Представляется, что для достижения общей задачи, направленной на борьбу с преступностью, и решения частных задач (выявления и раскрытия

преступных деяний; установление лиц, виновных в их совершении; возмещение вреда потерпевшим) такое взаимодействие должно быть наложено и использоваться в деятельности по раскрытию мошеннических действий.

Любое взаимодействие должно осуществляться в рамках закона, несмотря на различные тактические и организационные моменты. В качестве основных правовых норм в подобной ситуации выступают п. 4 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7].

Исходя из того, что следователь является ключевым участником досудебного производства и на него возложена ответственность за объективное, всестороннее и полное расследование дела, он может использовать весь арсенал, имеющихся у него методов и средств, в том числе и привлекать сотрудников уголовного розыска, обладающих специфическими гласными и негласными полномочиями, что поможет эффективно раскрыть и расследовать преступление [8, с. 92].

Основными формами взаимодействия сотрудника уголовного розыска и следователя являются:

1. Совместное планирование осуществления досудебного производства.

2. Представление информации в двустороннем порядке.

3. Совместное рассмотрение результатов оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, необходимое для выдвижения версий.

4. Согласованные выезды сотрудников уголовного розыска и следователей на различные территории для производства оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий [9, с. 111].

Интересную классификацию существующих в правоприменительной практике форм взаимодействия предлагает профессор В.А. Семенцов, выделяя такие формы, как:

1. Осуществление совместной проверки сообщения о преступном деянии.

2. Вынесение следователем поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий в письменной форме.

3. Осуществление совместной деятельности в составе следственно-оперативной группы.

4. Привлечение следователем сотрудника уголовного розыска для производства конкретного следственного действия.

5. Осуществление розыска подозреваемого, обвиняемого сотрудником уголовного розыска по поручению следователя в том случае, когда место нахождения уголовно-преследуемого лица неизвестно.

6. Совместное планирование.

7. Обмен информацией [10, с. 63–69].

В приведенной классификации автор умышленно подразделяет все имеющиеся формы взаимодействия на два вида: процессуальные и организационно-тактические. Независимо от формы взаимодействия, для эффективного выполнения деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию мошеннических действий оно должно быть наложено и реализовано в полном объеме.

Одной из ключевых форм взаимодействия между обозначенными субъектами выступает совместное планирование. Оно начинается с составления следователем плана, к которому привлекается сотрудник уголовного розыска, который и будет осуществлять оперативное сопровождение этого дела в процессе расследования. Такое взаимодействие позволит определить оптимальную линию для проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, снизить возможные тактические риски и повысить эффективность всего процесса расследования.

В юридической литературе указывается, что объединение усилий сотрудника уголовного розыска и следователя на первоначальном этапе расследования позволяет скоординировать план следственных действий за счет имеющейся информации, полученной негласным оперативным путем [11, с. 8–11]. Действительно, в подобной ситуации в распоряжении следователя находится больший объем информации, вследствие чего он может грамотно спланировать проведение следственных действий и выбрать наиболее оптимальные методы при их проведении.

Другой формой взаимодействия, характерной для выявления и раскрытия мошеннических действий, являются совместные выезды в другую местность, другой регион для проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, так как дистанционное мошенничество не ограничивается границами одного региона, а может распространяться в нескольких регионах или же на всей территории РФ. Поэтому совместные выезды следователя и сотрудника уголовного розыска для проведения действий непосредственно на месте совершения мошенничества просто необходимы. В противном случае при невозможности выезда обязательно направление соответствующих запросов-поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий коллегами из других регионов.

Важной формой взаимодействия выступает использование следователем в процессе доказывания результатов, полученных при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. При этом не во всех случаях такие результаты могут быть использованы в таком качестве. Для этого существует множество причин, среди которых: отсутствие единой практики осуществления оперативно-разыскных мероприятий; проведение таких мероприятий с нарушением требований закона; непосредственная подмена одного оперативно-разыскного мероприятия другим и т.д. [12, с. 19]

Результаты, полученные в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, могут использоваться не только в процессе доказывания, но и носить ориентирующий характер, а также служить поводом и основанием для возбуждения дела [13, с. 3–7]. Поэтому такой информации необходимо уделять повышенное внимание в каждом конкретном случае, оценивать ее перспективность и возможность применения в досудебном производстве.

При осуществлении взаимодействия могут возникать определенные трудности, чрезмерное переложение следователем своих функций на сотрудника уголовного розыска путем составления множества поручений, с указанием следователем в поручении о проведении оперативно-разыскных мероприятий конкретных мероприятий, что является нарушением закона и т.п. В подобных ситуациях об эффективности взаимодействия не может идти и речи.

Таким образом, взаимодействие сотрудника уголовного розыска со следователем при выявлении, раскрытии и расследовании мошеннических действий имеет большое значение, так как от него зависит результативность всего процесса расследования, привлечение виновного к ответственности и возмещение вреда потерпевшему. Взаимодействие следователя и органа дознания представляет собой совместную, законную, согласованную по целям, месту и способам осуществления деятельность автономных по отношению друг к другу субъектов, позволяющую решить задачи уголовного судопроизводства при руководящей или организующей роли следователя и четком разграничении компетенции между взаимодействующими субъектами. Основными формами взаимодействия сотрудника уголовного розыска и следователя являются: совместное планирование осуществления досудебного производства; представление информации в двустороннем порядке; совместное рассмотрение результатов оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, необходимое для выдвижения версий; согласованные выезды сотрудников уголовного розыска и следователей на различные территории для производства оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Все формы взаимодействия можно условно подразделить на две группы: процессуальные и организационно-тактические. Для большей эффективности представляется необходимым комплексно подходить к выбору формы взаимодействия и использовать несколько форм исходя из складывающейся обстановки.

---

1. Камышов Д.А. Понятие и признаки мошенничества в российском уголовном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 147–151.

2. Состояние преступности в России за январь–июль 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 31.08.2023).

3. Белецкий В.Ю. О понятии взаимодействия следователя и органов дознания // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. № 2. С. 33–34.

4. Шашин Д.Г., Афанаскин П.В. Сущность и назначение взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании преступлений // Научный компонент. 2019. № 2 (2). С. 33–41.

5. Бердникова О.П. Взаимодействие следователя и органа дознания по делам, приостановленным за неустановлением виновных лиц // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 154–158.

6. Куликова И.Е. Некоторые вопросы взаимодействия следователя с оперативными работниками при раскрытии и расследовании мошенничеств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 22. № 2. С. 108–120.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ: в ред. от 28.06.2022 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

8. Муравьев К.В., Писарев А.В., Смирнова И.С. Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания: учебно-практ. пособие. Омск, 2007. 100 с.

9. Коновалова В.Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве. Харьков: Консум, 2000. С. 111.

10. Семенцов В.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 63–69.

11. Абрамова П.В. К вопросу об особенностях взаимодействия следователя и оперативных сотрудников при расследовании преступлений, воспрепятствующих осуществлению правосудия // Российский следователь. 2021. № 3. С. 8–11.

12. Гармаев Ю.П., Викулов О.В. Ошибки и нарушения закона в сфере оперативно-розыскной деятельности. Вып. 1: практ. пособ. М.: Тил-Ком, 2020. С. 19.

13. Воткин В.А. Особенности взаимодействия следователя и оперативных сотрудников при раскрытии разбойных нападений на Северном Кавказе // Российский следователь. 2017. № 3. С. 3–7.

Сведения об авторе

Екимцев Сергей Валерьевич. Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: взаимодействие, способы мошенничества, сотрудник уголовного розыска, следователь.

Ефремова О.М.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются основные проблемы использования электронных доказательств на современном этапе развития общества. Исходя из того, что общество устроено так, что любые перемены для человека являются стрессом, а значит, этапом долгим и затруднительным, естественно, и цифровизация уголовного процесса даётся не так легко. Что касается электронных доказательств, то главной проблемой рассматриваемого в статье новшества является неурегулированность на законодательном уровне, о чем подробно освещается в настоящей работе. Затрагивается дискуссионный вопрос о допустимости и относимости электронного вида доказательств.

Научно-технический процесс вызывает достаточное количество проблем для современного развития уголовного процесса, так как внедрение новых технологий в любую сферу является процессом долгим и затруднительным, тем более в правоохранительной деятельности.

Для того чтобы понять проблемы использования цифровых доказательств, достаточно вспомнить процесс внедрения полиграфа, который, несмотря на то, что имелась определенная как техническая, так и кадровая база, оказался неизмеримо долгим и трудным. Это объясняется тем, что обществу исторически заложено привыкать к чему-то новому и неизученному, как правило, внедрение каких-либо современных цифровых технологий происходит именно на стадии изучения внедряемого нового процесса.

Уголовный процесс в данной области развивается настолько стремительно, что возникает достаточно много проблемных ситуаций из-за недостаточного регулирования указанного вопроса отечественным законодателем. В настоящий момент в российском законодательстве отсутствует даже понятие электронного доказательства, не говоря уже о том, что правоприменители порой не понимают, что конкретно может быть признано электронным доказательством, так как не существует определенного исчерпывающего перечня доказательств, которые на законном уровне следует относить к электронным доказательствам. Из этого следует вывод, что человек самостоятельно решает вопрос о допустимости доказательств, что является юридически неверным, поскольку всегда есть возможность оспорить этот вопрос, так как он не урегулирован на законодательном уровне.

Стоит отметить и то, что за быстрым развитием современных технологий в уголовном процессе не успевает развиваться даже язык, подтверждается это тем, что у правоприменителя нет определенного набора слов для обозначения того или иного вопроса – это является достаточно острой

проблемой. По мнению многих отечественных исследователей, юридический язык должен быть унифицирован, а значит, одинаково понятен всем участникам уголовного судопроизводства. Если еще несколько лет назад в специальной литературе предпочтение отдавалось компьютерным технологиям, то сейчас все чаще говорят и пишут о цифровой реальности, об электронном обществе, о трансформации всей системы права и даже о формировании «цифрового законодательства» [1].

Несмотря на то, что почти во всех современных учреждениях высшего образования специалистов готовят к использованию цифровых технологий, наше общество еще не настолько осведомлено обо всех нюансах, возникающих при работе с ними. Поэтому возникает проблема с кадрами, которые не совсем разбираются в данной области, из-за чего часто возникают вопросы о достоверности, да и в общем допустимости электронного доказательства.

Но если глубже погрузиться в тему проблем электронных доказательств, то следует отметить тот факт, что многие понимают, что появление цифровых технологий, а тем более их стремительное развитие вынуждает научное сообщество задуматься о введении новшеств во многих доктринальных подходах, касающихся теории доказывания. Напрашиваются изменения и в целом в современном и будущем уголовно-процессуальном доказательственном праве. Хотя стоит заметить, что, конечно, на данный момент рассматриваемая нами тема так и остается дискуссионной.

В.Н. Чернышов и Е.С. Лоскутова подчеркивают, что стремительная информатизация правоотношений привела к появлению качественно нового вида доказательств, а перед законодателем встала проблема урегулирования их использования с учетом требований достоверности, допустимости, относимости и достаточности [2]. Но исходя из законодательной базы, которую мы имеем сейчас, никакого нового вида доказательств не появилось. Конечно, есть своя определенная специфика в обнаружении, фиксации, изъятии, исследовании, сохранении электронных доказательств, но на современном этапе вышеперечисленные аспекты лишь изучаются, но в будущем, естественно, это должно быть закреплено на законодательном уровне. Но каким образом будут вноситься изменения в существующие правила доказывания? Этот вопрос вызывает огромное количество различных мнений и споров, поэтому пока невозможно утверждать о том, что найден какой-либо путь решения поставленной проблемы. Но более абсурдным, на наш взгляд, становится вопрос относительно изменения юридических постулатов допустимости, относимости и достаточности доказательств, о которых говорят вышеуказанные авторы. Мы считаем, это те истины, которые не должны быть подвержены изменению, а изменения в существующее законодательство должны вноситься с учётом уже существующих правил.

Безусловно, электронные носители, содержащие цифровую информацию, имеют отличия от «классических» вещественных доказательств и иных документов в силу различных приемов и средств сохранения такой информации [3].

В свое время В.Д. Спасович говорил о вещественных доказательствах как о предметах, служивших орудиями преступления, испорченных или добытых посредством преступления. Развивая эту тему, И.Я. Фойницкий определял, что «помимо непосредственных продуктов преступной деятельности, вещественными доказательствами, сопутствующими преступлению, могут быть и другие предметы внешнего мира, на которых остались изменения или признаки, свидетельствующие о способе его учинения, об обстановке события или о лицах, принимавших в них участие…». В отличие от предметов материального мира, которые отражают на своей физической оболочке следы преступления и не могут модифицироваться в своем содержании, компьютерная информация имеет свойство трансформации на значительные дистанции. Достаточно упомянуть случаи, когда после изъятия мобильных устройств их информационное содержимое с помощью удаленного доступа пользователя стирается или блокируется [4].

Исходя из вышеперечисленных проблем, стоит отметить, что мы считаем уместным внесение изменений в существующее законодательство в части, касающейся цифровых доказательств, так как часть из них уже нашли реализацию в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации – ст. 81.1, 164.1 и другие. Однако проводимые и грядущие преобразования должны затрагивать вовсе не понятийную тематику, а обусловленные проблемами следственной и судебной практики конкретные процедурные формы собирания, проверки и использования доказательств [5].

Подводя итог, заметим, что развитие цифровых информационных технологий напрямую влияет абсолютно на все сферы жизнедеятельности человека, правоохранительная деятельность – не исключение. Именно поэтому на данном этапе существует огромное количество проблем, возникающих в большей степени из-за недостаточного урегулирования того или иного вопроса, в том числе и относительно нового института электронных (цифровых) доказательств. Конечно, бесспорным является тот факт, что современный уголовный процесс требует внесения в законодательную базу немало корректировок, которые облегчат и нормализуют уголовное судопроизводство. Несмотря на некоторые продвижения законодателя в указанном вопросе, терминология и порядок осуществления деятельности в части, касающейся электронных (цифровых) доказательств, оставляют пробелы, потому что внесенные корректировки недостаточно полно регулируют рассматриваемый нами вопрос.

В российском праве достаточно распространена тенденция к долговременному переходу к каким-либо нововведениям, и цифровая революция, которая потрясла всё человечество не является исключением, но это

не означает, что отечественный уголовный процесс можно негативно охарактеризовать, так как сама по себе работа с цифровой информацией является достаточно сложной, тем более когда цифровизация ещё находится на стадии развития.

1. Григорьев В.Н. Цифровое законодательство в сфере уголовного судопроизводства: некоторые тенденции // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VII Международной научно-практической конференции. Алушта, 2019. С. 29.

2. Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 200.

3. Ефремова О.М. Правовое регулирование применения компьютерной информации следователем при производстве по уголовному делу // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2 (83). С. 84.

4. Васюков В.Ф., Ефремова О.М. Возвращаясь к вопросу о доказательственном значении компьютерной информации в уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. № 1 (3). Т. 1. С. 138–149.

5. Попов А.П., Попов А.А. Электронные доказательства в уголовно-процессуальном доказательственном праве [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 27.08.2023).

Сведения об авторе

Ефремова Ольга Михайловна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровое доказательство, использовать, оценка доказательства, следователь.

Замуруева Е.Ю.

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРЕДПОЛАГАЕМОМУ НАКАЗАНИЮ КАК ТРЕБОВАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье рассматривается соразмерность процессуального принуждения предполагаемому наказанию как одно из требований, которое необходимо соблюдать при применении мер пресечения. Оно выступает в качестве пределов возможного принуждения. Автор приходит к выводу, что данное условие предполагает «из какого изначального максимума может исходить правоприменитель при выборе мер пресечения».

В систему мер пресечения входят: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу (ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Законодатель дает возможность правоприменителю выбрать ту меру уголовно-процессуального воздействия, которая будет обеспечивать производство по уголовному делу и (или) исполнение приговора (чч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ). Несмотря на большое разнообразие обеспечительных мер, в настоящий момент основными мерами пресечения, применяемыми органами предварительного расследования, остаются подписка о невыезде и заключение под стражу.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2021 г. судами удовлетворено 87 905 ходатайств о заключении под стражу; 6 828 – о домашнем аресте; 25 – о залоге; 2 565 – о запрете определенных действий, а в 2022 г. удовлетворено 87 687, 7 407, 71 и 3 085 соответствующих ходатайств [1]. Таким образом, более 90 % решений суда об избрании мер пресечения касаются именно заключения под стражу. Распределение мер пресечения, избираемых по судебному решению, явно непропорционально.

Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым на заседании Совета судей РФ 24.05.2022 было подчеркнуто, что суды не в полной мере реализуют возможность применения мер пресечения, которые не связаны с заключением под стражу. При этом статистические данные показывают, что при рассмотрении уголовных дел в отношении 24,7 тыс. лиц, обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести и содержащихся под стражей, из них 5,2 тыс. обвиняемых имели постоянное место жительства и не имели судимостей. Из 5,2 тыс. обвиняемых только половине были назначены наказания, не связанные с лишением свободы. В.М. Лебедев за-

дается вопросом: «Почему лица, которые имеют постоянное место жительство, не имеющие судимости содержались под стражей, учитывая, что нередко им впоследствии назначались наказания, не связанные с лишением свободы?»[2].

Можно ли говорить о том, что получили широкое развитие «альтернативные содержанию под стражей меры пресечения»? Несмотря на появление новых мер воздействия, остаются главные, основные меры пресечения и иные, менее распространенные, а значит, по мнению правоприменителей, не оптимальные. Вместе с тем важно понять, спрогнозировать, возможно ли изменение структуры мер пресечения. Следует подумать, что нужно сделать для того, чтобы удельный вес мер пресечения, связанных с заключением под стражу, уменьшился, уяснить имеющиеся резервы.

Несомненно, для реализации любой меры пресечения необходимо соблюдение ряда условий. Это наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), и сведений о причастности подозреваемого, обвиняемого к его совершению. Важным требованием является наличие основания для её избрания – только сведения (доказательства) о состоявшемся или возможном ненадлежащем поведении преследуемого лица (чч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ) могут служить необходимым условием законности и обоснованности решения о мере процессуального воздействия. Для того чтобы меры пресечения были применены законно, обоснованно, мотивированно, а также справедливо, также важным условием их применения представляется наличие компетентного субъекта.

Однако при наличии указанных условий возникают вопросы: какая из восьми мер пресечения является наиболее эффективной? если имеются цели применения мер пресечения и есть возможность ограничения преследуемых лиц, то какие ограничительные средства будут соответствовать поставленным целям? Для определения этого и важно учесть требование к мерам пресечения – соразмерность процессуального принуждения грозящему наказанию. Его неукоснительный учет позволит принять не только законное, обоснованное, мотивированное, но и максимально справедливое решение.

На необходимость соразмерности процессуального принуждения предполагаемому наказанию традиционно обращается внимание в доктринальных источниках. На важность соблюдения этого условия настаивал И.М. Гуткин. Ученый считал, что применяемые меры пресечения не должны быть строже, чем санкция статьи, по которой привлекается лицо [3, с. 7].

Более того, ученые-процессуалисты в своих исследованиях предлагают соотносить применение мер пресечения с санкциями уголовно-

правовых норм [4, с. 18; 5, с. 18]. Так, О.И. Цоколова предлагала[1] в зависимости от степени тяжести совершенного преступления применять определенную меру уголовно-процессуального воздействия, например, по преступлениям «небольшой тяжести избирать подписку о невыезде и личное поручительство…» [6, с. 16].

Соразмерность процессуального принуждения означает «из какого изначального максимума может исходить правоприменитель при выборе принудительного воздействия».

Для реализации требования «соразмерности» в УПК РФ устанавливается ряд материально-правовых условий применения отдельных принудительных мер.

Так, в ч. 1 ст. 108 УПК РФ введен запрет на применение заключения под стражу, если юридическая оценка содеянного не предполагает наказание в виде лишения свободы. Также данная мера пресечения не может быть применена, если наказание в виде лишения свободы не превышает трех лет (в исключительных случаях, при отсутствии места жительства, неустановлении личности подозреваемого, обвиняемого, нарушении ранее избранной обеспечительной меры лицом и сокрытия его от органов предварительного расследования и суда, возможно избрать заключение под стражу к такой категории уголовных дел).

Правило о соразмерности отчетливо проявляется при избрании мер пресечения, которые связаны с лишением свободы, к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Это объясняется тем, что законодатель предпринимает усилия к тому, чтобы оградить лиц данной категории от неблагоприятных последствий применения мер воздействия.

Условие соразмерности принуждения реализуется в отношении особой категории лиц – предпринимателей. Обращаем внимание на то, что Федеральным законом от 13.06.2023 № 217 в УПК РФ были внесены новые изменения, разрешающие применять заключение под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого предпринимателя или члена органа управления коммерческой организацией в совершении преступлений, предусмотренных определенными статьями УК РФ. Обязательным требованием применения этой обеспечительной меры к указанным субъектам является отсутствие места жительства, нарушение раннее избранной меры пресечения, сокрытие от органов предварительного расследования или суда.

При применении мер пресечения необходимо учитывать правила назначения наказания при смягчающих и отягчающих обстоятельствах. Проведенный опрос практических сотрудников показал, что около 85,4 % из них считают, что при применении мер пресечения нужно придавать значение обстоятельствам, характеризующим личность подозреваемого, обви-

[1] Позиция высказана до появления в УПК РФ меры пресечения в виде запрета определенных действий.

няемого, которые могут в дальнейшем смягчить его наказание, а 68,9 % респондентов отмечают, что также важно учитывать и обстоятельства, которые могут в дальнейшем отягчить наказание[1].

Соразмерность процессуального принуждения предполагаемому наказанию также прослеживается и в отношении других мер пресечений, избираемых по судебному решению – запрета определенных действий, залога и домашнего ареста.

Стоить подчеркнуть, что домашний арест по отношению к заключению под стражу является более мягкой мерой пресечения. Основным аргументом данного вывода выступает возможность нахождения подозреваемого, обвиняемого в жилом помещении без изоляции от совместно проживающих с ним лиц. Такая мера может применяться к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений небольшой тяжести, к которым заключение под стражу обычно неприменимо.

Однако избрание домашнего ареста допустимо лишь при условии обеспечения в конкретном деле соразмерности указанной обеспечительной меры целям ее применения, а значит, по общему правилу должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы, что подтверждается постановлением Конституционного Суда РФ № 12-П [7].

Соразмерность необходимо учитывать и при применении запрета определенных действий. Один из таких запретов – выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения. Законодатель расценивает его как физическое принуждение, которое применяется на установленный судом срок в его законодательных пределах, и этот срок засчитывается в срок содержания под стражей (лишения свободы) из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей. Остальные запреты, указанные в ст. 1051 УПК, в том числе запрет управлять автомобилем (п. 6 ч. 6 ст. 1051 УПК), расцениваются законодателем как психическое принуждение и самостоятельных сроков не имеют. Соответственно, в срок наказания такие запреты засчитать невозможно.

Долгое время в уголовно-процессуальном законе сроки залога не регламентировались. Данная мера пресечения не избиралась на конкретный срок, установление длительности залога связывалось с окончанием производства по делу, предельные сроки не предусматривались. Однако в ч. 2 ст. 106 УПК РФ внесены изменения [8], в результате которых установлен

---

[1] При подготовке статьи проведено анкетирование 418 респондентов – следователей, дознавателей территориальных органов внутренних дел Белгородской, Брянской, Иркутской, Калужской, Новгородской, Омской, Орловской, Псковской, Смоленской, Тамбовской областей, Красноярского края и республики Крым, работников прокуратуры Воронежской, Орловской и Смоленской областей, судей Красноярского края, Омской и Орловской областей, а также адвокатов Курганской, Омской и Свердловской областей.

срок применения залога до двух месяцев, он может быть продлен по решению суда в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ.

К.Б. Калиновский утверждает, что в силу соразмерности размер залога не должен превышать размер грозящего обвиняемому штрафа [9, с. 24]. Однако необходимо подчеркнуть, что денежное обеспечение может быть внесено лицом, не являющимся подозреваемым и обвиняемым. И если обязательства, связанные с внесенным залогом, не нарушены, то суд решает вопрос о его возвращении залогодателю (чч. 9, 10 ст. 106 УПК РФ), взыскание денег (иного предмета залога) в целях обеспечения штрафа не предусмотрено. Для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа, равно как и возможной конфискации имущества, должен применяться не залог, а мера принуждения, предусмотренная ст. 115 УПК РФ.

Полагаем, что при избрании залога вывести формулу зачета залоговых сумм к лишению свободы сложно. Однако размер обеспечения должен определяться судом с учетом характера совершенного преступления, имущественного вреда, причиненного совершенным преступлением, данных о личности подозреваемого или обвиняемого и имущественного положения залогодателя.

В юридической литературе имеется предложение о целесообразности установления разумных сроков и закрепления предельных сроков применительно ко всем обеспечительным мерам [10, с. 372]. Поддерживая позиции ученых, полагаем, что для соблюдения соразмерности в идеале необходимо закрепить предельные сроки применительно ко всем обеспечительным мерам. По нашему мнению, соразмерность принуждения предполагаемому наказанию должна проявляться при применении любой обеспечительной меры. Это позволит применить эффективную меру пресечения среди тех, что предусмотрены ст. 98 УПК РФ.

Соразмерность принуждения в ходе производства по делу предполагаемому наказанию предусматривает не только пропорциональность характера ограничений, но также и сроков оказания мер уголовно-процессуального воздействия в ходе уголовного судопроизводства. Так, от категории преступления зависит длительность содержания под стражей.

Таким образом, соразмерность принуждения предполагаемому наказанию, как условие применения меры пресечения, заключается в том, что до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его. При применении любой обеспечительной меры необходимо соблюдать не только пропорциональность характера ограничений, но также и сроков оказания мер уголовно-процессуального воздействия в ходе уголовного судопроизводства. Благодаря данному требованию правоприменители смогут принимать решения об избрании меры пресечения наиболее законно, обоснованно, мотивированно и

справедливо при учете всех обстоятельств уголовного дела и соразмерно предполагаемой санкции. В целом алгоритм выбора меры уголовно-процессуального воздействия может быть следующим:

1. Уяснение законности и обоснованности применения мер пресечения: установление четкой квалификации преступления, о котором возбуждено дело, сведений (доказательств) о причастности подозреваемого, обвиняемого к совершению деяния и о возможном или состоявшемся ненадлежащем его поведении (основания для избрания меры пресечения) (ст. 97 УПК РФ).

2. Определение круга мер пресечения, которые могут быть применены к преследуемому лицу с учетом грозящего ему (гипотетически) наказания исходя из квалификации деяния и других обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, ст. 61 и 63 УК РФ.

3. Выбор меры пресечения с наименьшим ограничением конституционных прав и свобод личности, но при этом позволяющей достичь цели обеспечения адекватного поведения подозреваемого, обвиняемого при производстве по уголовному делу.

---

1. Статистика Судебного Департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 11.06.2023).

2. Выступление В.М. Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ 24.05.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/files/31149 (дата обращения: 13.06.2023).

3. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963. 43 с.

4. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. 188 с.

5. Шадрина Е.Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (проблемы рассогласования и согласования): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2003. 21 с.

6. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.

7. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 22.03.2018 № 12-П // Рос. газ. № 70.

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 07.10.2022 № 383-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Калиновский К.Б. Меры пресечения в уголовном процессе. Три вопроса из практики КС РФ, которые нужно учесть в работе // Уголовный процесс. 2021. № 11. С. 22–28.

10. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2018. 505 с.

Сведения об авторе

Замуруева Елизавета Юрьевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: требование соразмерности, применение мер пресечения, санкция уголовно-правовых норм.

Калачева А.В.

К ВОПРОСУ О ДОКТРИНАЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ КАТЕГОРИИ «ОРГАН ДОЗНАНИЯ»

Статья посвящена исследованию проблем, присущих организационно-управленческому подходу к пониманию органа дознания как субъекта уголовно-процессуальных отношений. Отмечается, что под органами дознания надлежит понимать входящие в состав полифункциональных органов (учреждений) исполнительной власти структурные подразделения, обладающие потенциальной уголовно-процессуальной правосубъектностью, то есть располагающие штатом сотрудников, пригодных к участию в уголовном судопроизводстве в качестве дознавателей.

Пункт 24 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] предписывает понимать под органами дознания «государственные органы и должностных лиц, уполномоченных в соответствии с настоящим Кодексом осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия». Из этой нормативной дефиниции достаточно четко улавливается законодательный посыл: органами дознания на сегодняшний день надлежит признать коллективных субъектов публичных уголовно-процессуальных правоотношений, уполномоченных проводить ординарные[1] и сокращенные дознания, проверять и разрешать сообщения

[1] Под ординарным дознанием в настоящей статье понимается дознание, проводимое в общем порядке, установленном гл. 32 УПК РФ.

о преступлении, производить неотложные следственные действия и выполнять отдельные поручения следователей (дознавателей).

Однако, будучи, на первый взгляд, вполне очевидным и логичным, при более глубоком осмыслении подобное понимание органов дознания начинает казаться достаточно расплывчатым, выражающим самый общий смысл – оно неизбежно упирается в никак неурегулированный законодателем вопрос о соотношении используемой в уголовно-процессуальном праве категории «орган дознания» с более широкой по содержанию категорией «орган исполнительной власти». В этой связи необходимо констатировать принадлежность органов дознания (за исключением субъектов, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ и допускаемых к осуществлению уголовно-процессуальных полномочий ввиду особых и редко встречаемых обстоятельств) к системе федеральных органов исполнительной власти (ФОИВов). В соответствии с Указом Президента РФ [2] к ним относятся МВД России, ФСБ России, Минобороны России, ФСИН России и все остальные ведомства, определенные законодателем как органы дознания.

В публикациях по административному праву встречается достаточно много признаков и дефиниций органов исполнительной власти, отличающихся друг от друга разными оттенками [3, с. 132–133; 4, с. 96; 5, с. 67 и др.]. Однако практически все ученые-административисты сходятся в одном – утверждают о полифункциональном содержании исполнительно-распорядительной деятельности любого подобного органа, то есть сводящемуся не к одному, а к целому ряду близких по характеру, но все же разных направлений государственного управления, требующих использования далеко не однородных полномочий и предполагающих различную специализацию соответствующих должностных лиц.

Поэтому участие в уголовном судопроизводстве в качестве органа дознания – далеко не первостепенное, тем более не единственное предназначение предусмотренных ч. 1 ст. 40 УПК РФ ФОИВов, их территориальных и специализированных подразделений. Каждому из них предписывается выполнение множества других возникающих в различных сферах жизнедеятельности общества и государства задач посредством использования иных, в первую очередь административно-правовых, форм и методов управленческой деятельности. На данную особенность подобных органов уже неоднократно обращалось внимание в публикациях ученых-процессуалистов [6, с. 456; 7, с. 22; 8, с. 6].

В этой связи вытекающий из УПК РФ и поддержанный во многих доктринальных источниках подход к пониманию органов дознания приводит к правовой неопределённости, побуждает к вариативности толкования целого ряда положений уголовно-процессуального закона и, как следствие, вызывает затруднения в правоприменительной практике. О существовании указанной неопределённости наглядно свидетельствуют результаты проведенного интервьюирования практических работников: одни из респонден-

тов указывали, что органами дознания надлежит признавать органы исполнительной власти в целом, то есть территориальные, специализированные либо иные полифункциональные подразделения МВД России и прочих ФОИВов; другие – что органами дознания являются лишь структурные подразделения указанных органов исполнительной власти, наделённые всеми либо некоторыми полномочиями, предусмотренными ч. 2 ст. 40 УПК РФ; третьи – что органами дознания могут быть только специализированные подразделения дознания (например, отделы или отделения дознания территориальных либо линейных органов внутренних дел и т.п.), а четвертые вообще затруднились ответить на поставленный вопрос.

Для преодоления указанной неопределённости некоторые специалисты пытаются более четко истолковать положения уголовно-процессуального законодательства, устанавливающие систему органов дознания РФ. При этом наибольшее распространение получила научная позиция, предполагающая включение в данную систему не территориальных, специализированных либо иных полифункциональных подразделений ФОИВов как таковых, а только входящих в их состав структурных управлений, отделов, отделений и так далее, располагающих штатом сотрудников, непосредственно осуществляющих, по крайней мере наделенных правом осуществления полномочий органа дознания [9, с. 9; 7, с. 4; 10, с. 37].

Правда, ввиду образования в структурах правоохранительных органов, специализированных подразделений дознания некоторые современные авторы заняли более узкую позицию – стали понимать под органами дознания лишь указанные подразделения, в первую очередь структурные отделы и отделения дознания районных, линейных и прочих приравненных органов внутренних дел [11, с. 70]. Но подобное узкое понимание представляется не вполне разумным, поскольку, во-первых, не вполне соответствует положениям УПК РФ, а во-вторых, прямо противоречит исконной полицейской природе органов дознания, предполагающей экстренное реагирование на «сигнал» о преступлении и принятие безотлагательных мер превентивного характера [12, с. 65; 13, с. 64–67]. Ведь несмотря на превращение органов дознания в обладающих юрисдикционной правосубъектностью полноценных участников досудебного производства по уголовному делу, им во-многом еще остаются присущи полномочия сугубо полицейского характера, которые в ряде случаев просто не могут быть реализованы никем иным, кроме как субъектами оперативно-разыскной, административной либо иной непроцессуальной деятельности – именно на такие ситуации во-многом и была рассчитана ст. 157 УПК РФ. Поэтому даже в условиях применения в органах внутренних дел указанного выше организационного подхода, предполагающего преимущественное возложение процессуальных полномочий лишь на специализированные подразделения дознания, в современной правоприменительной практике можно встретить достаточно много случаев, связанных с производством процес-

суальных действий должностными лицами, не работающими в таких подразделениях.

В этой связи наиболее рациональным видится вышеуказанный доктринальный подход, предполагающий включение в систему органов дознания только входящих в состав ФОИВов структурных управлений, отделов, отделений и т.д., располагающих штатом сотрудников, непосредственно осуществляющих, по крайней мере наделенных правом осуществления полномочий органа дознания. Разумность подобного подхода обуславливается как его соответствием потребностям правоприменительной практики, явно выходящим за объем реальных возможностей специализированных подразделений дознания, так и стремлением ограничить предмет деятельности органов дознания сугубо сферой уголовно-процессуального регулирования.

Представляется, что совокупность существующих в настоящее время органов дознания, с одной стороны, нельзя ограничивать лишь специализированными подразделениями дознания, а с другой – полностью отождествлять со всей системой органов исполнительной власти, предусмотренных ч. 1 ст. 40 УПК РФ.

Таким образом, под органами дознания надлежит понимать входящие в состав территориальных, специализированных либо иных полифункциональных органов (учреждений) исполнительной власти структурные подразделения, обладающие потенциальной уголовно-процессуальной правосубъектностью, то есть располагающие штатом должностных лиц, пригодных к участию в уголовном судопроизводстве в качестве дознавателя, в том числе к осуществлению ординарных и сокращенных дознаний, к рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях, к производству неотложных следственных действий и выполнению поручений следователя либо другого дознавателя.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 04.08.2023 // Рос. газ. 2001. 22 дек.

2. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Рос. Федерации от 21.01.2020 № 21: в ред. от 08.08.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4, ст. 346.

3. Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.Я. Кикотя, П.И. Кононова, И.Ш. Килясханова. 5-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 759 с.

4. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. М.: Зерцало-М, 2003. 608 с.

5. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 769 с.

6. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.

7. Есина А.С. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России: дис. … канд. юрид. наук. М.: Московская академия МВД России, 2001. 212 с.

8. Муравьев К.В., Писарев А.В., Смирнова И.С. Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания: учебно-практ. пособие. Омск, 2007. 100 с.

9. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие / под ред. А.А. Чувилева. М.: Изд-во Московской высшей школы милиции, 1986. 148 с.

10. Арестова Е.Н. К вопросу о понятии «орган дознания» // Российский следователь. 2009. № 3. С. 4–8.

11. Шпагина Ю.В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2020. 275 с.

12. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр, 2015. 176 с.

13. Россинский С.Б. Орган дознания: «команда» или должностное лицо? (научно-практический комментарий к пункту 24 статьи 5 и статье 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 64–67.

Сведения об авторе

Калачева Алина Владимировна. Адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: дознание, орган внутренних дел, орган дознания, орган исполнительной власти, производство неотложных следственных действий.

Калюжный А.Н.

МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ, НЕКОММЕРЧЕСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА

В статье подчеркивается роль межправительственных и негосударственных, некоммерческих международных организаций в вопросах противодействия работорговле и производных от нее преступлений; анализируется потенциал использования возможностей указанных организаций в процессе раскрытия и расследования преступлений; аргументируются направления взаимодействия субъектов расследования с рассматриваемыми организациями.

Преступления, связанные с торговлей людьми и использованием рабского труда, являются одними из наиболее латентных и организованных, а применяемые международным сообществом меры противодействия им так и не смогли искоренить данные негативные явления. Несмотря на принятие значительного количества международных правовых актов, деятельность органов международной уголовной юстиции, учреждение межправительственных организаций, ежегодно более 700 тыс. человек подвергаются работорговле, принудительному (рабскому) труду, причем более 70 % из них привлекаются к занятию проституцией или предоставлению иных сексуальных услуг [1, с. 46–47].

Очевидно, что организация раскрытия и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда, а также похищением или вербовкой жертв в одних государствах, их транспортировкой через другие, а эксплуатацией в третьих, в силу их организованного, транснационального характера предполагает налаживание стабильного сотрудничества как с международными правоохранительными органами, так и с межправительственными, и неправительственными организациями.

Современная позиция России на мировой арене свидетельствует о наличии множества искусственно созданных субъективных факторов, препятствующих эффективному взаимодействию правоохранительных органов нашей страны с органами международной уголовной юстиции, прежде всего, с Интерполом, Европолом, Евроюстом, Олафом и т.д. Данные обстоятельства требуют пересмотра подходов к организации сотрудничества, развитию новых форм взаимодействия, совершенствованию имеющихся, обязывая обратить внимание субъектов расследования на международные межправительственные организации, а также негосударственные неправи-

тельственные организации, непосредственно связанные с противодействием торговле людьми, эксплуатации их рабского труда, а также занимающихся проблемами социальной реабилитацией жертв рассматриваемых преступлений.

Перспективность развития данного направления сотрудничества обусловлена и тем, что жертвы работорговли и принудительной эксплуатации, сталкиваясь с проблемами похищения, реже утраты документов, удостоверяющих личность, опасаются обращения в правоохранительные органы зарубежного государства или же, получив отказ в ней, нередко прибегают к помощи общественных организаций.

Одним из субъектов взаимодействия, требующего пристального внимания в процессе раскрытия и расследования работорговли и использования рабского труда, является Международная организация по миграции (МОМ), представительства которой находятся в 174 странах мира. Целями ее деятельности выступают не только проблемы незаконной миграции, но и вопросы противодействия торговле людьми как составляющей незаконной миграции и профилактики такого вида преступности.

Направления деятельности МОМ связаны с оказанием психологической реабилитации жертв работорговли, проведением медицинского обследования потерпевших, предоставлением помощи в восстановлении документов, приобретении проездных билетов и т.п. Представители этой организации взаимодействуют с правоохранительными органами иностранных государств по вопросам противодействия торговле людьми и использования рабского труда, реализуют профилактические меры в указанной сфере [2, с. 11].

Широкий потенциал МОМ и ее тесные связи с международными правоохранительными органами уголовной юстиции, а также ослабленные контакты субъектов расследования с международными правоприменителями предопределяют необходимость развития иных направлений взаимодействия, в числе которых применение возможностей МОМ в интересах раскрытия и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда.

Существенную роль в получении криминалистически значимой информации о работорговле и эксплуатации рабского труда играет Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по делам беженцев, потенциал которого используется субъектами расследования незначительно. Деятельность анализируемой международной организации основана на формировании биометрических данных беженцев, включающих получение отпечатков пальцев рук, сканирование радужной оболочки глаз [3, с. 125–127], результаты которых могут быть неоценимы в идентификации личности жертвы работорговли и установлении ее местонахождения, обязывая следственные и оперативные подразделения России налаживать плодотворное сотрудничество.

Старейшей в мире международной правозащитной организацией, осуществляющей борьбу с рабством и его различными формами, выступает Международная организация по борьбе с рабством. Свою деятельность она основывает на совокупности международных правовых актов, принятых ООН и иными международными сообществами. Она представляет собой неполитическую независимую организацию, сотрудничающую с другими международными объединениями в целях противодействия работорговле и эксплуатации людей по всему миру. Международная организация по борьбе с рабством проводит исследования по оценке масштабов рабства, вырабатывает меры по его ликвидации, оказывает поддержку иным субъектам профилактики и борьбы с работорговлей, разрабатывает правовые основы противодействия данным негативным явлениям. Несмотря на заявленные цели, основная деятельность по борьбе с рабством и эксплуатацией чужого труда осуществлялась организацией в Западной Африке и Южной Азии.

Одной из международных правозащитных общественных организаций, специализирующейся на оказании помощи жертвам торговли людьми или сексуальной эксплуатации потерпевших, является «SOLWODI» [4]. Исследуемая организация выступает как независимая и неправительственная, а ее финансовую поддержку оказывают частные и государственные спонсорские компании, фонды. Кроме противодействия рабству и работорговле, «SOLWODI» уделяет внимание проблемам борьбы с принуждением женщин и детей к занятию проституцией, вопросам семейного насилия, в том числе и оказание помощи девушкам, принуждаемым к насильственному вступлению в брак. Представительства исследуемой организации имеются более чем в ста странах мира и наиболее широко представлены в станах Африки и Западной Европы [5, с. 35].

«SOLWODI» оказывает психологическую и медицинскую помощь жертвам работорговли и использования рабского труда, проводит консультации по правовым вопросам международного законодательства. Интересной особенностью деятельности данной организации является проведение научно-практических конференций и форумов, на которые привлекаются судьи и следователи, специализирующиеся на расследовании и рассмотрении торговли людьми и производных от них преступлений, позволяя обмениваться информацией и вырабатывать единые направления противодействия анализируемым противоправным посягательствам.

Только в Германии имеется 19 консультативных центров «SOLWODI», оказывающих различные виды помощи жертвам работорговли и сексуальной эксплуатации, в числе которых и размещение потерпевших в специализированных приютах, где им предоставляется жилье, медикаменты, продовольствие и иная поддержка [6, с. 148–149]. Очевидно, что «SOLWODI» может обладать криминалистически значимой информацией о потерпевших от посягательств, связанных с торговлей людьми и

использованием рабского труда, располагать данными об их местонахождении, иметь сведения о лицах, причастных к совершению указанных преступлений, а также осуществлять деятельность по противодействую исследуемым посягательствам, сотрудничая с органами международной юстиции. Потенциальные возможности «SOLWODI» подчеркивают необходимость субъектов расследования налаживать взаимодействие в целях раскрытия и расследования анализируемых преступлений.

Заметную роль в борьбе с вербовкой и последующей торговлей людьми, их сексуальной и трудовой эксплуатацией в странах Центральной и Восточной Европы осуществляет международная неправительственная организация «La Strada International». Основная цель деятельности исследуемой организации заключается не только в противодействии рассматриваемым преступным посягательствам, но и в защите прав жертв работорговли, оказании им адекватной помощи и поддержки, создании сети приютов для женщин и детей, пострадавших от работорговли, трудовой или сексуальной эксплуатации. Имея представительства в 24 европейских странах, организация оказывает медицинскую, социальную, юридическую и психологическую поддержку, осуществляет реинтеграцию потерпевших, помощь в их трудоустройстве и возвращении домой. Значительное внимание «La Strada International» уделяет анализу и мониторингу европейского законодательства в сфере противодействия торговле людьми, а также сотрудничеству с правоохранительными и судебными органами в данной сфере. По данным организации, только в 2021 г. в «La Strada International» обратились за помощью более 4 000 человек, подвергнувшихся работорговле и различным формам использования рабского труда, прежде всего, сексуальной эксплуатации [7].

Интересен опыт противодействия работорговле и использованию рабского труда других объединений, составляющих сеть международных некоммерческих организаций, специализирующихся на противодействии торговле людьми. Так, например, «Isha L′Isha» осуществляет свою деятельность в странах Ближнего Востока, Африки, а также в ряде стан Западной Европы. Рассматриваемая некоммерческая организация тесным образом сотрудничает с «Международным женским союзом за мир и свободу – (Международная женская лига за мир и свободу)», имеющим свои представительства в 37 странах мира. Одним из направлений деятельности указанных организаций выступает противодействие работорговле и связанным с ней преступлениям, в первую очередь – принуждениям к занятию проституцией, похищениям женщин и принудительным бракосочетаниям, различным формам эксплуатации рабского труда. Сотрудничество таких организаций с представителями зарубежных правоохранительных органов позволяло установить местонахождение похищенных и проданных женщин, детей, освободить их из сексуальной эксплуатации, привлечь виновных к ответственности [8, с. 149].

В современном мировом сообществе имеются и ряд других неправительственных и некоммерческих организаций, целями деятельности которых является борьба с торговлей людьми, искоренение трудовой и сексуальной эксплуатации детей и женщин, среди которых: «Stop the Traffik», «Vital Voices», «Ride for Refuge», «Ratanak Internetional», «Voices of the Free» и иные.

Проведенный нами анализ направлений сотрудничества с негосударственными международными организациями позволяет выделить следующие составляющие криминалистически значимой информации, которые возможно получить в интересах раскрытия и расследования торговли людьми и использования рабского труда: установить возможных свидетелей отдельных эпизодов преступной деятельности; выявить ранее неизвестные обстоятельства совершения данных преступлений; обнаружить потребителей сексуальных или трудовых услуг; выяснить местоположение жертв; определить комплекс следственных и оперативно-разыскных мероприятий, планируемых к проведению; установить лиц, причастных к совершению работорговли и эксплуатации рабского труда; использовать возможности указанных организаций в интересах уголовного судопроизводства.

Проанализированные нами направления сотрудничества субъектов расследования с представителями негосударственных организаций не исчерпывают всех предполагаемых форм взаимодействия, ориентируя на применение их потенциала в ходе расследования преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда.

---

1. Алисиевич Е.С. Совет Европы на страже прав жертв торговли людьми: правовые стандарты и факторы риска // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 46–65.

2. Козлов А.Е., Шайхетдинов Р.Ф. Борьба с торговлей людьми: российский и международный аспекты // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2014. № 1. С. 8–12.

3. Gerhard Hoffstaedter. Trump and the Refugees: Views from «Down Under» // Anthropology Now. 2017. Т. 9. P. 125–127.

4. Официальный сайт Международной организации «SOLWODI» [Электронный ресурс]. URL: http://www.solwodi.de (дата обращения: 10.03.2023).

5. Дворкин А.И., Торбин Ю.Г. и др. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование. М.: Юрист, 2007. 144 с.

6. Калюжный А.Н., Шурухнов Н.Г. Особенности расследования преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда. М.: Юрлитинформ, 2021. 200 с.

7. Официальный сайт Международной организации «Ла Страда Интернешинал» [Электронный ресурс]. URL: http://lastradainternational.org/doc-center.html (дата обращения: 13.03.2023).

8. Швединская Г.И., Иващенко Н.П. Торговля людьми: основные особенности уголовно-правовой регламентации в национальном и международном аспектах // Право и практика. 2019. № 4. С. 145–151.

Сведения об авторе

Калюжный Александр Николаевич. Доктор юридических наук, доцент.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.

302034, Российская Федерация, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

Ключевые слова: взаимодействие, расследование, международные организации, торговля людьми, рабский труд, противодействие.

Качалов Е.В.

ВИДЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются основные виды ограничения прав участников уголовного судопроизводства. Автор анализирует некоторые проблемы, связанные с ограничением прав участников производства по уголовным делам, обозначает пути их решения.

Обеспечение прав и свобод человека по смыслу ст. 2 Конституции Российской Федерации является основной обязанностью государства. Именно они определяют содержание права, смысл и суть законов и иных нормативных правовых актов. Однако в ряде случаев беспрепятственное осуществление своих прав и свобод одними лицами может создать конфликт с правами других участников правоотношений – отдельных лиц, организаций, вступить в противоречие с интересами отдельной личности, общества, государства.

Особенно острым конфликт между правами индивидов, различных групп, общества и государства может быть при разрешении уголовно-правовых конфликтов, порожденных совершением общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, поскольку именно такие деяния в наибольшей степени нарушают права и законные интересы потерпевших, а также интересы социума. В связи с этим возникает вопрос о необходимости в процессе разрешения уголовно-правовых конфликтов ограничивать

права лиц, которые подвергаются уголовному преследованию, с тем, чтобы собрать необходимые доказательства их виновности; обеспечить необходимый режим производства по уголовному делу, не допустить того, чтобы подозреваемый и обвиняемый скрылись от следствия и суда, препятствовали расследованию, продолжили преступную деятельность; обеспечить в дальнейшем возможное возмещение вреда, причиненного преступлением, и конфискацию имущества. Такое ограничение прав является вынужденной мерой, применяемой в отношении лиц, которые в силу презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора суда являются невиновными в совершении преступления. Ограничение прав не имеет карательной направленности, осуществляется исключительно в обеспечительных целях, применяется практически в каждом уголовном деле, поскольку применение мер уголовно-процессуального принуждения так или иначе ограничивает важнейшие права и свободы участников процесса – право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободное передвижение, тайну переписки, телефонных и иных переговоров и т.д.

К числу основных видов ограничения прав участников производства по уголовным делам следует отнести:

1. Ограничение конституционных прав участников процесса при применении мер уголовно-процессуального принуждения (задержания, применения мер пресечения, иных мер принуждения), при производстве ряда следственных действий (обыск, выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами, наложение ареста на корреспонденцию в учреждениях связи), при принудительном взятии образцов для сравнительного исследования и проведения экспертизы.

2. Ограничение права на участие в процессе (удаление из зала суда, заочное судебное заседание, ограничение участия в процессе лиц, страдающих психическими недостатками, и несовершеннолетних).

3. Ограничение права на ознакомление с материалами уголовного дела.

Рассмотрим их более подробно. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, удаление подсудимого из зала судебного заседания при нарушении им порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава предполагает такое его устранение из процесса, продолжительность которого должна быть адекватной (соразмерной) содеянному и определяемой в том числе с учетом кратности (систематичности) допущенных нарушений порядка. Принимая решение об удалении подсудимого, суд обязан указать фактические обстоятельства допущенных подсудимым нарушений порядка в ходе судебного заседания, неподчинения распоряжениям председательствующего и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости удаления [1]. Удаление обвиняемого из зала судебного заседания является исключительной мерой, которая может быть применена только тогда, когда

предупреждения председательствующего оказались безрезультатными и дальнейшее присутствие обвиняемого создает препятствие продолжению разбирательства дела.

Так, Калининградский областной суд отменил решение Светлогорского районного суда, который, рассматривая вопрос о продлении срока содержания под стражей, удалил обвиняемого Б. из зала судебного заседания. Уже после удаления Б. из зала судебного заседания суд указал, что им были допущены нарушения порядка в судебном заседании, однако в чем конкретно это выразилось, на какой срок произошло удаление, судом указано не было. Как следует из протокола судебного заседания, поведение обвиняемого после предупреждения председательствующего о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании нельзя признать грубым нарушением порядка, поскольку его позиция по необходимости удовлетворения его ходатайства об отложении судебного заседания в связи с необходимостью представления им доказательства наличия места жительства не сводилась к срыву судебного заседания, а следовательно, его поведение не могло служить достаточным основанием удаления на весь период рассмотрения ходатайства следователя. По указанному ходатайству обвиняемого судом так и не было принято решение в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). При таких обстоятельствах Калининградский областной суд признал, что обвиняемый Б. был фактически лишен возможности защищаться, выступить в заключении с репликой, что повлекло нарушение его права на защиту [2].

Право участвовать в судебных заседаниях может быть ограничено ввиду невозможности обеспечить участие лица в процессуальных действиях (в связи с состоянием здоровья, ввиду объявленного карантина, при нахождении в медицинском учреждении на стационарной экспертизе или этапировании). Следует отметить, что в тех случаях, когда лицо скрылось от следствия и суда и судебное заседание проходит в его отсутствие, ограничения прав данного лица нет ввиду того, что лицо само отказалось от участия в нем [3, с. 56].

Так, районный суд продлил срок содержания под стражей обвиняемого без его участия. В решении суда отсутствовали сведения о наличии обстоятельств, исключающих возможность доставления обвиняемого в суд. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к выводу о неправомерном ограничении права обвиняемого и отменил решение нижестоящего суда [4].

Ограничение участия в процессе лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, обусловлено состоянием их здоровья, когда такие лица по состоянию здоровья не могут реализовывать свои процессуальные права самостоятельно. В этом случае ограничения компенсируются обязательным участи-

ем законного представителя и защитника. Необоснованное ограничение права лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, участвовать в производстве процессуальных действий нарушает права указанного лица.

Так, суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отменил решение Нефтеюганского районного суда о помещении подозреваемого И. в психиатрический стационар. В нарушение требований закона суд рассмотрел ходатайство следователя без извещения и в отсутствие законного представителя подозреваемого И., а также без участия самого И., что нарушило его права [5].

Удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие (факты аморального или антисоциального поведения родителей несовершеннолетнего; эпизоды преступления, связанные с развратными действиями, жестокостью, особым цинизмом; обстоятельства, указывающие на каналы приобретения наркотических средств, порнографической продукции, а также допрос взрослых подсудимых и иных лиц, если есть основания опасаться, что они при этом могут оказать на несовершеннолетнего отрицательное внушающее воздействие) (ст. 429 УПК РФ). В этом случае преследуется особая цель – обеспечение интересов несовершеннолетнего подсудимого и ограждение его от негативного воздействия. Е.В. Марковичева совершенно верно пишет о цели такого ограничения – снижении психотравмирующего воздействия уголовного судопроизводства на личность несовершеннолетнего подсудимого [6, с. 33]. Гарантиями защиты интересов несовершеннолетнего подсудимого в этом случае будет участие его законного представителя и защитника.

Ограничение права на ознакомление с материалами уголовного дела осуществляется при установлении факта затягивания процесса ознакомления с материалами дела обвиняемого и его защитника. Согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ, если обвиняемый и его защитник явно затягивают время ознакомления с материалами уголовного дела, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке ст. 125 УПК РФ, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела. Принимая такое решение, суд должен убедиться в том, что имеет место факт злоупотребления правом на ознакомление с материалами дела.

Так, Пятигорский городской суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя об установлении обвиняемому срока ознакомления с материалами уголовного дела. Следователь полагал, что обвиняемый явно затягивает время ознакомления с материалами уголовного дела, ознакомившись только с 44 томами уголовного дела из 53 томов, что подтверждается графиком ознакомления. Ему необходимо ознакомиться еще со 100 томами сшивов письменных документов, являющихся вещественными доказательствами. Однако суд пришел к выводу об отсутствии доказа-

тельств явного затягивания обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела. Обвиняемому для ознакомления предоставлялось разное время, но не более 4 часов каждый день на ознакомление, необоснованного отказа со стороны обвиняемого от ознакомления материалы дела не содержали. Исходя из объема и характера уголовного дела, в том числе вещественных доказательств, а также наличия у обвиняемого заболевания органов зрения, суд мотивировал выводы о недостаточности заявленного следователем срока ознакомления обвиняемого с материалами дела [7].

1. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 29.01.2019 № 29-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Апелляционное постановление Калининградского областного суда [Электронный ресурс]: от 26.02.2020 № 22-387/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Качалова О.В. Заочный арест обвиняемого: что учесть суду // Уголовный процесс. 2023. № 9. С. 56–60.

4. Апелляционное постановление Воронежского областного суда по делу № 22-379/2021 [Электронный ресурс]: от 05.02.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по делу № 22-882/2020 [Электронный ресурс]: от 08.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Марковичева Е.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: научно-практическое пособие. М.: Российский государственный университет правосудия, 2018. 96 с.

7. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда по делу № 3/14-83/2020 [Электронный ресурс]: от 8 декабря 2020 г. № 22К-6268/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Качалов Егор Викторович. Помощник военного прокурора.

Солнечногорская гарнизонная военная прокуратура.

141402, Российская Федерация, Московская область, городской округ Химки, ул. Чапаева, д. 6А.

Ключевые слова: права участников уголовного судопроизводства, суд, следователь, уголовный процесс, ограничение прав.

Колычева А.Н., Хромова Е.П.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НАНЕСЕНИЯ ПОБОЕВ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

В данной статье затрагиваются аспекты, влияющие на организацию и тактику расследования нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию. Рассматривается нормы отечественного законодательства, а также правоприменительная практика расследования данной категории уголовных дел.

Сама по себе норма, предусмотренная ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является неоднозначной в российской уголовно-правовой и криминологической науках ввиду того, что она оказалась признанной не соответствующей Конституции РФ. Данный факт априори говорит об имеющих место законодательных недостатках в рассматриваемом составе преступления, а следовательно, и в вытекающих из этого сложностях в выработке полноценной тактики и методики расследования указанного общественно опасного деяния.

Для начала считаем необходимым обозначить сущность проблемы несоответствия ст. 116.1 УК РФ Конституции РФ, которое выразилось в следующем.

Гражданка Л.Ф. Сакова, обнаружив ряд неопределённостей в законоположении, предусмотренном ст. 116.1 УК РФ, обратилась в апреле 2021 г. в Конституционный Суд РФ по факту регулярного нанесения ей побоев её братом С. Основание обращения заключается в том, что в ходе регулярного нанесения данным гражданином побоев за первый такой поступок он был привлечён к административной ответственности по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), за второй – к уголовной, по ст. 116.1 УК РФ, однако при всём при этом третий факт, совершённый при непогашенной судимости, хотя и после окончания срока, в течение которого лицо признаётся всё ещё административно наказанным, повлёк за собой снова квалификацию лишь по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

По данному факту потерпевшая выразила мнение об отсутствии должной защиты со стороны государства в подобных ситуациях домашнего насилия, когда побои наносятся регулярно. Она считает, что было бы целесообразно привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ не только при наличии административной преюдиции, но и в случаях наличия неснятой или непогашенной судимости по ней же.

Следовательно, УК РФ в указанном вопросе имеет существенное противоречие, так как наличие судимости в действительности и по смыслу

закона должно придавать противоправному деянию более высокую степень общественной опасности, а значит, и налагать на лицо, совершившее побои, более усиленные меры уголовной ответственности за содеянное. Исходя из положений, отразившихся в диспозиции и санкции ст. 116.1 УК РФ, указанное положение, очевидно, не соблюдено, что не ограничивает преступников в совершении повторных актов насилия.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 УК РФ в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» было принято решение, что статья не обеспечивает необходимый уровень уголовно-правовой защиты права на личную неприкосновенность и на охрану достоинства личности от насильственных актов [1].

Имеет место нормативно-правовой пробел, поскольку законодатель установил ответственность по рассматриваемой статье лишь для лиц, подвергнутых административному наказанию, при этом проигнорировал факт большей общественной опасности лица в случае наличия у него судимости. Если срок наказания по ст. 6.1.1 КоАП РФ на момент совершения повторных побоев истечёт, то деяние будет квалифицировано по административному кодексу как совершённое впервые, несмотря на наличие не снятой или не погашенной судимости [2, с. 36–41].

Указанное несоответствие, очевидно, накладывает свой отпечаток и на работу дознавателей по расследованию такого вида преступлений. Выявить и в последующем направить их в суд иногда оказывается достаточно сложно, так как лица, пострадавшие от регулярных побоев, не в каждом случае обращаются за защитой своих прав в правоохранительные органы – они желают решить возникшую проблему самостоятельно (зачастую в целях сохранения семейных отношений) [3, с. 60].

Как данный факт, так и рассмотренная нами ранее проблема несоответствия ст. 116.1 УК РФ Конституции РФ в совокупности порождают в преступниках чувство вседозволенности и безнаказанности в силу якобы более привилегированного их положения (по смыслу закона) в случае наличия судимости, по отношению к тем, кто подвергнут административному наказанию.

В суд поступает лишь около 3-4 % уголовных дел, возбуждаемых по статье «Побои, совершённые лицом, подвергнутым административному наказанию», в связи с чем можно утверждать о недостаточности судебной практики по рассматриваемому составу преступления, а значит, и отставании в данном вопросе практики органов дознания по эффективному его расследованию.

Зачастую дознаватели не имеют выработанной тактики действий в ходе расследования преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ. Чаще им приходится пользоваться знаниями, выработанными для ведения

уголовных дел по смежному составу, квалифицируемому по указанной статье.

Следует отметить, что такая методика не является однозначно верной (хотя в силу ограниченности практики её использование может оказаться весьма полезной), так как рассматриваемый нами преступный акт имеет в себе особую специфику (как минимум выражающуюся в наличии специального субъекта преступления), которой дознаватели должны не забывать уделять внимание в процессе сбора доказательственной базы, при этом без проявления шаблонности в тактике производства следственных действий.

Действительно, ст. 116.1 УК РФ появилась не так давно, что, очевидно, даёт основания для возникновения подобной проблемы. Однако полностью решённой она окажется лишь спустя время, когда будет наработана следственно-судебная практика по указанному составу преступления. В настоящее же время не совсем эффективно работает институт предупреждения совершения новых побоев.

Так, во-первых, это связано с тем, что при возбуждении уголовных дел по ст. 116.1 УК РФ и производстве дознания не всегда достоверно точно может быть осуществлена квалификация содеянного в силу смежности с составами, предусмотренными ст. 6.1.1 КоАП РФ и 116 УК РФ. В данном случае качество расследования будет целиком зависеть от полноты собранных по делу доказательств, подтверждающих наличие объективно-субъективных признаков именно нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию.

Во-вторых, при определении признаков состава рассматриваемого нами преступления и, как следствие, для эффективного его расследования, в целях недопущения повышения латентности деяний, квалифицируемых по ст. 116.1 УК РФ, необходимо уделять внимание разрешению проблемы по повышению эффективности использования программного обеспечения для получения доступа к сведениям о деятельности правоохранительных органов по вопросам исполнения административного законодательства, а в рассматриваемом нами случае об имевшем место факте привлечения лица к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Указанный вопрос при доказывании административной преюдиции должен быть разрешён путём получения соответствующих сведений не только из интегрированного банка данных территориального органа МВД РФ на региональном уровне, но и в том числе из аналогичного банка, но уже формируемого на федеральном уровне.

Также должен быть установлен необходимый контроль за ответственными субъектами по факту своевременности и надлежащего качества внесения ими учётных записей об административных правонарушениях в банк данных. От этого зависит оперативность и эффективность принятия

дознавателем верного процессуального решения по расследуемому делу, в ситуации если побои в действительности были совершены не впервые [4].

Существенной проблемой, влияющей на ход расследования, можно считать и то обстоятельство, что преступление, предусмотренное ст. 116.1 УК РФ, относящееся к общественно опасным деяниям небольшой тяжести и, исходя из этого, имеющее двухгодичный срок давности для привлечения виновных к ответственности в силу указанного обстоятельства не всегда может быть расследовано дознавателями ввиду отсутствия своевременно поданного заявления потерпевшего, а также в силу невозможности сбора полной, достоверной и достаточной доказательственной базы, основу которой по данным делам составляет в преимуществе заключение судебно-медицинского эксперта о нанесённых потерпевшему побоях.

Лицо, подвергшееся им, во всяком случае фиксирует факт нанесённых ему физических повреждений в тот период, когда это ещё возможно (до заживления ран), а значит, может быть упущена возможность доказывания квалифицирующего признака повторности. Можем выразить точку зрения о том, что при отсутствии на теле потерпевшего видимых следов от побоев, а также при условии, что лицо, их нанёсшее, известно, может быть составлен протокол об административном правонарушении без проведения административного расследования.

В остальном же, на наш взгляд, расследование побоев по уголовной статье целесообразно проводить лишь в случае вынесения постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, то есть в ситуациях, когда повреждения налицо. Подобные противоречия ставят дознавателей в положение выбора тактики действий. Полагаем, что, прежде всего, необходимо критически оценивать в каждом конкретном случае показания пострадавшего лица, очевидцев, имеющихся в деле доказательств с тем, чтобы заранее решить вопрос о виде производства, о квалификации правонарушения, а также об органе, которому будет подведомственно дело, дабы дознавателю, в силу недостаточности доказательств для привлечения лица к уголовной ответственности, не выносить каждый раз большое множество постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, которые будут отменяться прокурором, хотя по факту имел место состав административного правонарушения, так как для доказывания признаков ст. 116.1 УК РФ имеющихся материалов оказалось недостаточно, а иные предоставлены быть не могут (например, в силу того, что у пострадавшего зажили раны).

Из этого может вытекать ещё одна проблема, которая касается сложностей в квалификации факта повторно нанесённых побоев по ст. 116.1 УК РФ из-за неоднозначности понятия «физическая боль», которая должна быть испытана потерпевшим. Учитывая также, что болевой порог у каждого лица различен, дознавателю необходимо чётко понимать, имела ли она место в том или ином случае. Дать оценку в этой ситуации достаточно сложно, так как восприятие боли сугубо субъективно.

Так, например, В.В. Мальченкова подтверждает наличие подобного законодательного пробела, говоря о том, что повсеместно используемые в научной литературе и в практической деятельности термины «побои», «физическая боль» не нашли своего отражения в УК РФ, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, КоАП РФ. Обычно в данном вопросе обращаются к понятию, отражённому в медицинской энциклопедии, где «боль – это психофизиологическое состояние человека, возникшее в случае воздействия на него сверхсильных или разрушительных раздражителей, влекущих за собой органические или функциональные нарушения в организме» [5, с. 60].

Например, в судебной практике и юридической литературе «побои» характеризуются неоднократностью ударов, причинивших физическую боль, но не повлекших кратковременного расстройства здоровья или незначительной утраты общей трудоспособности [6, с. 40–41].

Одни учёные считают, что важным для причинения физической боли будет являться количество нанесённых побоев, другие – что значение будет иметь лишь то, кто и кому их наносит. Очевидно, что дознаватели и эксперты также могут оценить данное понятие сугубо субъективно, а их мнения могут в данном вопросе не совпасть. Исходя из этого, для точной квалификации деяний, связанных с нанесением побоев, необходимо произвести закрепление в законодательных актах единственно верного значения понятий «физическая боль» и «побои».

Таким образом, ситуация, связанная с введением в УК РФ состава преступления, предусмотренного ст. 116.1, даёт основания для возникновения широкого круга дискуссий вокруг неё, в том числе и в процессе расследования указанного общественно опасного деяния. Это происходит ввиду отсутствия широкой базы материалов следственной и судебной практики. Из этого вытекает факт недостаточности выработанных знаний по методике и тактике расследования преступления. Зачастую дознавателям приходится прибегать к заимствованию некоторых тактических аспектов из практики ведения уголовных дел по смежным составам преступлений. Очевидно, что большинство организационно-процессуальных сложностей в ходе расследования связано с установленной Постановлением Конституционного Суда РФ неконституционностью ст. 116.1 УК РФ.

---

1. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 08.04.2021 № 11-П.

2. Новикова К.К., Хмельницкая Д.Д. Проблема домашнего насилия в контексте статей 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации /

К.К. Новикова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (46). С. 36–41.

3. Кузьмина А.В. К вопросу о декриминализации статьи 116 УК РФ и её последствиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1. С. 59–60.

4. Нигматуллин М.Р. Проблемы производства по делам о правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50).

5. Мальченкова В.В., Газизова Т.Г. Некоторые проблемы, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 116, 117 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-2. С. 59–60.

6. Преступления против личности: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / А.Г. Кибальник [и др.]; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Юрайт, 2018. С. 40–41.

Сведения об авторах

Колычева Алла Николаевна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Хромова Елизавета Павловна. Следователь отделения по расследованию неочевидных преступлений.

Следственный отдел по обслуживанию зоны № 1 УМВД России по г. Калуге.

248000, Российская Федерация, г. Калуга, ул. Тульская, д. 5 «а».

Ключевые слова: побои, боль, постановление, насилие, административное наказание, доказательства.

Колбасина Е.Е., Москаленко Д.А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В данной статье поднимаются и рассматриваются проблемы противоречия законодательного регулирования и правоприменительной, в

том числе судебной, практики возмещения морального вреда потерпевшим по уголовным делам.

Проблема законодательного регулирования компенсации морального вреда, причинённого потерпевшему преступлением, на сегодняшний день остаётся актуальной и малоисследованной. На протяжении последних трёх лет, по официальным данным, опубликованным Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, прослеживается очевидная тенденция увеличения количества уголовных дел, поступающих в суд, соответственно, возрастает и процент заявляемых гражданских исков: в 2020 г. он составлял 9,1 %, в 2021 г. – 12,4 %, в 2022 году – 14,2 % [1].

Одним из проблемных аспектов законодательства и правоприменительной, в том числе судебной, практики выступает противоречие между ними. По законодательству Российской Федерации истец правомочен требовать компенсации ему морального вреда в любом размере, который считает обоснованным и разумным, с учётом пережитых страданий от совершённого в отношении него преступления.

Тем временем суды Российской Федерации при определении размера денежной компенсации принимают во внимание не только степень вины и личность подсудимого, его финансовое положение, характер причинённых преступлением физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего, но и требования разумности и справедливости.

Иными словами, на практике истец (потерпевший и/или его представитель) в заявлении к ответчику сам оценивает размер морального вреда и выражает его в денежном эквиваленте. Ответчик (подозреваемый, обвиняемый или материально ответственное за их действия лицо) выражает свое отношение к иску, выдвигая и обосновывая возражения, также он может сделать своё предложение о размере компенсации.

Суд, выслушав обе стороны процесса, комплексно и объективно оценивает представленные доказательства, характер и степень вреда, при-чинённого преступлением потерпевшему, и принимает решение, которое соответствующим образом мотивирует. Однако, по утверждению А.А. Пинчук, «несмотря на имеющуюся фундаментальную законодательную базу, институт защиты морального благополучия граждан до настоящего времени вызывает массу вопросов и разночтений, а проблемы компенсации морального вреда в российском суде до настоящего времени не нашли единого подхода к решению по большинству позиций» [2, с. 95].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 23 [3] детально характеризует случаи и порядок возмещения имущественного вреда, а вопросам компенсации морального вреда посвящен лишь п. 13, поясняющий, что гражданский иск о компенсации морального вреда подлежит рассмотрению в случае, если вред причиняется

личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам. При этом компенсация морального вреда производится в денежном эквиваленте вне зависимости от характера и размера имущественного вреда, подлежащего возмещению.

В ходе анализа многочисленной следственной и судебной практики по схожим составам преступлений очевидно, что определение размера сумм, подлежащих взысканию в счёт возмещения имущественного вреда, не вызывает сомнений, так как подтверждается материалами уголовных дел, содержащими объективные данные их оценки. В отношении вопросов компенсации морального вреда, даже при наличии приобщённых к уголовному делу доказательств его причинения потерпевшему, судебная практика носит субъективный характер: суд определяет сумму компенсации данного вреда не в соответствии с требованием потерпевшего, а в основном по своему усмотрению. Таким образом, например, по аналогичным составам преступлений сумма денежного взыскания с виновного лица в счет компенсации морального вреда в одном случае составляет 500 000 рублей [4], а в другом – 2 000 000 рублей [5]. В связи с изложенным необходимо выделить следующие проблемы законодательного регулирования и практики возмещения морального вреда, причинённого преступлением:

1. Размер компенсации, взыскиваемой в счёт возмещения морального вреда, причинённого потерпевшему преступлением, не имеет чёткой установленной законом или подзаконными нормативными правовыми актами градации. Каждый суд в конкретном случае принимает решение, руководствуясь своим субъективным пониманием норм права. К тому же существенно разнятся показатели сумм компенсаций, присуждённых в столицах, по сравнению даже с городами-миллионниками. Анализируя решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам, практику Европейского суда по правам человека и сравнивая ее с судебной практикой Европы, можно утверждать, что уровень удовлетворения судами исков о возмещении морального вреда на сегодняшний день предельно мал.

2. Процесс сбора и оценки доказательств, подтверждающих требования потерпевшего. На этапе предварительного расследования следователь (дознаватель) приобщает к материалам уголовного дела предоставленные ему потерпевшим выписки, эпикризы, справки, заключения, иные документы, которые могут подтвердить обращение потерпевшего за квалифицированной помощью в связи с испытываемыми нравственными и (или) физическими страданиями; а также вправе допросить в качестве свидетелей лиц, которые обладают указанной информацией. Аналогичные действия может предпринять и суд. Возникает вопрос о том, как можно унифицированно оценить характер и размер нравственных страданий каждого потерпевшего, если каждый человек уникален от природы, имеет неповторимую психику и т.п.

3. Обоснование размера компенсации морального вреда по объекту преступного посягательства. В случаях, когда объектом преступного посягательства выступают жизнь и здоровье, большинство судов принимает решение о присуждении суммы компенсации морального вреда. Но когда объектом выступает, например, собственность, то суды в большинстве случаев будут отказывать в присуждении компенсации морального вреда, что связано с очевидностью нравственных страданий потерпевшего при затрагивании преступлением его естественных прав, и неочевидностью его переживаний – когда затрагиваются менее важные для общества права.

Кроме того, в феврале 2020 г. был проведен опрос среди 118 судей общей юрисдикции. По итогам исследования, 68 % судей заявили о необходимости повысить размер присуждаемых компенсаций, из них 45 % считают, что было бы справедливо несколько повысить обычно присуждаемые компенсации, 23 % полагают, что проблема возмещения за моральный ущерб крайне серьезна и требуется значительное повышение обычно присуждаемых компенсаций, и только 32 % судей заявили о том, что обычно присуждаемые компенсации вполне справедливы [6].

Расчет компенсации морального вреда представляет для судов РФ сложность в связи с отсутствием соответствующих стандартов измерений в денежной форме физических или нравственных страданий лиц. Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в этом вопросе исходит из принципов сопоставимости присуждаемых компенсаций по другим делам, убедительности выводов о размерах компенсаций, адекватности и достаточности возмещения, повышенной ответственности государства за вред, причиненный личности [7]. Но на сегодняшний день Российская Федерация окончательно вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ, в связи с чем возникает ещё одна проблема: из правоприменительной практики каких судебных органов целесообразно избирать примеры для создания механизма оценки размера компенсации морального вреда в РФ?

Представляется, что российское общество и существующая правовая система ещё не готовы к полной унификации определения размера компенсации морального вреда, не взирая на научные дискуссии о возможности внедрения фиксированных минимальных и максимальных порогов для определения размера компенсации морального вреда. Целесообразно предположить, что это позволит обеспечить положительную тенденцию большей защищенности прав граждан, повысит их доверие к судебной системе и государству в целом.

Для создания унифицированной системы расчёта минимальной суммы компенсации морального вреда по отдельным категориям преступлений необходим как минимум трёхгодичный сбор статистики размеров компенсаций по конкретным видам составов преступлений, проведение опросов среди судей, разрешающих такие иски, опубликование официальной позиции законодателя по данному вопросу. В целях обеспечения сбора

указанной информации целесообразно возложить функции по сбору и отправке данных из каждого суда РФ специальным уполномоченным работником суда в Верховный Суд РФ, где возможно создать действующий на временной или постоянной основе орган по анализу предоставляемых статистических данных.

Таким образом, очевидна проблема законодательного регулирования и практики возмещения морального вреда, причинённого преступлением. Если судья рассматривает и разрешает уголовные дела, то вопросы применения норм гражданского законодательства РФ по уголовному делу, в частности при решении вопроса о возмещении морального вреда, причинённого преступлением, могут вызывать определённые проблемы.

Отсутствие на законодательном уровне единой методики расчета денежных средств, присуждаемых к выплате гражданскому истцу, и невозможность унификации судебных решений по таким уголовным делам приводят к затягиванию сроков рассмотрения уголовного дела в суде и его разрешения по существу, подрывают у потерпевшего и гражданского истца веру в законность и справедливость судебных решений.

---

1. Обзор судебной статистики о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей [Электронный ресурс]. URL: https://www.cdep.ru.

2. Пинчук А.А. Проблема определения размера компенсации морального вреда в российском законодательстве // Молодой ученый. 2022. № 9 (404). С. 95.

3. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 13.10.2020 № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств по делу № 6-П20 [Электронный ресурс]: от 08.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств по делу № 83-П21 [Электронный ресурс]: от 30.06.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Результаты опроса о справедливых размерах компенсаций морального вреда и первая аналитика [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/3.

7. Обобщение постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека, краткий обзор которых поступил в Верховный Суд Российской Федерации по линии «Сеть Верховных Судов» (SCN), действующей под эгидой Европейского Суда по правам человека и участником которой

является Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https:// www.vsrf.ru/documents/international_practice/28865.

Сведения об авторах

Колбасина Елена Евгеньевна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры криминологии.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Москаленко Дарья Александровна. Преподаватель кафедры конституционного и административного права.

Волгоградская академия МВД России.

400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Ключевые слова: потерпевший, компенсация морального вреда, уголовное судопроизводство.

Коновалов П.Н.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ОХРАНЯЕМУЮ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ ТАЙНУ, В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Данная статья посвящена вопросам судебного контроля при производстве процессуальных действий, направленных на получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в стадии возбуждения уголовного дела. Автором проводится сравнительный анализ норм, регулирующих порядок получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования, приводится классификация процессуальных действий. На основании проведенного исследования предлагается внесение изменений в действующее законодательство.

В современной науке уголовного процесса России вопросы, связанные с особенностями судебного контроля над деятельностью правоохранительных органов в стадии возбуждения уголовного дела, занимают одно из важнейших мест. В связи со спецификой правового регулирования отдельного внимания заслуживает судебный контроль над процессуальными действиями, направленными на получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в рассматриваемой стадии.

Норма, содержащаяся в п. 56 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), относит к уголовному судопроизводству досудебное и судебное производство. В свою очередь, норма п. 9 ст. 5 УПК РФ раскрывает сущность досудебного производства и закрепляет, что досудебным производством является уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления (по общему правилу) уголовного дела прокурором в суд для рассмотрения его по существу [1].

Как справедливо отмечают Н.А. Синькевич и С.И. Поступаленко, доследственная проверка, как проверочно-процессуальное мероприятие, занимает важное место в системе уголовного судопроизводства. Законодатель, внося с течением времени изменения в ст. 144 УПК РФ, шел навстречу органам расследования в целях обеспечения судебной перспективы для каждого возбужденного ими уголовного дела, постоянно расширяя круг процессуальных возможностей и ослабляя тем самым требование законности и допустимости доказательств [2, с. 77].

В сложившихся условиях особую роль приобретает осуществление судебного контроля как гарантии прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Для выявления недостатков правового регулирования в рамках настоящего исследования представляется необходимым охарактеризовать различные аспекты процедуры проверки сообщения о преступлении, такие как процессуальные средства добывания информации, имеющей доказательственное значение, а также способы охраны прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Перечень правовых средств, направленных на получение сведений о готовящемся, совершенном или совершаемом преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, строго ограничен и приведен в ст. 144 УПК РФ. Согласно положениям рассматриваемой нормы получение сведений, необходимых для принятия решения по материалу проверки, может происходить путём их истребования (ч. 4 ст. 21 УПК РФ) или путём их изъятия при производстве осмотра мета происшествия, документов и предметов (ст. 176, 177 УПК РФ).

Указанный перечень процессуальных действий, разрешенных на стадии возбуждения уголовного дела, позволяет понять, насколько разнообразная информация может быть получена на данной стадии. Вместе с тем порядок получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в стадии возбуждения уголовного дела не нашел отдельного закрепления в УПК РФ.

На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства представляется возможным привести классификацию процессуальных средств получения сведений, составляющих охраняемую федеральным за-

коном тайну в досудебном производстве, по признаку характера действий, направленных на получение рассматриваемого вида сведений:

1) процессуальные действия, при производстве которых данные сведения могут быть представлены добровольно (дача объяснений, допрос, проверка показаний на месте);

2) процессуальные действия, при производстве которых применяется принудительный порядок истребования (ч. 4 ст. 21, ст. 185, ст. 186, ст. 186.1 УПК РФ);

3) процессуальные действия, при производстве которых применяется принудительный порядок изъятия (осмотр, выемка сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну).

Особый интерес в рамках настоящего исследования представляют процессуальные средства, относящиеся ко второй и третьей группам из приведенных. Данное обстоятельство обусловлено тем, что необходимость участия суда как гаранта прав и законных интересов лица отпадает при добровольном представлении сведений, составляющих охраняемую законом тайну, их обладателем.

Изучение правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что наиболее часто для получения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, в стадии возбуждения уголовного дела применяется порядок, закрепленный ч. 4 ст. 21 УПК РФ и корреспондирующими нормами смежного законодательства.

В качестве примера корреспондирующих норм смежного законодательства возможно привести ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ст. 6 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и т.д. Перечень норм отраслевого законодательства, корреспондирующих с нормой ч. 4 ст. 21 УПК РФ, очень широк, поскольку согласно информации, содержащейся в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», по состоянию на 2023 г. в российском законодательстве насчитывается примерно 80 видов охраняемых федеральным законом тайн [3].

Важным представляется отметить, что ч. 4 ст. 21 УПК РФ содержит императивное указание на обязательность исполнения требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленных в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Вместе с тем указание на необходимость получения судебного решения при получении сведений в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ, если данные сведения составляют охраняемую федеральным законом тайну, отсутствует, как и алгоритм получения такого решения.

В свою очередь, при дословном толковании положений ст. 176, 177 УПК РФ при производстве осмотра места происшествия предметов и документов напрямую не запрещено изъятие сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, и их носителей. Вместе с тем УПК РФ регулирует порядок производства выемки сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну в ст. 183 УПК РФ, которая напрямую закрепляет обязательность получения судебного решения на изъятие рассматриваемого вида сведений. Выемка сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, относится к тем следственным действиям, производство которых разрешается исключительно по возбужденному уголовному делу и после предварительного получения судебного решения, уведомительный порядок исключен.

Рассмотренные обстоятельства указывают, что порядок получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, как путем их истребования, так и путем непосредственного их изъятия в стадии возбуждения уголовного дела остаётся неясным.

Придерживаясь общепринятого мнения, согласно которому судебный контроль, осуществляемый при производстве по уголовному делу в досудебных стадиях, является формой осуществления правосудия со всеми присущими ему признаками, представляется необходимым дать характеристику видам судебного контроля в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Важнейшей правовой гарантией прав и законных интересов граждан в стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении является предусмотренный ст. 125 УПК РФ порядок обжалования в суде действий и бездействий, решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

Так, лицо, чьи конституционные права были нарушены, имеет право судебного обжалования на всех стадиях уголовного производства. В связи с обширной сферой охвата такая правовая категория, как судебный контроль, является неоднородной, что даёт возможность классификации видов судебного контроля по ряду признаков.

По предмету: 1) судебный контроль за действиями (бездействием) и решениями органов уголовного преследования; 2) судебный контроль за решениями нижестоящих судов.

По цели: 1) предварительный – имеет целью предупредить нарушение конституционных прав и свобод; 2) последующий – цель – правовосстановление, устранение нарушений закона, прав и законных интересов лиц.

По роли в уголовном судопроизводстве: 1) текущий (неотложенный, экстраординарный) – осуществляется в данной стадии уголовного процес-

са; 2) итоговый (отложенный, ординарный) – осуществляется в последующих стадиях уголовного процесса.

По степени обязательности: 1) статутный (обязательный) – осуществляется в силу закона, без него не могут реализовываться процессуальные действия, придает юридическую силу процессуальным решениям, процессуальным действиям и их результатам; 2) диспозитивный – осуществляется по инициативе заинтересованных лиц, считающих нарушенными свои (представляемые) права и законные интересы [4, с. 6–7].

На основании приведённой классификации представляется возможным сделать промежуточный вывод о том, что рассмотренная норма ст. 125 УПК РФ содержит в себе порядок осуществления диспозитивного, текущего, правовосстанавливающего судебного контроля над действиями и решениями органов предварительного расследования.

Данная форма судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства является не единственной. В стадии предварительного расследования наиболее применима процедура получения предварительного судебного разрешения на производство отдельных следственных и процессуальных действий, в частности, следственных действий, связанных с получением сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну. В соответствии с приведённой классификацией считаем правильным отнести данную форму судебного контроля к предварительному текущему статутному судебному контролю над действиями и решениями органов предварительного расследования.

Порядок получения судебного решения при производстве следственных действий, направленных на получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, закреплен в ч. 1 ст. 165 УПК РФ, согласно которой получение судебного решения необходимо, в том числе в следующих случаях:

1) при производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи;

2) при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со ст. 450.1 УПК РФ;

3) при производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;

4) при наложении ареста на корреспонденцию, необходимости её осмотра и выемки в учреждениях связи;

5) при необходимости производства контроля и записи телефонных и иных переговоров;

6) при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Все указанные случаи связаны с государственным вмешательством в сферу той или иной охраняемой федеральным законом тайны. Приведенные следственные действия относятся к разряду специальных следственных действий, то есть предназначенных для получения конкретного вида информации о преступлении в специально предусмотренном процессуальном порядке.

Особую важность судебный контроль приобретает ввиду негласного характера рассматриваемых следственных действий в момент их фактического производства. Так, М.С. Колосович, относя вышеперечисленные следственные действия к негласной деятельности следователя, справедливо отмечает, что их особенностью является временное сохранение в тайне от участников процесса самого факта их производства и полученных результатов (рассматриваемых в качестве полноценных доказательств) [5, с. 325].

Таким образом, суд, принимая решение о разрешении производства негласных следственных действий, выступает гарантом соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и лиц, чьи интересы могут быть затронуты при получении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в условиях неучастия данных лиц при принятии соответствующего судебного решения.

Примечательным является то обстоятельство, что производство перечисленных следственных действий возможно исключительно в рамках возбужденного уголовного дела в стадии предварительного расследования. В свою очередь, получение необходимых сведений, составляющих охраняемую законом тайну до возбуждения уголовного дела, отдельно прямо не урегулировано нормами УПК РФ. Указанное обстоятельство влечет необходимость применения иных правовых средств лицами, проводящими проверку сообщения о преступлении при необходимости получения рассматриваемого вида сведений. Предварительный текущий статутный судебный контроль непосредственно над данными процессуальными действиями отсутствует.

Важным обстоятельством выступает то, что норма ст. 144 УПК РФ не содержит указания на возможность производства специальных следственных действий, направленных на получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, как и указания на обязательность получения судебного решения при получении таких сведений при производстве иных процессуальных действий. Неопределенность законодательной регламентации является причиной отсутствия единой правоприменительной практики получения таких сведений в стадии возбуждения уголовного дела.

Проведенный анализ норм УПК РФ, регулирующих порядок производства следственных действий, показал, что в соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Изъятию подлежат только те

предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу. При этом в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов. Данные положения вытекают из смысла ч. 3 ст. 177 УПК РФ.

При дословном толковании закона получается, что в стадии возбуждения уголовного дела возможно провести осмотр предметов и документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, а также изъять данные предметы без наличия судебного решения, что, в свою очередь, недопустимо при наличии возбужденного уголовного дела.

Существенным является то обстоятельство, что подобное развитие событий возможно исключительно при производстве осмотра места происшествия, то есть места, связанного с возможным преступлением.

Положения ст. 144 УПК РФ позволяют до возбуждения уголовного дела проводить осмотр предметов и документов, однако УПК РФ не содержит указания о том, что данный осмотр должен быть проведен исключительно в рамках осмотра места происшествия, как и указания на то, что при необходимости осмотра предметов и документов, должностным лицам правоохранительных органов должен быть предоставлен беспрепятственный доступ к ним.

Отсутствие определенности в нормах УПК РФ относительно применения рассмотренных процессуальных процедур позволяет утверждать о наличии пробела правового регулирования в рассматриваемой сфере. Налицо отсутствие реального правового механизма принудительного изъятия сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в стадии возбуждения уголовного дела при условии соблюдения прав и законных интересов обладателей рассматриваемого вида информации. В сравнении с правовыми механизмами, существующими в стадии предварительного расследования, обладатели изымаемой информации, составляющей охраняемую федеральным законом тайну, не имеют такой гарантии, как судебный контроль уголовно-процессуальной деятельности, а их право на судебную защиту прав и законных интересов ущемлено.

Устранить выявленные пробелы представляется возможным путем разрешения изъятия предметов и документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, в ходе осмотра места происшествия. Также полагаем необходимым установление последующего судебного контроля в случае изъятия таких сведений путём введения уведомительного порядка принятия судебного решения с возможностью участия в судебном заседании обладателя информации, содержащейся в изъятых носителях сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну.

Что касается порядка принудительного истребования сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, необходимо отме-

тить, что в стадии предварительного расследования данный порядок представлен в форме следственных действий.

К таким следственным действиям относятся:

контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);

получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Данные следственные действия заключаются в предоставлении лицом, в распоряжении которого в связи с исполнением им профессиональной деятельности находятся сведения, составляющие тайну связи. Предоставление необходимых сведений осуществляется на основании решения суда, принятого в порядке ст. 165 УПК РФ. Также важным требованием является предоставление сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну в упаковке, исключающей ознакомление с указанными сведениями третьих лиц.

Рассматриваемый порядок получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, полностью отвечает юридической природе этих сведений. Положительным обстоятельством выступает наличие судебного контроля при применении порядка, предусмотренного ст. 186, ст. 186.1 УПК РФ.

Тем не менее положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ содержат исчерпывающий перечень следственных и иных процессуальных действий, которые разрешено проводить должностным лицам правоохранительных органов. Следственные действия, направленные на получение сведений, составляющих охраняемую законом тайну, путём их истребования, в данный перечень не включены.

Как справедливо отмечает В.И. Власов, расширение сферы судебного контроля, изменение его форм и содержания необходимы, прежде всего, для обеспечения законности и состязательности досудебного производства, предоставления участникам процесса реальной возможности отстаивать свои интересы [6, с. 26].

Таким образом, представляется необходимым внести изменения в действующий УПК РФ, разрешив производство следственных действий, направленных на истребование сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, при проведении проверки сообщения о преступлении.

Данный шаг направлен не только на расширение возможностей при собирании доказательств в стадии возбуждения уголовного дела, но и призван расширить судебный контроль над деятельностью правоохранительных органов в стадии возбуждения уголовного дела. Указанные изменения призваны повысить степень защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процедуру проверки сообщения о преступлении, являющихся обладателями информации, составляющей охраняемую законом тайну.

Судебный контроль, как уголовно-процессуальная гарантия при получении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну на досудебном этапе уголовного судопроизводства, в большей степени урегулирован в стадии предварительного расследования, по сравнению со стадией возбуждения уголовного дела, и представлен в двух формах. В свою очередь, судебный контроль над процессуальной деятельностью дознавателя, органа дознания и следователя в стадии возбуждения уголовного дела представлен лишь одной его формой.

Представляется, что с расширением процессуальных возможностей должностных лиц правоохранительных органов, уполномоченных проводить проверку сообщений о преступлениях, возникает необходимость в расширении процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство на стадии возбуждения уголовного дела.

Схожей точки зрения придерживается В.И. Власов, указывая на необходимость дальнейшей разработки понятия «судебный контроль на стадии досудебного производства по уголовным делам» и его включения в содержание предварительной проверки сообщения о преступлении, чем предлагаем дополнить пп. 54.1 ст. 5 УПК РФ [6, с. 27].

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что судебный контроль, являясь процессуальной гарантией прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, представлен в стадии возбуждения уголовного дела в усеченном виде по сравнению с иными стадиями уголовного судопроизводства. Судебный контроль в данной стадии представлен лишь в одной декларативной форме – диспозитивного, текущего, правовосстанавливающего контроля. Более эффективная форма судебного контроля, а именно предварительный текущий статутный судебный контроль над действиями и решениями органов предварительного расследования, в этой стадии отсутствует, как и законодательно закрепленное средство получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну.

Предлагается расширить судебный контроль при получении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, на стадии возбуждения уголовного дела при проведении проверки сообщения о преступлении.

Одновременно с расширением судебного контроля, на основании приведенной автором классификации процессуальных средств получения рассматриваемого вида сведений, предлагается расширить перечень данных процессуальных средств, применяемых в стадии возбуждения уголовного дела. Предложенные изменения призваны укрепить в том числе действие принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и привнести единообразие в перечень процессуальных средств, применяемых на различных стадиях уголовного судопроизводства.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Синькевич Н.А., Поступаленко С.И. Проблемы доследственной проверки в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Beneficium. 2020. № 4 (37). С. 73–79.

3. Перечень сведений конфиденциального характера [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Ласточкина Р.Н., Язева Е.Е., Кулев А.Г. Судебный контроль в уголовном процессе: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. 46 с.

5. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград. 2019. 536 с.

6. Власов В.И. Судебный контроль на стадии досудебного производства по уголовным делам: теоретико-правовая характеристика // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 23–29.

Сведения об авторе

Коновалов Павел Николаевич. Инспектор отделения планирования и контроля качества учебного процесса и практики учебного отдела.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, тайна, судебный контроль, возбуждение уголовного дела.

Коробкова Е.Е.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Доктрина отечественного уголовного процесса давно находится в состоянии поиска альтернативных уголовному преследованию процедур. Одной из них является медиация, которая в 2010 г. была реализована для урегулирования гражданско-правовых споров. В статье рассматривается сама возможность внедрения названной примирительной процедуры в уголовное судопроизводство, в котором преобладает публичный интерес.

О медиации заговорили в конце XX в. как о возможном способе разрешения конфликтов. Этот институт получил достаточное широкое распространение в Канаде, Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Франции. Основным документом, который регулировал вопросы медиации по уголовным делам, стала Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 15.09.1999 № R(99)19 «О посредничестве по уголовным делам». В ней содержались требования к процедуре медиации, раскрывалась ее сущность, задачи, круг участников. Идея медиации, согласно данной Рекомендации, заключалась в том, что потерпевший и подозреваемый (обвиняемый) при участии независимого посредника разрешают уголовно-правовой конфликт.

Процедура медиации стала позиционироваться как форма реализации концепции восстановительной юстиции [1; 2; 3], а восстановительное правосудие определялось как «учение о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние» [4, с. 138, 140; 5, с. 55–58].

Приоритетной стала идея о смене главных действующих лиц процесса. «Если основными участниками традиционного уголовного судопроизводства являются государство и правонарушитель, то в рамках медиации на первый план выступают пострадавший и правонарушитель, а также независимый посредник» [5, с. 170].

Идея о возможности применения института медиации в российском уголовном процессе была весьма привлекательна и не обошла стороной уголовно-процессуальное научное сообщество. Высказывается точка зрения о внедрении нового института на базе норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 Уголовного кодекса Российского Федерации) [6, с. 11–15 и др.]. В качестве одного из аргументов приводится практика применения действующего с 2010 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [7].

Вместе с тем идея внедрения медиации в уголовный процесс выглядит преждевременной и одновременно требующей серьезной адаптации к особенностям уголовно-процессуальных отношений.

1. Практика применения медиации в иных отраслях права не является показательной, так как эта процедура создавалась исключительно для урегулирования споров, вытекающих из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. В таких кон-

фликтах, как правило, не участвует государство, а даже в тех редких случаях участия в них прокурора связано с отстаиванием частного интереса малозащищённых слоев населения. Понятие медиации в уголовном судопроизводстве отсутствует. Большинство имеющихся в науке определений относится к гражданскому судопроизводству, а те, которые были сформулированы в сфере уголовного процесса, по своему содержанию во многом совпадают с гражданско-процессуальной медиацией [8; 5].

2. Внедрение медиации в уголовное судопроизводство неизбежно приведет к необходимости соотношения этой процедуры с обязанностью осуществления уголовного преследования, которая возложена на государство (ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Другими словами, потребуют разрешения принципиальные вопросы: процедура медиации должна (может быть) применена до возникновения уголовно-процессуальных правоотношений или она должна быть результатом предварительного расследования и (или) судебного разбирательства? Медиация станет «внепроцессуальной» процедурой или же формой освобождения от уголовной ответственности?

3. Разрешение поставленных вопросов в пользу медиации станет ни чем иным, как расширением принципа целесообразности, когда лицо, уполномоченное возбуждать уголовное преследование, имеет право в каждом отдельном случае по своему усмотрению оценить необходимость уголовного преследования [9, с. 120]. Кто в российском уголовном процессе сможет такую целесообразность устанавливать – следователь, прокурор, судья? При том, что характер уголовно-правового конфликта не позволит полностью исключить «государственный элемент»[1].

4. Существуют и юридико-технические нюансы в части нормативного закрепления медиации. При её наличии не обойтись без упоминания в уголовно-процессуальном законодательстве, однако даже на первый взгляд описание всей процедуры в УПК РФ (особенно если она будет иметь место до уголовного процесса) видится излишним.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что сама идея внедрения медиации, например, как форма расширения начала целесообразности, имеет право на существование и соответствует сложившейся тенденции. В то же время новое нормативное регулирование требует не только проработки как изолированная от производства по делу процессуальная форма, но и соблюдения баланса публичного и частного в уголовном судопроизводстве.

---

[1] Хотя бы потому, что преступление подлежит обязательной регистрации в соответствующих формах учета [10].

1. Реституционное правосудие [Электронный ресурс]: доклад Генерального Секретаря ООН. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_11/E-CN15-2002-05/E-CN15-2002-5_R.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

2. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер с англ. / общ. ред. Л.М. Карнозовой; коммент. Л.М. Карнозовой и А.С. Пашина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.

3. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия [Электронный ресурс]: резолюция Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24.07.2002. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_11/E-2002-30_E-CN15-2002-14/E-2002-30_E-CN15-2002-14_R.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

4. Шестакова Л.А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 1. Т. 2.

5. Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5.

6. Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2.

7. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Авимская О.В. Медиация как процедура: этапы разрешения спора // Нравственные императивы в праве. 2010. № 2.

9. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. М., 2016.

10. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.08.2014 №736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Коробкова Елена Евгеньевна. Кандидат юридических наук. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Омская академия МВД России.

644092, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7.

Ключевые слова: медиация, восстановительное правосудие, освобождение от уголовной ответственности.

Костина М.И.

К ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В настоящей статье рассмотрена действующая система уголовно-процессуального права. Выявлены преимущества процессуальной формы и ключевые тенденции по ее усовершенствованию. Определены недостатки, характеризующие действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, и обозначены перспективы его изменения.

Современная система уголовно-процессуального права направлена на создание таких условий, при которых становится возможным обеспечение соблюдения прав и законных интересов граждан. В связи с этим ключевой особенностью отечественного уголовного процесса является применение процессуальной формы, способствующей установлению реальных обстоятельств дела.

Процессуальная форма является результатом многолетней отечественной и зарубежной практики по формированию эффективной системы уголовного права. В рамках применения процессуальной формы учитываются гносеологические и психологические аспекты, способствующие определению оптимальных, законных и обоснованных инструментов для раскрытия преступления.

В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определено назначение уголовного судопроизводства, которое может быть успешно реализовано именно благодаря применению процессуальной формы.

Применение процессуальной формы доказало свою эффективность на практике. «Так, в 2021 г. Судебная коллегия по уголовным делам рассмотрела в апелляции 80 дел, в кассации – свыше 40 тыс. жалоб и представлений. В анализируемом же периоде рассмотрено 93 уголовных дела в апелляционной инстанции и более 41 тыс. дел в кассационной. В целом статистическим данным за 2022 г. свойственна некоторая стабильность по сравнению с предыдущим отчетным периодом. Общие тенденции, заложенные еще в позапрошлом году, по сравнению с пандемийным 2020 г., сохраняются» [1].

Несмотря на эффективность применения уголовно-процессуальной формы в правовой сфере, существует высокий риск допущения перегрузки уполномоченных органов. Увеличение числа уголовных дел, которые рас-

сматриваются следователями, судами и другими уполномоченными лицами, приводит к снижению эффективности работы внутренних органов и судов.

Еще одна проблемная зона реализации процессуальной формы – ресурсные затраты на уголовное судопроизводство. В связи с этим появляются новые тенденции оптимизации уголовно-процессуального права, такие как:

расширение круга органов, наделенных полномочиями действовать в процессуальной форме;

создание в рамках процессуальной формы системы упрощенных производств, в меньшей мере обремененных обрядностью и формальностями, присущими обычному производству;

упрощение форм обычного производства за счет исключения тех или иных обрядностей и формальных процедур.

Однако представленные выше тенденции не всегда способствуют повышению эффективности уголовно-процессуального права, а наоборот, приводят к усложнению процедур уголовного производства. Это обусловлено тем, что появившиеся тенденции основаны не на повышении качества уголовно-процессуального законодательства, а на стремлении упорядочить отношения, не входящие в предмет регулирования УПК РФ. В результате принимаются нормы, противоречащие Конституции Российской Федерации и приводящие к ущемлению прав и свобод человека и гражданина.

В качестве примера можно привести результаты постановления Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» [2].

Заявитель обратился в суд с целью оспорить законоположения, представленные в ст. 82 и ст. 240 УПК РФ. В результате рассмотрения уголовного дела представленные статьи и ряд других статей были признаны противоречащими Конституции Российской Федерации. На основании принятого решения дело гражданина В.Н. Скотникова было отправлено для пересмотра.

Приведенный пример наглядно демонстрирует несовершенство современного законодательства, которое возникло по причине стремления оптимизации процессуальной формы.

Подводя итоги вышеизложенного, следует акцентировать внимание на том, что для повышения эффективности процессуальной формы уголовного судопроизводства необходимо изменить подход к усовершенствованию законопроектов на более квалифицированный и бережливый. В связи с этим актуальна основательная проверка всех положений действующего УПК РФ с целью выявления недостатков и их устранения. Действующее законодательство должно в первую очередь коррелироваться с положени-

ями, представленными в Конституции Российской Федерации и в Уголовном кодексе Российской Федерации.

1. Адвокатская газета. Уголовные дела вновь лидируют в статистике рассмотренных ВС дел в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ugolovnye-dela-vnov-lidiruyut-v-statistike-rassmotrennykh-vs-del-v-2022-godu.

2. По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19.06.2023 № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Сведения об авторе

Костина Марианна Игоревна. Начальник 5-го отдела (правового контроля).

Правовое управление ГУ МВД России по г. Москве.

127994, Российская Федерация, г. Москва, ул. Петровка, д. 38.

Ключевые слова: законодательство, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, процессуальная форма, права и свободы человека и гражданина, Конституция Российской Федерации.

Косых В.А.

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия правоохранительных органов с Рослесхозом в части обмена информацией о лесных правоотношениях, лесопользователях, а также иными сведениями, которыми располагают органы, осуществляющие контроль над сферой лесопользования, имеющими значение для противодействия незаконному обороту леса. Обозначена необходимость систематического и содержательного подхода к исполнению запросов правоохранительных органов по расследуемым уголовным делам.

Сфера лесопользования в силу своей специфики требует особого подхода к совершенствованию существующей системы взаимодействия правоохранительных органов и органов, осуществляющих полномочия в

лесной сфере. В современных условиях активно применяются автоматизированные системы учета древесины, а также системы дистанционного контроля за состоянием лесов, в результате чего происходит накопление и систематизация существенного объема информации о правоотношениях в сфере лесопользования, нарушениях установленного порядка лесопользования, лицах и организациях, осуществляющих свою деятельность в указанной сфере. Активное использование всего набора данных, а равно возможностей автоматизированных систем, определяет и высокую эффективность методов профилактики и противодействия преступности в сфере оборота леса и лесоматериалов, носящей зачастую организованный характер.

В сложившейся практике по делам и материалам проверок о преступлениях в сфере лесопользования правоохранительными органами, в силу различных факторов (в первую очередь отсутствие налаженной системы информационного взаимодействия), проводится недостаточный объем проверочных мероприятий и следственных действий, направленных на изобличение лиц, совершивших преступление; не выясняется роль каждого из соучастников, не принимаются меры по установлению финансовых связей, то есть действий по распределению имущества, добытого преступным путем (денежных средств и самой незаконно заготовленной древесины) [1, с. 674]. Следствием указанных недостатков, как правило, является непривлечение к уголовной ответственности всех лиц, причастных к совершению преступлений; оправдательные приговоры; возвращение уголовных дел для производства дополнительного расследования.

В апреле 2022 г. в ходе заседания коллегии МВД России по вопросу противодействия преступности в сфере лесопользования отмечена эффективность организации оперативно-профилактических мероприятий, в том числе в сфере транспортировки древесины и работающей в лесу техникой; обозначено расширение направлений взаимодействия Рослесхоза, Росфинмониторинга, таможенных органов и МВД России через реализацию мероприятий по выявлению и профилактике правонарушений в лесной отрасли, в том числе коррупционной направленности. Вместе с тем в качестве наиболее важного направления названа необходимость разработки новых механизмов, позволяющих повысить эффективность мер по декриминализации лесной отрасли [2].

На сегодняшний день территориальные органы Министерства внутренних дел России в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции», в связи с расследуемыми уголовными делами и проверкой зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях, вправе запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу от государственных и муниципальных органов сведения, справки, документы, иную необходимую информацию [3]. При этом применительно к деятельности прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя требования, поручения и запросы обяза-

тельны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами [4]. Реализация же указанного права должна носить не формальный, а содержательный характер и обеспечивать получение исчерпывающих сведений о расследуемом (рассматриваемом) факте преступной деятельности.

Эффективность информационного взаимодействия в таких случаях достигается формированием у должностного лица, осуществляющего расследование уголовного дела или разрешающего материал проверки, представления об имеющихся у органов, осуществляющих контроль лесопользованием, наборов данных, а также специальных возможностей по систематизации, обработке анализу информации, подлежащей учету.

Основные направления деятельности Рослесхоза и Рослесинфорга обеспечивают аккумуляцию необходимой для правоохранительных органов информации. Так, Федеральное агентство лесного хозяйства в пределах своих полномочий осуществляет рассмотрение ходатайств о переводе земель из одной категории в другую, согласование документации по планировке территорий земель лесного фонда, государственную инвентаризацию лесов, ведение государственного лесного реестра и обобщение информации, содержащейся в нем; лесную охрану; контроль за расходованием средств; федеральный государственный лесной контроль (надзор); формирование и использование федеральных информационных ресурсов и информационных систем в установленной сфере деятельности Агентства; правомочия правообладателя информации, содержащейся в единой государственной автоматизированной информационной системе учета древесины и сделок с ней; согласование заявок на реализацию инвестиционных проектов в области освоения лесов; разработку межрегионального плана маневрирования лесопожарных формирований, пожарной техники и оборудования; ведение реестра недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений; ведение реестра специалистов, имеющих право на выполнение работ и оказание услуг по отводу и таксации лесосек, и предоставление информации из указанного реестра; ведение реестра специалистов, имеющих право на осуществление мероприятий по лесоустройству, и предоставление информации из соответствующего реестра; проведение государственной экспертизы проектов освоения лесов и т.д. [5]

ФГУП «Рослесинфорг», находясь в ведении Рослесхоза, в пределах своих полномочий осуществляет государственную инвентаризацию лесов, ведение автоматизированной системы учета сведений о запасе, качестве и количестве древесины, ведение государственного лесного реестра, сбор и обработку государственной и отраслевой статистической отчетности.

В рамках расследования уголовных дел и разрешения материалов проверок о преступлениях, связанных с незаконным оборотом леса, сведения, которыми располагают вышеуказанные специализированные государственные учреждения, в практическом плане в совокупности с результата-

ми оперативно-разыскной деятельности и проводимых следственных и процессуальных действий, могут служить необходимым дополнением к доказательственной базе, а равно являться основой для обнаружения дополнительных доказательств и выявления новых эпизодов преступной деятельности.

Получение необходимой информации правоохранительными органами для обеспечения наиболее эффективного взаимодействия в вопросе противодействия лесной преступности должно, на наш взгляд, осуществляться не только на основании запросов, но и поступать инициативно от территориальных подразделений Рослесхоза и Рослесинфорга систематически, поскольку наибольшей эффективности в борьбе с незаконным оборотом леса возможно достигнуть через анализ такой информации с точки зрения нарушения административного и уголовного закона, что может быть осуществлено правоохранительными органами.

1. Майстренко Г.А. Организация работы правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью // Вопросы российского и международного права. 2022. № 10-1. Т. 12. С. 672–677.

2. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/news/item/29820324?ysclid=lm23n009nl748534530 (дата обращения: 02.09.2023).

3. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 7-ФЗ: с изм. от 04.08.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ: с изм. от 04.08.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О Федеральном агентстве лесного хозяйства [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23.09.2010 № 736-ФЗ: с изм. от 24.03.2023. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Сведения об авторе

Косых Валерия Александровна. Преподаватель кафедры криминалистики.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Ключевые слова: преступления в сфере лесопользования, федеральный государственный лесной контроль (надзор), профилактика преступлений, запрос правоохранительных органов, взаимодействие.

Кузнецов Д.Ю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена изучению отдельных проблем, связанных с обеспечением подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Автор анализирует действующее уголовно-процессуальное законодательство, выявляя неочевидные возможности для злоупотребления стороной защиты своими правами.

Современное российское законодательство наделяет лицо, подвергнутое уголовному преследованию, широкими процессуальными правами и правовыми возможностями, связанными с собственной защитой. Подобная законодательная идея призвана обеспечить баланс и процессуальное равенство между сторонами обвинения и защиты, обеспечивая надлежащий правовой статус всех участников уголовного процесса. При этом существует объективная потребность в реализации целей уголовного судопроизводства в разумные сроки, что иногда создает некоторое противоречие с активным использованием участниками со стороны защиты своих процессуальных прав.

Анализ актуальной юридической литературы по обозначенной проблеме показывает, что обычно авторы уделяют внимание теоретическим аспектам законодательного закрепления права на защиту [1]. Другие исследователи изучают прикладные аспекты реализации указанного права [2]. При этом когда речь заходит непосредственно о проблемах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, современные ученые-процессуалисты, как правило, ведут речь о возможных нарушениях со стороны обвинения [3]. В то же время вопросы злоупотреблений со стороны защиты остаются не вполне изученными и требуют научного осмысления.

Как известно, в соответствии с п. 11 ч. 4 ст. 46, а также п. 21 ч. 4 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) подозреваемый и обвиняемый обладают правом защищаться всеми способами, не запрещенными уголовно-процессуальным законом. При этом каких-либо конкретных пределов реализации права на защиту закон не устанавливает, что побуждает к научной дискуссии на предмет абсолютизации права на защиту в уголовном процессе.

Думается, что замысел законодателя не предполагал возможности абсолютизации права подозреваемого и обвиняемого на защиту, поскольку в приведенном фрагменте законодательного текста содержится прямое указание на то, что отдельные инструменты защиты законом все же запрещены. С этой точки зрения реализация права на защиту вполне может на практике оказаться связанной с возможными нарушениями и злоупотреб-

лениями со стороны его титульного обладателя. Далее, следуя законодательной логике, представляется возможным предположить, что использование подозреваемым, обвиняемым, а также их защитником своих процессуальных прав, при котором нарушаются общие принципы уголовного процесса, а также права других участников уголовного судопроизводства, является злоупотреблением права на защиту.

Подобную идею в своих разъяснениях развивает и высшая судебная инстанция. Так, в соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц [4].

При этом практикующие юристы, говоря о нарушениях со стороны защиты, в основном указывают на случаи необоснованного заявления ходатайств, которые не могут быть оставлены без рассмотрения [5] либо подлежат обязательному рассмотрению судом с удалением в совещательную комнату [6, с. 24–25].

Как видно из приведенных источников, и теоретики, и практики стараются изучить проблему злоупотреблений со стороны защиты с точки зрения рассмотрения уголовного дела в суде. Безусловно, такая постановка проблемы представляется актуальной и значимой. Однако не меньше трудностей возникает и на стадии предварительного расследования, когда следователь и дознаватель часто сталкиваются с активным противодействием со стороны защиты и при этом обязаны обеспечить соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства. Учитывая собственный опыт службы в подразделениях предварительного следствия, автор не понаслышке знаком со множеством проблем, которые создают недобросовестные адвокаты. Так, участники уголовного судопроизводства со стороны защиты часто злоупотребляют процессуальными правами, заявляя необоснованные ходатайства, например, о проведении повторной экспертизы, при условии что подозреваемый (обвиняемый) и его защитник ранее были ознакомлены как с постановлением о назначении соответствующей экспертизы, так и с заключением эксперта и никаких возражений не заявили. Отдельные адвокаты вовсе саботируют проведение следственных действий, допускают многочисленные злоупотребления при задержании подозреваемого и аресте обвиняемого, несвоевременно являясь к следователю, а также искажая обстоятельства задержания в ходе рассмотрения судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

При этом со всей очевидностью можно сказать о том, что следователь и дознаватель обладают куда меньшими процессуальными возможностями по противодействию подобным злоупотреблениям со стороны защиты, по сравнению с судом. В этой связи проблеме противодействия злоупотреблению правом на защиту в ходе предварительного расследования на сегодняшний день уделяется недостаточно внимания.

Конечно, определенные механизмы пресечения необоснованных действий и злоупотреблений со стороны подозреваемого, обвиняемого и защитника для следователя действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает. Однако и здесь не обходится без противоречий. Как уже было сказано, на практике подозреваемые и обвиняемые с «легкой руки» своих адвокатов часто пытаются необоснованно затягивать производство отдельных следственных действий и процесс предварительного расследования в целом. При этом зачастую такие злоупотребления выражаются в неявке защитника к следователю без уважительных причин [7, с. 24–25]. На этот счет законом предусмотрена процедура замены защитника.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Подобная норма вызывает некоторые опасения, поскольку создает неочевидные возможности для злоупотребления правом на защиту со стороны подозреваемого и обвиняемого. В частности, сомнения вызывает то обстоятельство, что следователя и дознавателя законодательно обязали фактически руководствоваться в своей деятельности не нормами закона, а адвокатскими корпоративными правилами. Думается, что подобная редакция анализируемой нормы оставляет возможности для существенных злоупотреблений правом на защиту. Так, в настоящее время следователь фактически лишен возможности заменить защитника без согласия подозреваемого и обвиняемого. Рассматриваемая норма уголовно-процессуального законодательства касается случаев замены защитника, от которых не отказывались подзащитные. Соответственно, любой новый защитник, руководствуясь порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов, не может вступать в дело, в материалах которого уже имеется ордер другого защитника, от услуг которого не отказывались и статус которого не прекращен и не приостановлен. В то же время прежняя редакция ч. 3 ст. 50 УПК РФ позволяла следователю и дознавателю произвести в подобной ситуации замену защитника без необходимости соблюдения корпоративных адвокатских правил, то есть принудительно, что в полной мере отвечало

задачам и принципам уголовного судопроизводства, позволяя соблюдать его разумные сроки.

С учетом изложенного думается, что изучение проблем реализации права на защиту в уголовном судопроизводстве представляет собой перспективное направление юридических исследований, характеризуясь при этом несомненной прикладной значимостью. Таким образом, настоящую статью следует рассматривать как приглашение к научной дискуссии в попытках выработки и реализации оптимального подхода к обеспечению и соблюдению баланса прав участников уголовного судопроизводства.

1. Айтжанова Ю.Р. Соотношение права на защиту и права на судебную защиту // Вестник магистратуры. 2021. № 4-2 (115). С. 53–54.

2. Орлов А.В. Актуальные проблемы обеспечения обвиняемому права на защиту в современном уголовном процессе // Правовая мысль. 2020. № 1 (1). С. 76–79.

3. Заболоцкая Е.А. К вопросу о нарушении права на защиту в уголовном процессе // Аллея науки. 2018. № 2 (18). Т. 1. С. 238–242.

4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 № 29 // Рос. газ. 2015. 10 июля. № 150.

5. Гордейчик С.А. Новеллы уголовно-процессуального законодательства, расширяющие права адвокатов // Законность. 2017. № 8. С. 51–52.

6. Головко Л., Резник Г., Смирнов А., Колоколов Н., Львова Е., Кипнис Н., Голубок С. Злоупотребление правом на защиту // Закон. 2015. № 7. С. 24–31.

7. Ерохина А.С., Семенов Е.А. Реализация права на защиту в уголовном судопроизводстве // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов, 2020. С. 20–22.

Сведения об авторе

Кузнецов Дмитрий Юрьевич. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: право на защиту, состязательность сторон в уголовном процессе, разумный срок уголовного судопроизводства, злоупотребление правом.

Кунц Е.В.

ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Основания применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, устанавливаются действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации на основе ратифицированных Российской Федерацией норм международного права, нашедших в последующем свое отражение в российском законодательстве. Данное положение предопределило рассмотрение применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, поскольку они находят свое отражение как в общей части закона, так и непосредственно в специальной части.

Несмотря на противоречивую правоприменительную практику в сфере применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, действующее законодательство, регулирующее данный правовой институт продолжает динамично развиваться [1, с. 38]. Значительная роль в регулировании направления мер пресечения, не связанных с лишением свободы, отводится общим принципам уголовного судопроизводства, закрепленным в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, ст. 9 УПК РФ закрепляет в числе основополагающего принцип уважения чести и достоинства личности. В соответствии с этим принципом запрещается в ходе уголовного судопроизводства совершение действий, умаляющих честь и достоинство человека и гражданина, а также создающих угрозу вреда его здоровью. Акцентируется принцип, в соответствии с которым никто в ходе разбирательства по делу не может быть подвергнут пыткам, истязаниям, жестокому обращению. Относительно мер пресечения, не связанных с лишением свободы, указанный принцип предполагает, что та или иная мера пресечения не может применяться в качестве пыточной, унижать, умалять человеческое достоинство. Таким образом, та или иная мера пресечения не может назначаться, когда есть четкие медицинские показания, указывающие, к примеру, на возможность реальной угрозы жизни и здоровью обвиняемого в случае его содержания под стражей. В этой связи могут возникать в том числе и основания для избрания в отношении обвиняемого меры пресечения, не связанной с лишением свободы [2, с. 196–201].

Результаты анализа научных источников в области политических и правовых учений позволяют сделать вывод, что гуманизм (лат. *humanus* – человечный) представляет собой систему мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье [3].

Статьей 11 УПК РФ закрепляется принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Помимо иных содержаний этого принципа, в этой статье важной представляется норма, заостряющая внимание на том, что суд, прокуратура, следствие должны предпринимать все необходимые меры для защиты жизни и здоровья участников уголовного процесса, предотвращать угрозы по отношению к этому. В некоторых случаях видится, к примеру, допустимым избрание меры пресечения в качестве заключения обвиняемого под стражу в случаях, когда с его стороны может исходить угроза жизни и здоровью потерпевшему и иным сторонам процесса. В иных же случаях суд может избрать, напротив, меру пресечения, не связанную с лишением свободы для обвиняемого или подозреваемого, если имеется информация о реальной угрозе его безопасности, жизни и здоровью в случае нахождения в заключении под стражей.

В ст. 97 гл. 12 УПК РФ закреплены общие основания для всех мер пресечения. Как и в случае с заключением обвиняемого или подозреваемого под стражу, меры пресечения, не связанные с лишением свободы, также устанавливаются в строго определенных законом рамках: 1) если есть вероятность того, что он может скрыться от органов дознания; 2) может продолжить преступную деятельность; 3) может угрожать другим участникам уголовного судопроизводства по делу, иметь возможность уничтожить улики, доказательства по делу, оказать в той или иной форме влияние на ход расследования. Все это служит основанием для избрания любой меры пресечения. И далее уже возникают вопросы по их конкретизации.

Различные меры пресечения могут избираться и в целях обеспечения приговора, а также возможной по закону выдачи лица, имеющего гражданство другого государства, в порядке, который предусматривается ст. 466 УПК РФ. К мерам пресечения, не связанным с лишением свободы, в соответствии со ст. 98 УПК РФ, относятся: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской частью, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест.

Оценивая всесторонне личность подозреваемого или обвиняемого, дознаватель, следователь или суд не могут не обращать внимания на фактор наличия у лица, в отношении которого избирается мера пресечения, несовершеннолетних детей, рожденных в браке. Подобное обстоятельство, безусловно, должно учитываться и является одним из мощных аргументов в пользу избрания в отношении подобного лица меры пресечения, не связанной с лишением свободы.

Возникают логичные вопросы по поводу избрания меры пресечения в отношении лица, не состоящего в браке. Как это может повлиять в плане общей характеристики подозреваемого и обвиняемого при избрании меры пресечения? Остается дискуссионным вопрос относительно того, может ли фактор отсутствия брака оцениваться как фактор, снижающий вероятность

избрания меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Представляется, что фактор семейного положения, как основание для установления той или иной меры пресечения, требует дополнительного уточнения в УПК РФ, поскольку не уточненными в качестве основания остаются отдельные составляющие понятия семейного положения. Так, до конца не дан ответ на вопрос, как учитывать при назначении меры пресечения наличие у подозреваемого и обвиняемого престарелых родителей, иных родственников, которые в силу возраста и здоровья нуждаются в определенном внимании и заботе. Во избежание спорных ситуаций на практике эти вопросы требуют большей детализации в УПК РФ.

Избрание мер пресечения всегда должно происходить на основе конституционного принципа презумпции невиновности. В плане избрания мер пресечения, не связанных с лишением свободы, это выражается в том, что они применяются уполномоченными органами следствия только по своей компетенции, причем исключительно как меры процессуального принуждения и никак иначе.

Мера пресечения соотносится с принципом презумпции невиновности и в том, что она носит временный характер и применяется при наличии достаточных оснований, указывающих на поведение обвиняемого, но ни в коем случае ни на степень его вины, которая доказывается в ходе производства по делу.

На основе общих принципов уголовного судопроизводства можно сформулировать ряд выводов, обосновывающих меры пресечения, не связанных с лишением свободы: так, каждая мера пресечения применяется к каждому конкретному лицу исключительно с обоснованием ее необходимости в каждом конкретном случае; применение мер пресечения возможно исключительно и только в порядке, установленном законом; меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, могут устанавливаться, изменяться и отменяться только в установленный законом срок; из всех предусмотренных законом мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, должна в конечном счете избираться наиболее эффективная с точки зрения обеспечения качества расследования и обеспечения законного поведения подозреваемого и обвиняемого; меры пресечения, не связанные с лишением свободы, должны занимать в уголовном судопроизводстве ведущее место и всегда рассматриваться как первоочередные, а заключение под стражу – лишь как крайняя мера; меры пресечения, не связанные с лишением свободы, основываются на принципах индивидуализации, выбора той или иной меры пресечения по отношению к каждому конкретному подозреваемому и обвиняемому; при применении мер пресечения, не связанных с лишением свободы, всегда в качестве приоритета должно ставиться соблюдение прав и свобод личности – как обвиняемого, так и иных участников уголовного процесса по делу.

Если вести речь о юридических основаниях избрания мер пресечения, не связанных с лишением свободы, следует отметить изменения 2018 г. в УПК РФ в части, касающейся установления мер пресечения при ознакомлении подозреваемых и обвиняемых с материалами дела. Теперь следователь обязан представить конкретные доказательства необходимости продления срока содержания под стражей при ознакомлении с материалами дела. В подобных случаях обязательно должен указываться срок, до которого будет производиться продление содержания под стражей, причем этот срок теперь не может составлять более трех месяцев. Реализация закона поможет не допустить произвольного ограничения свободы человека только лишь на основе необходимости его ознакомления с материалами дела. Соответственно, отсутствие законных оснований для назначения заключения под стражу, а также истечение ее трехмесячного срока также существенно увеличивают количество оснований для избрания мер пресечения, не связанных с лишением свободы [4].

На основе анализа данных изменений можно сделать вывод, что меры пресечения, не связанные с лишением свободы, могут рассматриваться как некий сдерживающий фактор, в противовес произвольному продлению срока содержания под стражей и применению самой суровой меры пресечения в качестве неправового воздействия на подозреваемого и обвиняемого, попирания их основных прав. Меры пресечения, не связанные с лишением свободы, выступают в данном случае как факторы, влияющие на сроки рассмотрения дела по существу: в определенной степени они способствуют созданию условий для справедливого срока разбирательства по делу в суде.

Говоря о принципах, которыми необходимо руководствоваться суду, следствию и дознанию при назначении той или иной меры пресечения, не связанной с лишением свободы, следует выделить такой важный аспект, как необходимость целесообразного подхода к решению этого вопроса. Отчасти он выражается в избрании меры пресечения, соразмерной возможному максимальному наказанию. Но в этом контексте важно и то, что, устанавливая для подозреваемого или обвиняемого менее жесткую меру пресечения, не связанную с лишением свободы, судья, следователь и дознаватель не только проявляют гуманизм, допуская возможность успешного судопроизводства по делу без заключения лица под стражу, не только и не столько регулируют количество лиц, находящихся в местах временного содержания под стражей, сколько проводят в жизнь принцип справедливого рассмотрения уголовного дела, когда устанавливаемая мера пресечения, действительно, адекватна вменяемому подозреваемому или обвиняемому противоправному деянию и его личности. Все это, в свою очередь, может способствовать более адекватному восприятию различных категорий уголовного процесса и повышению к нему уважения, уровня доверия в обществе.

В оценке обоснований для назначения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, нельзя обойти стороной и обоснование, собственно, меры пресечения, связанной с заключением под стражу, поскольку нынешние нормы УПК о мерах пресечения сформулированы таким образом, что окончательные выводы о достаточности правового регулирования мер, не связанных с лишением свободы, можно сделать, лишь сопоставив их с нормами, закрепляющими заключение под стражу как меру пресечения.

На практике нередко возникают различные спорные ситуации, связанные с обоснованием применения меры пресечения в качестве заключения под стражу вместо меры, не связанной с лишением свободы. Следует отметить случаи, когда в качестве доводов суду о невозможности использования более мягкой меры пресечения, в сравнении с арестом, следствием называлось наличие у подозреваемого или обвиняемого загранпаспорта и связанной с этим возможности скрыться за границей, притом что сам загранпаспорт по факту бывает изъят при задержании и на момент предъявления ходатайства суду об избрании меры пресечения подозреваемый или обвиняемый уже не имеют его на руках. При этом известны как случаи удовлетворения, так и случаи отклонения подобных ходатайств с избранием в итоге меры пресечения, не связанной с лишением свободы [5].

В реальной действительности многие деяния, вменяемые подозреваемым и обвиняемым, относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, либо при рассмотрении фактических обстоятельств дела становится очевидной не столь высокая степень его общественной опасности. И на практике она не всегда может соотноситься с формально установленной законом максимальной мерой наказания.

Среди оснований, позволяющих устанавливать меру пресечения в форме заключения под стражу и при этом не применять иные, более мягкие меры пресечения, которые не предполагают лишение свободы, достаточно спорным представляется и отсутствие у подозреваемого или обвиняемого постоянного жилья и регистрации на территории Российской Федерации. Само по себе подобное положение вещей не может указывать на его намерение скрыться, уйти от следствия. Подобные выводы можно делать только в совокупности с другими факторами, имеющими значение для каждого конкретного дела. Факторы же, связанные с отсутствием у человека, привлекаемого в качестве подозреваемого или обвиняемого, постоянного жилья и регистрации, зачастую обусловлены непростой социально-экономической ситуацией во многих регионах России, а также возросшей мобильностью людей за последнее десятилетие.

Остаются обсуждаемыми вопросы по поводу применения мер пресечения в качестве заключения под стражу, а также игнорирования мер пресечения, не связанных с лишением свободы, в отношении подозреваемых и обвиняемых по целому ряду дел, где порой отсутствует не только

высокий уровень общественной опасности, но и лица, которые являлись бы потерпевшими от противоправных действий.

1. Голубовский В.Ю. Правоприменительная практика мер пресечения, не связанных с лишением свободы // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 20 октября 2022 г.). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. С. 338–340.

2. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.

3. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (дата обращения: 30.08.2023).

4. О внесении изменений в статью 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27.12.2018 № 543-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Журналиста Голунова отправили под домашний арест [Электронный ресурс]. URL: https://udm-info.ru/news/society/09-06-2019/zhurnalista-golunova-otpravili-pod-domashniy-arest?ind=2775 (дата обращения: 29.08.2023).

Сведения об авторе

Кунц Елена Владимировна. Доктор юридических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник.

ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, с. 1.

Ключевые слова: меры пресечения, не связанные с лишением свободы, основания, принципы, уголовное судопроизводство.

Кушнарева А.Г.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В данном исследовании проводится анализ современного состояния процессуального статуса лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении. Автор приходит к выводу о необходимости

его закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, с момента его принятия и до настоящего времени, не содержит положений, которые бы ясно определяли процессуальный статус лица, в отношении которого проводится доследственная проверка. Несомненно, данное лицо обладает некоторыми правами, предоставленными ч. 1.1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ), которые признаются конституционными и принадлежат каждому человеку с рождения. Тем не менее конкретные гарантии и механизмы реализации таких прав обычно разъясняются через толкование, предоставляемое самим УПК РФ и другими нормативными правовыми актами.

Важно отметить, что в некоторых положениях УПК РФ упоминается конкретное лицо, которое участвует в стадии возбуждения уголовного дела в качестве заявителя. Это дает общее представление о его статусе. Что касается лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, то законодатель полностью избежал определения его процессуального статуса, и его установление на законодательном уровне будет более трудоемким.

Относительно упомянутой ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ отметим, что всем участникам стадии возбуждения уголовного дела при проведении процессуальных действий обеспечивается возможность пользоваться услугами адвоката. Это означает, что участие адвоката обеспечивается не только для лица, в отношении которого проводится процессуальная проверка, но и для всех, чьи права и интересы были затронуты. Однако ст. 144 УПК РФ не является единственной, упоминающей данное право.

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы, имеет право на защитника. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 [2] уточнило, что лицо, в отношении которого осуществляются процессуальные действия, затрагивающие его права и свободы, при проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, обладает правом на защиту в целях реализации принципа уголовного судопроизводства. Право на защиту включает не только возможность пользоваться помощью защитника, но и право самостоятельно защищать свои интересы или получать помощь от законного представителя с использованием всех не запрещенных законом способов и средств.

Обязанность по разъяснению этих прав и обязанностей лицу, в отношении которого осуществляются процессуальные действия, а также обеспечение возможности их реализации лежат на должностных лицах, осуществляющих доследственную проверку. Очевидно, что задача чрезвы-

чайно трудная, если не сказать невозможная – обеспечить права, которые не прописаны непосредственно в законе.

Некоторые ученые процессуалисты высказывают идею расширения понятия «защитник» на стадию возбуждения уголовного дела, включающую приятие решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, а также саму процессуальную проверку. Однако мы не разделяем эту точку зрения, поскольку процессуальная проверка направлена на поиск основания и проверку поводов для принятия одного из процессуальных решений, а не на проведение полноценного расследования. Поэтому необходимость участия защитника на этой стадии уголовного процесса не является обязательной.

Таким образом, мы считаем, что лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь на стадии проверки сообщения о преступлении, является адвокат. В уголовно-процессуальном законе Российской Федерации процессуальный статус адвоката не установлен, но его участие в уголовном процессе гарантируется конституционным правом на защиту.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству РФ защитник назначается должностным лицом, ведущим уголовное дело, и предоставляется только подозреваемому или обвиняемому. Оплата услуг данного лица осуществляется за счет государства. В настоящее время процессуальный статус адвоката в УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела не регламентирован. Поэтому предлагаем определить процессуальный статус адвоката на указанной стадии с целью заполнения пробела в уголовно-процессуальном законодательстве РФ.

Почему до сих пор остается актуальной проблема участия адвоката в процессуальной проверке? В практической деятельности часто возникают случаи, когда лицо, не имея адвоката на стадии возбуждения уголовного дела, признает свою вину, но затем отказывается от своих показаний на более поздних этапах, утверждая, что признание осуществлялось под давлением правоохранительных органов.

Кроме того, мы считаем, что в качестве защитника на стадии возбуждения уголовного дела может выступать представитель. Согласно ст. 45 УПК РФ представителем может быть близкий родственник для несовершеннолетнего. Также представители могут обеспечивать защиту тем лицам, которые по своему физическому или психическому состоянию лишены возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Однако указанная статья регулирует их участие только после возбуждения уголовного дела. Но что насчет стадии процессуальной проверки? Мы считаем, что возможность участия представителя на данной стадии также необходима.

Перейдем к следующему вопросу, касающемуся процессуального статуса лица, в отношении которого ведется процессуальная проверка. В ранее указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ было от-

мечено, что лица, чьи права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, указывающими на направленную против них обвинительную деятельность, имеют право на защиту, независимо от их официального юридического статуса. Изучая вышесказанное, мы приходим к выводу, что уголовное преследование в отношении лица начинается еще на этапе рассмотрения сообщения о совершенном преступлении.

Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Тем самым следует обратить внимание на то, что при возникновении информации о совершенном преступлении тем или иным лицом органы предварительного следствия или дознания проводят проверочные мероприятия для сбора доказательств в отношении этого лица с целью определения его причастности к совершению преступления и далее принятия решения в виде вынесения постановления о возбуждении в отношении него уголовного дела. Из вышесказанного следует вопрос: это ли не процессуальная деятельность, направленная на изобличение лица в совершении преступления?

В ч. 2 ст. 148 УПК РФ отмечается, что при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела после проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания обязаны рассмотреть возможность возбуждения уголовного дела по факту заведомо ложного доноса, который был подан или распространен указанным лицом. Это положение, содержащее фразу «связанного с подозрением», вызывает особый интерес в контексте юридических норм. Такая формулировка текста указывает на возможность инициирования уголовного преследования еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В своем исследовании Б.Б. Булатов [3] отмечает, что уголовное преследование начинается с момента первых проверочных действий (дача объяснения, явка с повинной) и завершается полным установлением виновности или невиновности, то есть стадии уголовного процесса не применяются к началу изобличительной деятельности.

Исследование И.А. Филомоненко [4] также обращает внимание на то, что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, оказывается под подозрением в его совершении. То есть это проверка причастности данного лица к противоправному деянию. Отсюда можно сделать вывод, что уголовное преследование начинается до принятия решения о возбуждении уголовного дела, поскольку лицо, в отношении которого ведется процессуальная проверка, подвергается изобличительной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела в виде процессуальных, оперативно-разыскных и следственных действий.

Поэтому мы предлагаем определить процессуальный статус лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и включить его в гл. 7 УПК РФ как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты. Обеспечить его правами и обязанностями, подобными процессуальному статусу подозреваемого, относительно к стадии возбуждения уголовного дела.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 05.12.2022. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. Булатов Б.Б. Процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3. 39 с.

4. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2021. 283 с.

Сведения об авторе

Кушнарева Александра Геннадьевна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон РФ, лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, защитник, процессуальный статус, права и обязанности.

Лежейко П.В., Чаплыгина В.Н.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ И ФАКТОРЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ЕЕ РАЗВИТИЕ

В статье авторы рассматривают проблему профессиональной деформации сотрудников органов предварительного следствия, поскольку социальная роль данной категории специалистов неразрывно связана с пе-

реживанием отрицательных эмоций и постоянным самоконтролем поведения, предполагает высокую степень персональной ответственности, сопряжена с вынужденным служебным стрессом и риском. На основе проведенного анкетирования авторы выделяют доминирующие факторы, приводящие к профессиональной деформации сотрудников ОВД.

В психологической науке тема профессиональной деформации личности остается в фокусе внимания исследователей, а ее исследование происходит с учетом принципов отечественной психологии, в том числе научного принципа, обоснованного С.Л. Рубинштейном, о единстве сознания и деятельности [1, с. 30]. Безусловно, социальная среда и трудовая деятельность оказывают существенное влияние на ход психологического развития личности, а профессиональная сфера выступает одной из областей самореализации [2, с. 79]. При этом личностное развитие может происходить по разным сценариям и сопровождаться как позитивными изменениями (например, достижением профессионального мастерства), так и деструктивными трансформациями, одной из которых является профессиональная деформация [3, с. 92].

В целом, изучению профессиональной деформации уделяется внимание в большом количестве работ, освещающих историю происхождения данного термина, раскрывающих сущность указанного феномена, устанавливающих его взаимосвязи с иными явлениями, приводятся детерминанты профессиональной деформации, освещаются формы ее проявления, описываются типы профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел, обосновываются меры профилактики нежелательных и обусловленных профессией изменений личности специалиста.

Ученые предпринимают попытку дать психологическую характеристику рассматриваемого феномена на примере отдельных категорий сотрудников правоохранительных органов, например, оперативных уполномоченных полиции, следователей, сотрудников прокуратуры и адвокатов [4, с. 221; 5, с. 69]. Одним из первых исследователей в области юридической психологии, разрабатывавших понятие профессиональной деформации применительно к личности следователя, является А.Р. Ратинов [6, с. 121].

В конце прошлого века появляются отдельные научные статьи, посвященные исследованию профессиональной деформации сотрудников милиции и органов внутренних дел. В настоящее время анализ публикационной активности авторов на основе показателей научной электронной библиотеки ELIBRARY.RU показывает не снижающийся познавательный интерес ученых к проблеме профессиональной деформации личности.

Отметим, что в наибольшей степени профессиональной деформации личности подвержены представители человековедческих профессий, активно задействованные в деловой коммуникации и выполняющие интенсивную умственную работу, в том числе сотрудники органов предвари-

тельного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Как ранее указывала в своих исследованиях один из авторов статьи, «…к сотрудникам органов предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации предъявляются высокие требования, обусловленные насыщенностью и сложностью профессиональной деятельности» [7, с. 38; 8, с. 293]. Социальная роль данной категории специалистов неразрывно связана с переживанием отрицательных эмоций и постоянным самоконтролем поведения; предполагает высокую степень персональной ответственности; сопряжена с вынужденным служебным стрессом и риском. Названные особенности присущи социальной роли следователя, что, в свою очередь, обусловливает специфику профессиональной деформации и необходимость поиска оптимальных способов профилактики нежелательных личностных преобразований.

Сошлемся на требовании приказа МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» [9], содержащего указание на необходимость осуществления мероприятий психологической работы, направленных на предупреждение профессиональной деформации личности сотрудников.

Определение профессиональной деформации личности следователя в системе МВД России и факторы, вызывающие ее развитие

Вопрос об определении профессиональной деформации личности следователя представляется не вполне однозначным ввиду некоторого разнообразия взглядов на рассматриваемый феномен. Как справедливо подчеркивают Я.А. Корнеева и Н.Н. Симонова, опираясь на обобщение разных мнений, исследователи феномена «профессиональная деформация» не отличаются единым взглядом на его смысл, кроме признания того, что данное явление – это, прежде всего, личностные изменения, происходящие под влиянием выполнения профессиональной роли [10, с. 84].

В наиболее целостном виде следует обозначить две тенденции, согласно которым в одном случае изучаемый феномен трактуется как отрицательные изменения личности, а в другом – не вполне однозначное явление, иногда парадоксально сочетающееся с успешностью профессиональной деятельности и положительным профессиональным опытом. Вместе с тем общепринято считать, что профессиональная деформация обусловлена спецификой профессиональной деятельности и соответствующей ей социальной роли, а формы её проявления носят в значительной мере нежелательный характер.

Обратимся к отдельным точкам зрения на трактовку профессиональной деформации личности следователя. Так, А.М. Багмет пишет, что профессиональная деформация личности наступает, когда личность утрачивает способность к преодолению профессиональных стереотипов в других социальных ролях и контекстах жизнедеятельности и не перестраивает свое по-

ведение сообразно ситуации [11, с. 276]. А.А. Ширванов, Е.В. Камнева под профессиональной деформацией сотрудников правоохранительных органов (оперативных работников, дознавателей, следователей) понимают трансформацию в отрицательную сторону их личных качеств в результате профессиональной деятельности, служебных и внеслужебных отношений в коллективе [12, с. 117]. А.В. Бычков, И.Н. Егерев, О.А. Егерева трактуют профессиональную деформацию как результат искажения профессиональных и личностных качеств работника органа правопорядка под влиянием отрицательных факторов деятельности и окружающей среды [13, с. 441].

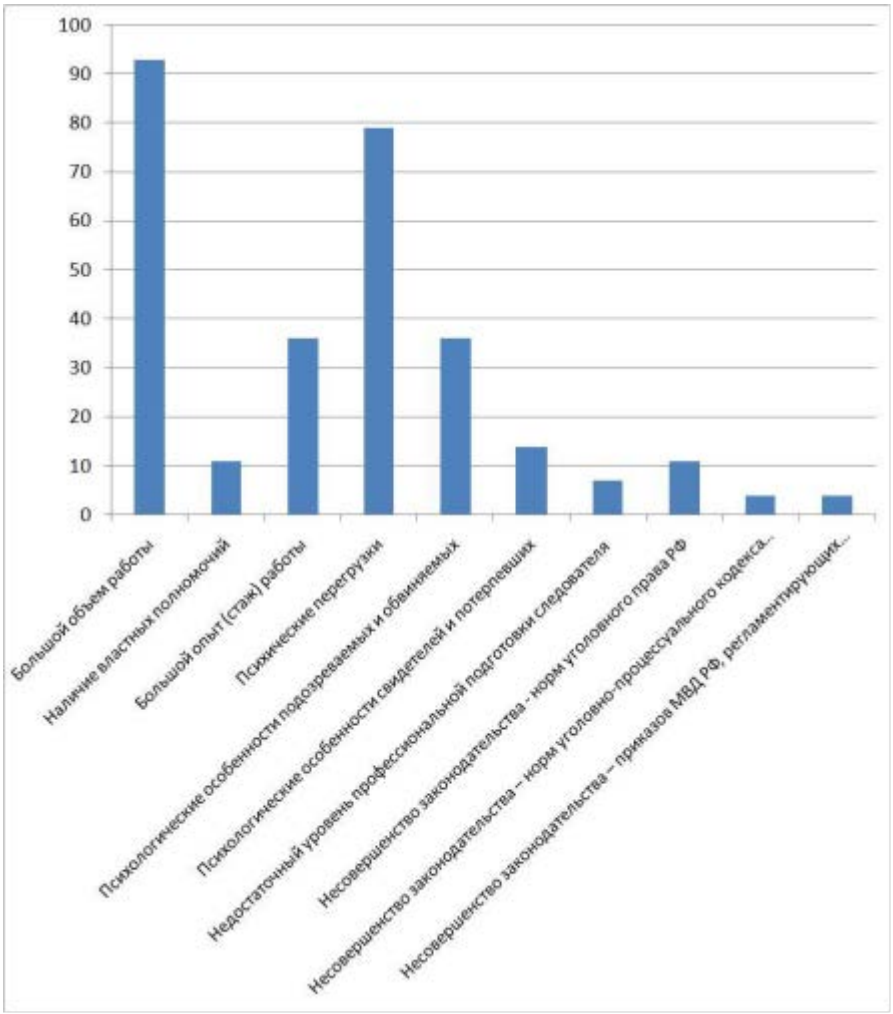
А.Ю. Мохов и Ю.А. Банюко, апеллируя к мнению Ю.А. Цветкова, справедливо отмечают, что профессиональная деформация личности следователей может отличаться различной степенью выраженности и приводить к неадекватному поведению и снижению уровня профессиональной компетентности [14, с. 126; 15, с. 29].

Анализируя ответы опрошенных нами респондентов, отметим определенную меру сходства их точек зрения с типичным представлением о профессиональной деформации личности, встречающимся в научной литературе. Вместе с тем полученные ответы-ассоциации отличаются оригинальностью и приведены в гистограмме 1.

Как видим, наиболее часто называемым ответом-ассоциацией является категория «профессиональный стресс» (67,86 % ответов), далее по популярности следует термин «профессиональный менталитет» (57,14 %), а затем понятия «профессиональная компетентность» (46,43 %) и «профессиональная адаптация» (46,43 %). При этом 89,29 % респондентов согласились с наличием непосредственной (прямой) взаимосвязи между профессиональной деформацией личности и профессиональным стрессом, отмечая причинно-следственную связь между этими явлениями, порождаю-

щий деформацию характер стресса; утверждая, что стресс – это компонент профессиональной деформации или даже идентичное с нею явление. Кроме того, 67,85 % участников опроса считают, что существует взаимосвязь между профессиональной деформацией личности и профессиональным мастерством следователя, что объясняется, в частности, параллельным и одновременным формированием профессионального мастерства и профессиональной деформации, накоплением профессионального опыта, большой вовлеченностью в процесс выполнения служебных обязанностей и переживанием чувства ответственности за итог работы. Одновременно 60,71 % опрошенных отмечают взаимосвязь между профессиональной деформацией личности и профессиональной некомпетентностью сотрудника органов предварительного следствия в системе МВД России, составляющими своеобразное противоречие и обусловливающими невозможность полноценного выполнения следователем своих обязанностей.

Факторы, способствующие развитию профессиональной деформации личности следователя, с точки зрения респондентов, приводятся нами в ответах на вопрос закрытого типа, отраженных в гистограмме 2.



Так, доминирующими и взаимообусловленными факторами из числа предложенного перечня являются большой объем работы (92,86 % ответов) и психические перегрузки (78,57 % ответов). Подтверждая данную точку зрения мнением авторов, отраженным в публикациях, стоит в числе доминирующих факторов профессиональной деформации личности упомянуть эмоционально-психологические нагрузки повышенной интенсивности; высокую индивидуальную ответственность за принятие решений; повышенную напряженность и эмоциональность в служебном коллективе; взаимодействие с сотрудниками в служебном коллективе, имеющими выраженную профессиональную деформацию [13, с. 441].

Также исследователи выдвигают положения о существовании двух групп факторов, приводящих к профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел, а именно:

1) влиянии особенностей профессиональной деятельности с увеличением стажа службы (прежде всего, оказывают воздействие негативные особенности содержания, условий и организации деятельности);

2) рассогласовании индивидуально-психологических личностных особенностей и личностно-профессиональных требований к отдельным должностным категориям сотрудников органов внутренних дел [16, с. 384].

Таким образом, в статье приведено определение феномена профессиональной деформации личности и обозначены причины, его вызывающие. Достижение более полного понимания сущности профессиональной деформации личности возможно при условии дальнейшего изучения этого явления, что позволит обозначить пути профилактики нежелательных личностных изменений следователя.

---

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 145 с.

2. Чаплыгина В.Н., Посохина Д.Г. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию уголовного розыска России, 2018. С. 77–81.

3. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Г. Оценка эффективности следственной деятельности в России: размышления и выводы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2. С. 91–95.

4. Безносов С.П. Индивидуально-психологические особенности сотрудников подразделений уголовного розыска на транспорте в связи с риском профессиональной деформации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 220–230.

5. Светова Л.Н. Психологические аспекты профессиональной деформации адвокатов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 1 (50). С. 67–73.

6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей: учебное пособие. М., 1967. 153 с.

7. Чаплыгина В.Н. Структурный подход в описании профессии следователя // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: научное электронное издание, 2018. С. 37–42.

8. Чаплыгина В.Н. Компетентностный подход в профессиографическом описании деятельности следователя // Следствие в России; три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции / под общей редакцией А.И. Бастрыкина, 2017. С. 291–297.

9. Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.09.2013 № 660. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 2. С. 80–106.

11. Багмет А.М. Этика следственной деятельности: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2018. С. 276.

12. Ширванов А.А., Камнева Е.В. Профессиональная деформация личности как причина нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Научный портал МВД России. 2008. № 3. С. 115–118.

13. Бычков А.В., Егерев И.Н., Егерева О.А. Проблемы эффективности применения тактико-психологических аспектов криминалистической тактики практической деятельности сотрудников следственных органов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 438–446.

14. Мохов А.Ю., Банько Ю.А. Деформации правосознания работников следственных органов: вопросы теории и практики // Наука. Исследования. Практика: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 125–127.

15. Цветков Ю.А. Профессионально-психологические типы следователей // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1. С. 21–32.

16. Еремеев С.Г., Тюфяков Н.А., Шахматов А.В. Влияние особенностей профессиональной деятельности на психофизиологическое состояние сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4 (83). С. 383–389.

Сведения об авторах

Лежейко Полина Викторовна. Следователь отделения по расследованию имущественных преступлений.

Отдел полиции № 4 СУ УМВД России по г. Ростов-на-Дону.

302027, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, Буденовский пр-т, д. 46.

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: профессиональная деформация, сотрудник органов внутренних дел, следователь, факторы.

Лисицын А.Г.

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД

В настоящее время раскрытие преступлений коррупционной направленности, в частности взяточничества, имеет свою специфику. Подобные преступления тщательно скрываются, а соответственно, для их выявления требуется своеобразный подход. В данной статье будут рассмотрены различные методы, которые способствуют выявлению указанного вида преступлений.

На сегодняшний день, наряду с такими серьезными проблемами нашей страны, как кризис экономики, напряженность в обществе вследствие пандемии, неразрешенность социальных проблем, выделяется вопрос о коррупции. Международные эксперты считают, что Россия является наиболее коррумпированным государством мира, уступая в рейтингах только африканским и азиатским странам.

По мнению авторов, существующие в данный момент средства, возможности и полномочия способствуют раскрытию преступлений коррупционной направленности, но при этом нуждаются в повышении их эффективности.

Стоит отметить, что коррупция в системе МВД России по-прежнему остаётся на достаточно высоком уровне. Количество жалоб на сотрудников правоохранительных органов уже давно не поддаётся никаким подсчётам.

По словам Генерального прокурора РФ, больше всего приговоров за коррупцию с января по сентябрь 2021 г. было вынесено в отношении полицейских (672 из 898). При этом нельзя сказать, что государство оставляет данную проблему без внимания [1]. В этой связи можно отметить, что подобное явление негативно сказывается на раскрытии иных преступлений, представляющих серьёзную угрозу для общества и государства. Так, например, происходит усиление влияния преступных групп и сообществ, которые находятся под покровительством коррумпированных сотрудников.

Особая роль отводится оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) относительно вопросов раскрытия преступлений коррупционной направленности. Поэтому целесообразным представляется изучить оперативно-разыскные методы, а также выявить недостатки и найти пути их устранения.

Как показывает практика, правоохранительные органы не сильно заинтересованы в приобщении средств массовой информации к их основной деятельности. С одной стороны, можно отметить, что специфика работы правоохранительных органов не позволяет в полной мере сделать их работу полностью открытой для общественности, с другой – привлечение граждан к содействию правоохранительным органам может оптимизировать сложный процесс раскрытия преступлений коррупционной направленности. Также подобное взаимодействие сможет оказать положительный эффект на повышение уровня доверия граждан к правоохранительным органам.

Статистика доверия граждан к правоохранительным органам, представленная за прошлый год ВЦИОМ, говорит, что чуть больше половины граждан (57 %) доверяют правоохранительным органам[1]. Остальные относятся к ним скептически, что обусловлено в том числе встречающимися на практике случаями получения взяток.

Таким образом, сеть Интернет и иные средства массовой информации могут стать непосредственными источниками оперативно-значимой информации. Во многом преимущество такого способа предоставления информации заключается в анонимности. Нежелание граждан действовать от своего имени вполне оправданно, так как подача жалобы в этом случае может спровоцировать в отношении лица негативные последствия со стороны руководителя организации или лиц, которые имеют отношение к противоправной деятельности. Кроме того, сотрудники могут самостоятельно проводить мониторинг сайтов, имеющих антикоррупционный характер, для последующего выявления и раскрытия преступлений. Однако нельзя сказать, что данный способ получения информации является основным.

[1] По статистике одобрения деятельности общественных институтов, представленной ВЦИОМ 18.04.2022.

В ОРД, направленной на раскрытие преступлений коррупционной направленности, в частности получение взятки должностным лицом, особый интерес представляет проведение оперативного эксперимента. На основании практического опыта можно сказать, что подобное мероприятие постепенно отходит на второй план. В этом случае это обосновано тем, что зачастую при раскрытии преступлений по ст. 291 Уголовного кодекса Российской Федерации происходит проблема определения границ проведения оперативного эксперимента. П.С. Яни считает, что если субъекты ОРД обладают информацией о постоянном получении взяток, но выявить не удаётся ни одного из таких конкретных случаев, равно как и прямых требований, адресованных какому-либо определённому лицу, проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на изобличение взяточника, должно быть именно инициативным [2]. Проводится оперативный эксперимент – преступление в известном смысле моделируется. Однако зачастую сотрудник, который проводил указанное мероприятие, сам оказывается подозреваемым в совершении преступления.

Исходя из позиции достаточно большого числа авторов, проведение оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент» должен инициировать следователь, а сотрудник оперативного подразделения, в свою очередь, с помощью иных мероприятий и использования специальных средств должен предоставить сведения о том, что умысел на совершение коррупционного деяния сформировался у лица заранее, до проведения оперативного эксперимента.

На сегодняшний день в целях недопущения возможности трактовать действия сотрудника как вымогательство взятки используются средства объективного контроля. Так, в соответствующих помещениях устанавливаются средства негласного видеонаблюдения и аудиопрослушивания.

Стоит отметить, что раскрытие преступлений, связанных с получением взятки, равно как и наоборот, является порой достаточно длительным и трудоёмким процессом, который порой требует от сотрудника нестандартных решений.

В этой связи выделяют отсутствие необходимой подготовки у сотрудников оперативных подразделений, а также опыта в раскрытии подобных преступлений. Следует отметить, что, как правило, недостаток квалификации относится не только к сотрудникам оперативных подразделений, но и следствия. Так, встречаются случаи, когда следователь при получении заявления о готовящейся передаче взятки не предпринимает должных мер. В первую очередь причиной этому является отсутствие знаний о том, как необходимо действовать при раскрытии подобных преступлений.

Стоит сказать, что также необходимо правильно выстроенное взаимодействие оперативных подразделений и следственного органа. Особенно важно такое взаимодействие по вопросам составления доказательственной базы.

Таким образом, раскрытие преступлений коррупционной направленности, в частности взяточничества, имеет свою специфику. Подобные преступления тщательно скрываются, а соответственно, для их выявления требуется своеобразный подход. На сегодняшний день разработаны различные методы, которые способствуют выявлению данного вида преступлений. Однако по-прежнему имеются проблемные стороны, которые требуют корректировки.

---

1. Полицейских в 2021 году чаще других правоохранителей осуждали за коррупцию [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20211209/korruptsiya-1762876118.html.

2. Яни П.С. «Проверка на честность», или Уголовно-правовые основания выявления взяточничества // Законность. 2007. № 1. С. 32–37.

Сведения об авторе

Лисицын Андрей Григорьевич.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

3020227, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: преступление, коррупция, оперативно-разыскные методы, информация, раскрытие, выявление.

Лукьянчикова С.А.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАННЫХ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются особенности использования отдельных данных бухгалтерского учета при предупреждении, выявлении и расследовании преступлений экономической направленности в конкретных хозяйствующих субъектах.

Проблема хищений материальных ценностей в различных хозяйствующих субъектах по-прежнему остается актуальной. Сегодня правоохранительные органы принимают активное участие в противодействии данному виду преступных посягательств. Однако преступность тоже не стоит на месте: постоянно создаются новые способы совершения преступлений, особенно в сфере экономической деятельности. Несмотря на это,

основная задача правоохранительных органов заключается именно в выявлении и раскрытии подобных противоправных деяний с учетом всех возможных способов и средств их совершения.

Наиболее востребованным способом совершения преступлений в пределах хозяйствующих субъектов является использование подложных бухгалтерских документов. В этой связи сотруднику правоохранительных органов важно уметь устанавливать наличие таких объектов, определять способ их составления и механизм использования при реализации умысла на совершение преступления из корыстных побуждений.

В первую очередь для установления факта наличия подложной документации следует определить, как изначально должен выглядеть настоящий документ, то есть определить его характеристики, которые закреплены в соответствующих нормативных правовых актах.

Необходимо обозначить ряд требований, которые должны выполняться при составлении первичного учетного документа. Такие требования имеют нормативное закрепление и содержатся в ст. 9 Закона № 402-ФЗ [1]. Приведем их:

документ составляется в строго установленной форме, включая реквизиты, которые необходимо указывать при его составлении;

совершенные хозяйственные операции, указанные в документе, не должны носить противоправный характер, то есть по своему содержанию операции должны быть в рамках действующего законодательства;

документ не должен содержать сведения, не соответствующие действительности, то есть он составляется на основе реально совершенных хозяйственных операций;

документ должен быть составлен своевременно, то есть первичный учетный документ должен составляться на момент совершения хозяйственной операции, при этом, если составить такой документ в указанный срок не представляется возможным, его необходимо оформить непосредственно после его окончания.

Стоит отметить, что для принятия решения о неполноценности или недоброкачественности первичного документа необязательно фиксировать факт нарушения всех представленных требований, достаточно одного из вышеперечисленных. Например, если лицо не указывает в ходе заполнения первичного документа необходимые реквизиты. В данном случае следует указать, что такой документ будет подлинным, хотя по своему содержанию он считается неполноценным, так как изначально были нарушены формальные требования по его составлению. Также стоит отметить, что Национальный стандарт Российской Федерации в качестве подлинного документа указывает «документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения» [2, с. 15].

Рассматривая представленное понятие, достаточно обоснованно будет утверждать, что оно не раскрывает в полном объеме содержание категории «подлинный документ», так как отсутствует признак достоверности. Однако, например, относительно электронного документа законодатель выделяет такую характеристику. На наш взгляд, такая позиция законодателя не совсем понятна. Признак достоверности имеет большое значение при оформлении документации, а соответственно, им должен обладать не только электронный, но и письменный документ. В этой связи целесообразно дополнить понятие «подлинный документ» указанным признаком.

На основе работы А.А. Жижиленко представляется возможным рассмотреть основные способы совершения подлога документов:

печать и документ не являются подлинными;

печать на документе настоящая, но сам документ является фальшивым;

подлинный документ содержит искаженные данные, печать при этом не изменялась;

внесение дополнительных данных в подлинный документ [3, с. 223].

Как показывает практика, деятельность по выявлению преступлений, связанных с хищением финансовых и материальных ценностей, находящихся в распоряжении хозяйствующего субъекта, имеет проблемные аспекты. В первую очередь это связано с особенностями способа совершения таких преступлений.

Так, одним из способов совершения указанного противоправного деяния является подделка подписи в первичном документе. При осуществлении непосредственной проверки на предмет противоправных действий не всегда с первого раза удается выявить подобные факты в экономической деятельности хозяйствующего экономического субъекта. На практике встречаются случаи, когда изначально действия лица принимают за легитимные. В свою очередь, сотрудник должен не только выявить факт совершения указанных противоправных действий, но и уметь правильно собрать доказательственную базу для дальнейшего привлечения виновного лица к ответственности. Для этого в процессе расследования ему требуется принять меры к установлению умысла лица на совершение действий по завладению имуществом или приобретению прав на него, в результате чего и происходит незаконное приобретение имущества виновным. Для этого сотрудникам правоохранительных органов необходимо обладать специальными криминалистическими и экономическими знаниями.

При совершении хищения в рамках хозяйствующего субъекта сотрудник организации, как правило, который является материально-ответственным лицом, выходит за рамки своих должностных полномочий, а именно может осуществлять действия по завышению итоговой суммы в платежных ведомостях. В данном случае недобросовестный сотрудник выигрывает в свою пользу денежные средства за счет разницы между вы-

данной суммой и специально завышенной, и отраженной в соответствующем документе.

Также стоит отметить, что по-прежнему присутствует хищение депонированной заработной платы. Однако подобного вида хищения с каждым годом снижаются, так как большинство организаций пользуется безналичной выдачей заработной платы. Так, рассматриваемый способ представляет собой присвоение наличных денежных средств путем составления подложных ведомостей в целях их списания, а также подделки подписи сотрудника, который доложен получать плату. Кроме того, как показывает практика, распространены случаи, когда лицо, уполномоченное составлять ведомости, включает в них ранее уволенных или не имеющих отношения к данному хозяйствующему субъекту лиц.

Можно отметить, что механизм совершения подлога имеет некоторые различия, которые зависят от конкретной сферы экономической деятельности, которую осуществляет хозяйствующий субъект.

Если рассмотреть способ хищения с использованием подложных бухгалтерских документов на примере ломбарда, то можно выделить ряд наиболее характерных для него особенностей. Во-первых, составление товароведом-оценщиком поддельной документации, а именно залоговых билетов. В этом случае лицо вносит в соответствующий документ данные о несуществующем лице, а также его залогах и видных займах. После его оформления товаровед-оценщик прилагает их к кассовым отчетам [4, с. 131].

Подводя итог, стоит отметить, что ряда негативных последствий от противоправной деятельности злоумышленников можно избежать при должной осмотрительности. Большое значение для пресечения преступлений в указанной сфере имеет своевременное проведение инвентаризации.

При этом обоснованно указать, что не только от деятельности правоохранительных органов зависит снижение числа совершаемых хищений материальных ценностей и денежных средств хозяйствующих субъектов, но и от правильно организованного внутреннего бухгалтерского контроля. Своевременное выполнение контрольных функций поможет выявить и вовремя принять меры к недопущению финансовых потерь и убытков.

---

1. Быковская Ю.В. Анализ методов оценки материального ущерба от преступлений экономической направленности // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 294–303.

2. Крамаренко И.А. Методы и инструментарий измерения и оценки теневой экономики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2. С. 129–132.

3. Власов А.П. Методы оценки теневой экономики // Национальная безопасность // Nota Bene. 2015. № 3. С. 417–426.

4. Кондратьева Е.А. Теневая экономика: проблемы оценки // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 10. С. 103–113.

Сведения об авторе

Лукьянчикова Светлана Анатольевна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

3020227, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, экономика, экономическая безопасность, преступления, учет, финансовая отчетность.

Марковичева Е.В.

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО

В статье рассматриваются проблемы возмещения имущественного и морального вреда в усложненных производствах по уголовным делам. Автор анализирует некоторые проблемы, связанные с ограниченными возможностями предъявления и удовлетворения гражданского иска по таким делам.

Институт гражданского иска в уголовном процессе призван обеспечить наилучшее достижение назначения уголовного судопроизводства, определенное в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), и ориентирован на возможное восстановление прав потерпевшего, пострадавшего от преступления. Именно такое целеполагание определяет включение в систему публичного уголовно-процессуального правового регулирования отдельных норм частного права. Хотя «у лица, которому причинен имущественный вред, есть два варианта защиты своих нарушенных или оспоренных гражданских прав: либо в отдельном гражданском судопроизводстве, либо в рамках уголовного судопроизводства путем предъявления гражданского иска» [1, с. 7], разрешение гражданско-правовых требований в рамках производства по уголовному делу потерпевшему видится как минимум более простым и очевидным.

Однако реальные возможности применения в уголовном процессе базовых положений гражданского права о возмещении вреда носят ограниченный характер, и изначально их правовосстановительный потенциал ниже, чем в рамках гражданского судопроизводства. Об этом неоднократ-

но писали исследователи, подчеркивая, что «утверждение о том, что гражданский иск в уголовном деле представляет собой механизм эффективной судебной защиты прав потерпевшего, выглядит излишне оптимистичным» [2, с. 12].

На этот аспект в том числе обращает внимание и Пленум Верховного Суда РФ, указывающий в п. 12 постановления Пленума от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», что «требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего» требуют своего разрешения за пределами уголовного процесса [3].

В рамках производства по уголовным делам, где реализуются особые механизмы защиты прав «уязвимых» уголовно преследуемых лиц, возможности компенсации потерпевшему вреда, причиненного преступлением, еще дополнительно сужаются. Речь идет о производствах, которые традиционно относят к усложненным по субъектному составу, то есть к производству по уголовным делам несовершеннолетних и производству о применении принудительных мер медицинского характера.

Такая специфика субъектного состава чаще всего существенно ограничивает возможности компенсации лицу, пострадавшему от преступления, имущественного и морального вреда.

По общему правилу достижение лицом возраста уголовной ответственности позволяет привлекать его и к гражданско-правовой ответственности, но с рядом оговорок, закрепленных в нормах частного права. Статья 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) регламентирует привлечение к ответственности несовершеннолетнего, достигшего возраста четырнадцати лет. И хотя часть первая данной статьи определяет, что несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет несет ответственность за причиненный вред на общих основаниях, привлечение несовершеннолетних в качестве гражданских ответчиков в уголовном процессе носит проблемный характер и часто не позволяет потерпевшему реализовать соответствующие законные правовые притязания на возмещение. Источником этих проблем является сложный характер гражданско-правовой правосубъектности несовершеннолетних и недостатки ее правового регулирования, на что справедливо обращают внимание не только специалисты в области уголовного процесса, но и ученые-цивилисты [4, с. 40]. На практике возможности удовлетворения гражданско-правовых требований к несовершеннолетнему обвиняемому или подсудимому обычно ограничены его материальными возможностями. Подростки чаще всего не имеют в собственности имущества и источников дохода, позволяющих компенсировать вред, причиненный преступлением. Привлечение к субсидиарной ответственности их законных представителей также часто не решает проблему, так как, во-первых, такая ответствен-

ность имеет срочный характер (до достижения возраста восемнадцатилетия или появления у несовершеннолетнего самостоятельных доходов), а во-вторых, подростки-правонарушители часто живут в той маргинальной среде, в которой и возложение субсидиарной ответственности является проблематичным. Возникают проблемы и с установлением субсидиарных ответчиков по таким искам, если несовершеннолетний находится в учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей [5, с. 180].

Если к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, подсудимому гражданский иск может быть предъявлен в уголовном процессе и даже разрешен судом, то в рамках производства в порядке, предусмотренном гл. 51 УПК РФ, такой возможности нет, и потерпевшему остается только обращаться за защитой своих прав и возмещением вреда уже в порядке гражданского судопроизводства. К сожалению, здесь возможности возмещения вреда еще более ограниченные, поскольку ч. 1 ст. 1078 ГК РФ фактически освобождает лицо от гражданско-правовой ответственности за причиненный вред, если он причинил его «в таком состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий или руководить ими».

И хотя часть вторая рассматриваемой статьи предусматривает право суда возложить обязанность по возмещению вреда полностью или частично на причинителя вреда, «если вред причинен жизни или здоровью потерпевшего» и «с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств», на практике данная норма к отношениям, вытекающим из совершения уголовно наказуемого деяния невменяемым лицом, не применяется. Возложить ответственность на третьих лиц также затруднительно, так как: 1) круг лиц ограничен; 2) эти лица должны быть трудоспособными и проживать вместе с причинителем вреда; 3) необходимо доказать их виновное поведение, связанное с непринятием мер по признанию психически больного родственника недееспособным. К сожалению, эти нормы становятся реальным препятствием для потерпевших получить возмещение имущественного и морального вреда вследствие противоправных действий невменяемых лиц.

Отметим, что по указанным категориям уголовных дел нередко наблюдается «пониженный» стандарт доказывания размера имущественного вреда, причиненного преступлением, поскольку для должностных лиц органов предварительного расследования соответствующая процессуальная деятельность является трудоемкой, но малоперспективной в плане разрешения уголовного дела по существу. В итоге, разрешая эти дела в порядке уголовного судопроизводства, суд нередко оставляет потерпевшего без какой-то имущественной компенсации. Проблема существует уже достаточно давно и, безусловно, требует своего решения.

Представляется, что по уголовным делам, где уголовное преследование осуществляется в отношении лица с особенностями гражданско-правовой дееспособности, возмещение должно производиться за счет

бюджетных средств с последующей возможностью предъявления регрессного иска в гражданском судопроизводстве. А это, в свою очередь, требует возвращения к обсуждению вопроса о создании фонда, из которого может компенсироваться вред потерпевшим, если отсутствует реальная возможность его компенсации уголовно преследуемым лицом.

1. Михайлова Е.В. Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики // Российский судья. 2021. № 12. С. 7–11.

2. Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле – «лед» и «пламень» в одном флаконе // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9–15.

3. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 13.10.2020 № 23 // Рос. газ. 2020. 23 окт. № 240.

4. Булавина М.А., Долинская В.В., Заикина И.В. Проблемы правосубъектности несовершеннолетних // Современное право. 2023. № 6. С. 40–46.

5. Аникина М.С. Проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 179–187.

Сведения об авторе

Марковичева Елена Викторовна. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной.

Российский государственный университет правосудия.

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное преследование, гражданский иск, несовершеннолетний обвиняемый, уголовно преследуемое лицо с психическим расстройством.

Медведева И.Н.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ И ОБВИНЯЕМЫМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ИЗБРАНЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Статистические данные свидетельствуют о ежегодном росте количества случаев применения альтернативных заключению под стражу

мер пресечения (запрет определенных действий, залог и домашний арест). Начиная с декабря 2011 г. контроль за исполнением домашнего ареста возложен на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России, которые при этом не наделены необходимыми полномочиями по контролю за данной мерой пресечения в части, касающейся запрета на получение и отправление корреспонденции, использование средств связи и сети Интернет.

Статистические данные о деятельности судов свидетельствуют о ежегодном росте количества подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избраны альтернативные заключению под стражу меры пресечения.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – СД РФ), лишь только в 2022 г. меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста избирались в отношении 4 770 подозреваемых и обвиняемых [1].

В исследовании С.А. Бажанова приводится ряд статистических данных о практике применения судом, дознанием и следствием одной из альтернативных заключению под стражу мер пресечения – домашнего ареста. В частности, если в 2002 г. домашний арест избирался в отношении 17 человек, то в 2010 – 668, а в 1-м квартале 2023 г. – 12 268 человек [2, с. 248].

По нашему мнению, отправной точкой в действительном применении домашнего ареста следует считать принятие поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), внесенных Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Указанный закон, помимо прочих изменений, во-первых, возложил на уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний функции (далее – инспекции) по осуществлению контроля за исполнением подозреваемыми или обвиняемыми условий домашнего ареста, во-вторых, наделил сотрудников инспекций полномочиями по гласному применению к подконтрольным лицам технических средств контроля.

Очередные изменения в УПК РФ, касающиеся рассматриваемых мер пресечения, но на этот раз не в части, касающейся домашнего ареста, но и залога и запрета определенных действий, были внесены Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ. В результате внесенных изменений из домашнего ареста в самостоятельную меру пресечения выделен запрет определенных действий (ч. 1.1 ст. 97 и ст. 105.1 УПК РФ). Помимо того, законодатель предусмотрел в законе возможность для судов наложение некоторых запретов определенных действий при избрании меры пресечения в виде залога (запреты определенных действий, предусмотренные пп. 2–6 ст. 105.1 УПК РФ) и домашнего ареста (запреты определенных действий, предусмотренные пп. 3–5 ст. 105.1 УПК РФ).

С точки зрения А.В. Орлова и Н.В. Грязевой, такой порядок фактически разрешил правоприменителю избирать одновременно несколько мер пресечения, что является прямым нарушением требований ч. 1 ст. 97 УПК

РФ о допустимости избрания подозреваемому или обвиняемому исключительно одной меры пресечения [3, с. 62].

Как сказано выше, с декабря 2011 г. обязанность по осуществлению контроля за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, а также их доставка в орган дознания, следствие и суд возложена на инспекции.

Здесь необходимо отметить, что до 2011 г. функции по контролю за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми условий избрания домашнего ареста суд по своему усмотрению возлагал на сотрудников и работников органов государственной власти и местного самоуправления, что в конечном итоге приводило к правовым коллизиям. Примеры подобных ситуаций приведены в исследовании В.С. Шадрина [4, с. 45]. Например, имели место случаи возложения судом надзора за поведением подозреваемых или обвиняемых, помещенных под домашний арест, на участковых уполномоченных, на заместителей руководителей районных отделов органов внутренних дел по линии милиции общественной безопасности, на руководителей конкретных отделов и отделений органов внутренних дел, межрайонные уголовно-исполнительные инспекции, на должностных лиц органов дознания и следствия, в производстве которых находилось уголовное дело, на Департамент собственной безопасности МВД России и даже на администрацию муниципальных образований [4, с. 45].

В целях контроля за подозреваемыми или обвиняемыми сотрудники инспекций вправе применять аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134. Данные технические средства контроля главным образом позволяют лишь отследить место нахождения контролируемого лица, его передвижение в пространстве с помощью сетей подвижной радиотелефонной или стационарной связи, а также при необходимости вызвать представителей экстренных служб или связаться подозреваемому или обвиняемому с контролирующим органом.

Основным межведомственным нормативным актом, регламентирующим права и обязанности контролирующего органа при осуществлении контроля за подозреваемыми или обвиняемыми, является совместный приказ Минюста России, МВД России, Следственного Комитета России, Федеральной службы безопасности России от 31.08.2020 № 189/603/87/371 (далее – Порядок контроля).

Согласно Порядку контроля инспекция приступает к осуществлению своих обязанностей с момента регистрации постановления суда об избрании меры пресечения в журнале входящих документов и учета подозреваемых и обвиняемых. С этого дня инспекция готовит и рассылает запросы и уведомления в суд, территориальный орган полиции по месту исполнения меры пресечения, в военный комиссариат, в организацию, предоставляю-

щую услуги доступа к сотовой и стационарной связи, а также информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Первое посещение подозреваемого или обвиняемого по месту исполнения меры пресечения предполагает проведение с ним беседы и проверку его документов, а также заполнение и подписание различных документов (анкеты, обязательств и расписок).

По решению начальника инспекции к подконтрольному лицу могут применяться технические средства контроля. В таком случае количество обязательных проверок подозреваемого или обвиняемого по месту исполнения меры пресечения сокращается с двух до одного раза в неделю. Данный порядок не распространяется на случаи, связанные с нарушением подконтрольным лицом условий избрания меры пресечения. В подобных ситуациях проверка проводится незамедлительно для фиксации и документирования факта нарушения.

Порядок контроля предписывает должностным лицам инспекций подвергать тщательной проверке все выявленные нарушения меры пресечения со стороны подозреваемых или обвиняемых. Срок такой проверки не должен превышать 10 суток. В ходе проверки подлежат установлению такие обстоятельства, как дата и время нарушения, причины и условия, способствовавшие его совершению, а также сбор сведений, подтверждающих нарушения. Результаты проверки оформляются в виде заключения, которое в течение 48 часов направляется в суд для изменения меры пресечения либо в орган предварительного расследования, в зависимости от стадии его рассмотрения.

К сожалению, в Порядке контроля отсутствуют пояснения, рекомендации или инструкции сотрудникам инспекций по обеспечению контроля за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми таких запретов, как использование средств связи и сети Интернет, отправление и получение корреспонденции. На практике контроль в данной части сводится к направлению запросов и проведению профилактических бесед с подконтрольными лицами. Подобные формы контроля явно недостаточны для целей избрания меры пресечения.

Как известно, получить информацию о действиях подозреваемого или обвиняемого, связанных с направлением и получением корреспонденции, использованием средств связи и сети Интернет, возможно лишь путем проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в порядке, предусмотренном ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ, либо следственных действий в порядке, предусмотренном ст. 165, 186, 186 и 186.1 УПК РФ.

В любом случае проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, в том числе на тайну телефонных переговоров и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической связи, допускается исключительно на основании судебного решения. Для

проведения вышеуказанных следственных действий также необходимо соответствующее разрешение суда.

Таким образом, проблемы осуществления контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет подозреваемыми или обвиняемыми не сводятся лишь к трудностям, возникающим в связи с данной деятельностью. Вопрос стоит гораздо шире. Приведем лишь некоторые положения: 1) отсутствие механизма осуществления функций контроля за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми запрета на использование средств связи и сети Интернет; 2) необходимость обеспечения контролирующего органа (инспекций) современными техническими средствами и программным обеспечением, предназначенным специально для целей контроля за соблюдением запрета на применение средств связи и сети Интернет; 3) нарушение контролирующим органом конституционных прав третьих лиц, проживающих совместно с подучетным лицом на законных основаниях, в ходе исполнения наложенных судом запретов.

1. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (Форма 11.2) за 2022 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. 2023. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.08.2023).

2. Бажанов С.А. К вопросу о правомочии сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по проведению некоторых процессуальных действий в отношении подконтрольных лиц, находящихся под домашним арестом // Право и управление. 2023. № 6. С. 247–251.

3. Орлов А.В., Грязева Н.В. Содержание и правовая регламентация запретов как элемента системы мер пресечения в российском уголовном процессе // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 3 (39). С. 61–65.

4. Шадрин В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения // Криминалистъ. 2012. № 1. С. 45–51.

Сведения об авторе

Медведева Инна Николаевна. Научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15А, с. 1.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, альтернативные заключению под стражу меры пресечения, контроль, запрет определенных действий, домашний арест.

Миронова А.В., Мандрыка Ю.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В данной статье авторами рассматриваются некоторые психологические аспекты, применяемые следователями и дознавателями при подготовке и производстве следственного эксперимента. При этом особое внимание уделено анализу различных психологических обстоятельств, которые могут быть использованы при расследовании уголовных дел.

При расследовании уголовных дел нередко возникает необходимость проверки и уточнения показаний потерпевших, свидетелей, подозреваемых и иных лиц. Проведение таких экспериментальных опытов осуществляется с помощью следственного эксперимента.

Знание следователем (дознавателем) тактических и психологических особенностей производства следственных действий, грамотная фиксация хода и результатов их проведения способствуют повышению эффективности, полноты и объективности расследования.

К психологическим особенностям (аспектам) следственного эксперимента относятся: индивидуальная способность лица к восприятию и запоминанию обстоятельств, при которых произошло событие; пространственная (топографическая) ориентация лица; психологическое воздействие на лицо, которое повторно присутствует на месте происшествия [1, с. 26].

Запоминание окружающей обстановки и ее отдельных элементов может быть произвольным и непроизвольным. Преступник после совершения преступления прячет в определенном месте использованное им оружие, специально (произвольно) запоминает обстановку, чтобы впоследствии найти спрятанное.

Однако чаще всего следователю (дознавателю) приходится иметь дело с непроизвольным запоминанием, когда лицо не ставит перед собой цель запомнить обстановку и обстоятельства прошедшего события.

Топографическая или пространственная ориентация – это умение человека определять основные пункты, границы, характерные черты, коммуникации, взаиморасположение отдельных участков местности и местных предметов, а также свое положение относительно них.

Человеку, который постоянно проживает в городе, все деревья, как правило, кажутся подобными. Он в лучшем случае определит их породу,

но не сможет различить отдельные экземпляры или группы. Зато сельский житель легко схватывает индивидуальную разницу в растительности, но, попав в город, ему будет трудно разобраться в особенностях того или иного района, улицы или здания, в частности, если они удалены от центральной части города.

Обычно жителю равнинной местности трудно ориентироваться в горах, а человек, который проживает и работает в небольших и невысоких зданиях, теряется в многоэтажном доме. Избирательность восприятия местности приводит к тому, что разные люди запоминают разные ориентиры. Водитель лучше хранит в памяти дорожные знаки, заправки, станции технического обслуживания, сложные участки дороги, повороты, перекрестки. Домохозяйка, скорее, использует в качестве ориентиров магазины, рынки и другие объекты, отвечающие ее интересам и связанные с характером деятельности в момент пребывания ее в данном месте.

Восприятие местности носит выборочный характер в зависимости от ракурса, в котором воспринимался отдельный участок местности. Если человек проходил определенной дорогой только в одном направлении, то при обратном движении он может и не узнать места, где находился раньше.

Лучше всего запоминаются такие особенности местности и местных предметов, которые связаны с началом или окончанием действий, поворотные пункты маршрута движения, то есть входившие в содержание деятельности человека. Например, место, выбранное для засады, лаз, который использовался для проникновения в хранилище – данные элементы относятся к мотивам и цели деятельности, всегда запоминаются конкретнее и точнее.

При выходе на место для проведения следственного эксперимента часто следователь (дознаватель) имеет дело с такими элементами местности, которые, не обладая свойствами ориентиров, имеют особое значение лишь в связи с данным событием. Ими являются так называемые опорные пункты: место встречи соучастников, место нападения на потерпевшего, место хранения похищенного, начальный и конечный пункты передвижения, точка осуществления выстрела и тому подобное.

В топографических представлениях различаются две формы: мысленная карта-путь (карта-передвижение) и мысленная карта-обзор.

На карте-пути мнимая местность воспроизводится сукцессивно в соответствии с мысленным маршрутом передвижения человека на местности.

Карта-обзор является симультанным изображением местности, когда человек воспроизводит пространственные соотношения между участками и предметами и их особенности независимо от движения по этой территории.

Переходной формой от карты-передвижения к карте-обзору является мысленный обход территории. В таком случае человек постоянно связывает окружающую обстановку с пунктами своего собственного пребывания.

Повторное восприятие обстановки события усиливает работу памяти. Поэтому следователь (дознаватель) при производстве следственного

эксперимента предлагает лицу, которое дает показания, выполнять те же действия, которые выполнялись им ранее, и выясняет характер эмоций, которые проявляются в этот момент. При производстве следственного эксперимента у подозреваемого может иметь место широкая амплитуда психических состояний (страх, фрустрация, стресс). Такие эмоциональные переживания в отдельных случаях могут помешать надлежащему проведению следственного действия.

Также уместно использовать натурные модели. Во-первых, этот тактический прием направлен на актуализацию в памяти момента совершения общественно опасного деяния. Во-вторых, он определенным образом влияет на психологические ситуации преступников, может вызвать у них переживания, которые выливаются в искреннее признание.

Во время расследования преступлений, совершенных группой лиц, обязательным тактическим приемом является проведение следственного эксперимента отдельно с каждым лицом. Кроме предотвращения негативного влияния соучастников друг на друга, данный тактический прием уменьшает возможность их предварительного сговора [2, с. 8].

Во время проведения следственного эксперимента запрещается прибегать к оказанию какого-либо психологического давления на лиц, участвующих в нем.

Также тактически верным является использование во время проведения следственного эксперимента видеофиксации. Это решение позволит не только пересмотреть ход действия после его завершения с целью анализа поведения лица, чьи показания проверяются, но также доказать правильность и законность самого эксперимента [3, с. 248].

Таким образом, следственный эксперимент является сложным следственным действием, при производстве которого следователю (дознавателю) необходимо руководствоваться основными положениями психологии, а также знать и уметь применять на практике основные психологические приемы, которые будут способствовать получению наиболее достоверных результатов следственного эксперимента.

---

1. Сергеев В.В. Организация и тактико-психологические основы производства следственного эксперимента на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Волгоград, 2018. С. 26.

2. Драпкин Л.Я., Пяткова И.Г. Тактико-криминалистические аспекты проведения следственного эксперимента // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 3. С. 8–11.

3. Киселев Е.А., Осипова Т.В. К вопросу применения криминалистической техники при проведении проверки показаний на месте и следствен-

ного эксперимента // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3). С. 248.

Сведения об авторах

Миронова Анна Валентиновна. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры уголовного процесса.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

143100, Российская Федерация, Московская область, Рузский городской округ, п. Старотеряево.

Мандрыка Юлия Сергеевна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: предварительное расследование, следственное действие, собирание доказательств, процесс доказывания.

Миронова Г.А., Виноградова В.А.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о некоторых правовых позициях Верховного Суда РФ, связанных с компенсацией морального вреда в уголовном процессе. На основе изучения мнения различных ученых, а также Верховного Суда РФ делается вывод, что правовые позиции Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда участникам уголовно-процессуальных отношений будут способствовать формированию единства судебной практики и укреплению основ справедливого правосудия по уголовным делам.

Термин «моральный вред» используется в различных отраслях права и законодательства. Он уже длительное время воспринимается как правовая категория, а компенсация морального вреда часто рассматривается в качестве принципа развитых правовых систем.

В гражданском законодательстве и науке гражданского права моральному вреду как правовой категории, компенсации морального вреда как правовому компенсаторному механизму традиционно уделяется повышенное внимание [1, с. 51]. В гл. 59 Гражданского кодекса Российской

Федерации (далее – ГК РФ) выделен отдельный параграф 4 «Компенсация морального вреда», где изложены общие положения, основания, способы компенсации морального вреда и правила определения размера компенсации. Указанные положения вкупе со ст. 151 ГК РФ, как будет показано далее, являются базисными и для уголовного процесса, когда у органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, возникает обязанность принятия мер обеспечения возмещения вреда потерпевшему. В ч. 4 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусмотрено заявление потерпевшим иска о возмещении ему в денежном выражении причиненного преступлением морального вреда и его рассмотрение в уголовном деле или в порядке гражданского судопроизводства.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства понятие «моральный вред», наряду с физическим и имущественным вредом, закреплено в ч. 1 ст. 42 УПК РФ как самостоятельное основание признания лица потерпевшим. В связи с развитием межотраслевого правового института реабилитации и выделением в структуре УПК РФ гл. 18 «Реабилитация» термин «моральный вред» приобрел значение полноценного элемента названного института, органично формирующего его содержание. Данная правовая категория нормативно выражена в автономной ст. 136 УПК РФ «Возмещение морального вреда». Анализируя ее текст, можно увидеть «созвучность» положений ст. 1101 ГК РФ и ст. 136 УПК РФ. Однако ст. 136 УПК РФ сконструирована исключительно в интересах реабилитированного лица, подвергавшегося уголовному преследованию. Отсюда в ней приведен конкретный, но не исчерпывающий перечень уголовно-процессуальных решений и действий, опубликование сведений в печати либо распространение их по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации, которое способно причинить реабилитированному моральный вред. В ст. 1101 ГК РФ применен другой прием законодательной техники: соответствующая норма в ней сформулирована безотносительно к отраслевому виду правоохранительной деятельности (уголовно-процессуальная, административная, полицейская, оперативно-разыскная) как норма общего плана, связывающая причинение морального вреда с распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство позаимствовало из гражданского права термин «моральный вред», отразивший две абсолютно разные правовые ситуации: 1) моральный вред является следствием совершения преступления, причиняется потерпевшему и близким ему лицам; 2) моральный вред является следствием незаконного уголовного преследования, причиняется реабилитированному. Вместе с правовой категорией «моральный вред» в уголовное судопроизводство внедрились и другие гражданско-правовые положения, участвующие в регули-

ровании деятельности по компенсации морального вреда потерпевшему и реабилитированному («юридическое лицо», «деловая репутация»).

Проникновение в уголовный процесс ряда гражданско-правовых терминов, связанных с правоотношениями по возмещению вреда, вдохновило отдельных исследователей выступить с предложением закрепить в ст. 5 УПК РФ общее понятие вреда и конкретных его видов.

Так, А.С. Кирилов характеризует вред как любые неблагоприятные последствия, наступившие в результате противоправных действий, посягающих на охраняемые законом интересы, а под моральным вредом предлагает понимать нравственные страдания и (или) психическое расстройство, которые носят нематериальный характер и влекут за собой негативные последствия для участников уголовного судопроизводства [2, с. 184–185].

Не вступая в дискуссию по поводу содержания предложенных дефиниций правовых категорий «вред» и «моральный вред», отметим, что мы не считаем, в принципе, целесообразным их размещение в УПК РФ. Иное означает недооценку объективно протекающего процесса специализации отраслей, в основе которого лежит предмет правового регулирования. Будучи распространенным на сферу уголовно-процессуального регулирования, правовая категория «моральный вред» не перестает «обслуживаться» нормативной инфраструктурой, регулирующей отношения по поводу защиты нематериальных благ (гл. 8 ГК РФ).

Каждое из направлений уголовно-процессуальной деятельности, связанной с компенсацией морального вреда потерпевшему, реабилитированному, характеризуется определенным набором проблемных ситуаций.

Например, при изучении уголовных дел С.А. Синенко выявил недостатки в доказывании наличия, а также обоснования размера морального вреда, причиненного преступлением. В большинстве случаев, отмечает автор, исковые требования о компенсации морального вреда выражались потерпевшими только в ходе судебного заседания, в то время как анализ значительного числа материалов позволял сделать вывод о том, что следователи не предпринимают мер к заявлению потерпевшим иска о компенсации морального вреда (право потерпевшего на заявление такого иска не разъясняется) и фактически перелагают бремя доказывания размера, подлежащего компенсации морального вреда на суд [3, с. 112–114].

Следственно-судебная практика в части компенсации морального вреда от преступления испытывает затруднения из-за отсутствия выработанных в теории четких критериев определения размера компенсации морального вреда, а также устранением правоохранительных ведомств от подготовки соответствующих методических рекомендаций для правоприменителя. Разрешение исков о компенсации морального вреда характеризуется широким субъективным усмотрением при разрешении данных вопросов, значительным занижением взыскиваемых судом сумм в возмеще-

ние морального вреда, явно несоразмерным, не соответствующим перенесенным потерпевшим физическим и нравственным страданиям.

Немаловажное значение в контексте обсуждаемых вопросов отводится и правовым позициям Верховного Суда РФ, придающим конкретный смысл нормам о компенсации морального вреда. Почти 30 лет суды руководствовались разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». Данный документ включал 10 пунктов, из которых только один касался гражданского иска о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Фрагментарно эту тему Пленум Верховного Суда РФ затронул и в постановлениях от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [4] и от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [5].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 33) подробно изложены общие и частные вопросы, возникающие у правоприменителя и граждан при обращении к законодательным положениям о возмещении морального вреда [6]. С большим удовлетворением можно отметить, что в Постановлении № 33 уделено большое внимание уголовно-процессуальным аспектам компенсации морального вреда. Каждая позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении № 33 относительно применения норм гражданского законодательства о компенсации морального вреда в уголовном деле либо в реабилитационном производстве, достойна подробного рассмотрения. В настоящей статье дается краткий анализ лишь отдельных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

1. С учетом понимания законодателем (ч. 1 ст. 151 ГК РФ) морального вреда как физических и нравственных страданий гражданина, причиненных противоправными действиями (бездействием), Пленум Верховного Суда РФ дает развернутую характеристику физическим и нравственным страданиям. Подчеркивается объективный, материальный характер физических страданий, которые имеют внешнее проявление: физическая боль, связанная с причинением увечья или иным повреждением здоровья; заболевание, ограничивающее возможность передвижения; неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы. Важно, что Верховный Суд РФ исходит из достаточности оснований для удовлетворения иска о компенсации морального вреда при установлении самого факта причинения вреда здоровью, даже если нет возможности определить степень его тяжести (п. 14).

2. Обращается также внимание на то, что привлечение к уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого, причинившего вред здоро-

вью потерпевшего, не рассматривается в качестве обязательного условия удовлетворения иска (абзац 2 п. 15).

3. Развернутые разъяснения даны о способах компенсации морального вреда. Здесь интерес представляют иные, кроме непосредственной передачи денежных средств потерпевшему, формы устранения морального вреда: уход за потерпевшим, передача какого-либо имущества (транспортного средства, бытовой техники), оказание какой-либо услуги, выполнение самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего.

Практически полезной является изложенная в абзаце 2 п. 24 Постановления № 33 позиция о возможности фактически дополнительного к уже выплаченной (предоставленной в неденежной форме) во внесудебном порядке компенсации взыскания в пользу потерпевшего в порядке гражданского судопроизводства.

4. В п. 39 Постановления № 33 содержатся два, на наш взгляд, актуальных и важных разъяснения. Первое, на что обращается внимание судов – это то, что возможность взыскания в пользу реабилитированного компенсации морального вреда, причиненного уголовным преследованием, не обусловлена наличием соответствующего реабилитирующего решения (оправдательного приговора, вынесенного в отношении гражданина, или постановления (определения) о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям либо решения органа предварительного расследования, прокурора или суда о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого).

В этом же пункте предпринята попытка очертить круг случаев, которые не охватываются собственно институтом реабилитации, а тяготеют к развивающемуся в рамках уголовно-процессуального законодательства институту возмещения вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу (ч. 3 ст. 133 УПК РФ) [7, с. 1236].

Поэтому как весьма перспективную и прогрессивную следует оценить позицию Верховного Суда РФ о допустимости принятия судом в порядке гражданского судопроизводства решения о взыскании компенсации морального вреда, причиненного при осуществлении уголовного судопроизводства, например, при отмене меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с переквалификацией содеянного на менее тяжкое обвинение, по которому данная мера пресечения применяться не могла.

5. Необходимость дать судам разъяснения, изложенные в п. 44 Постановления № 33, продиктована отсутствием единого подхода в толковании положений ч. 4 ст. 11 УПК РФ, предусматривающей возмещение лицу вреда, наступившего в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование. Разногласия касаются круга лиц, имеющих право на компенсацию мо-

рального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными. Реализация указанной правовой позиции предполагает четкое представление по таким вопросам, как порядок признания незаконными проведенных в жилище обыска, выемки, а также какая надлежащая судебная процедура должна применяться при принятии решения о производстве компенсационных выплат для устранения морального вреда.

В завершение необходимо сказать, что в Постановлении № 33 Пленум Верховного Суда РФ дал и другие разъяснения по вопросам компенсации морального вреда, возникающим в сфере уголовного судопроизводства (о праве требовать компенсации морального вреда потерпевшим от преступления против собственности – пп. 5 и 17; об условиях возложения на частного обвинителя обязанности компенсации морального вреда, причиненного необоснованным возбуждением уголовного дела – п. 40; о временных границах предъявления в уголовном деле иска о компенсации морального вреда, причиненного гражданину непосредственно преступлением – п. 59; о последствиях предъявления повторного требования о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, которое ранее разрешалось в порядке уголовного судопроизводства и в удовлетворении которого было отказано или производство по гражданскому иску было прекращено – п. 64).

В совокупности с ранее рассмотренными правовые позиции Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда участникам уголовно-процессуальных отношений будут способствовать формированию единства судебной практики и укреплению основ справедливого правосудия по уголовным делам.

---

1. Бакунин С.Н., Вробьев С.М. Развитие института компенсации морального вреда в России и проблемы его возмещения: (гражданско- и уголовно-правовые аспекты): монография / М-во юстиции Рос. Федерации, Акад. права и упр. Рязань: Акад. права и упр. Минюста России, 2004. 51 с.

2. Кирилов А.С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 184–185.

3. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография. Орел, 2015. С. 112–114.

4. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29.06.2010 № 17: в ред. от 16.05.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилита-

цию в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29.11.2011 № 17: в ред. от 28.06.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2022 № 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Головко Л.В. Курс уголовного процесса. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021. 1236 с.

Сведения об авторах

Миронова Гаяна Александровна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Виноградова Варсеник Артуровна. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры уголовно-процессуального права.

Российский государственный университет правосудия (Северо-Кавказский филиал).

350020, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234.

Ключевые слова: моральный вред, Верховный Суд РФ, компенсация, участники уголовного судопроизводства.

Мовсисян А.Г.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НАЛОЖЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящей статье рассматриваются вопросы наложения денежного взыскания в уголовном процессе. Автором предложены меры по совершенствованию процессуального порядка наложения денежного взыскания.

В разное время отношение к институту наложения взыскания менялось. Данную меру считают методом, доказывающим неотвратимость наступления ответственности. Таким образом, актуальность исследования очевидна, так как институт наложения взыскания при рассмотрении уголовных дел имеет большое значение.

Денежное взыскание наряду с другими мерами процессуального принуждения играет важную роль в уголовном процессе, так как посредством применения этой меры к нарушителям норм Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) обеспечивается процессуальная дисциплина в ходе досудебного расследования и уголовного судопроизводства. Права человека нуждаются в защите и охране, подкрепленные государственной поддержкой. Механизм защиты права человека выступает в качестве объективной необходимости функционирования правового государства.

Основанием процессуальной ответственности выступает деяние, выраженное активно или пассивно. В любом случае обе эти формы должны быть противоправными. Противоправность – это признак любого правонарушения и обозначает поведение, не отвечающее требованиям закона. То есть для признания противоправным, необходимо, чтобы правило поведения содержалось в нормах закона и было подкреплено соответствующими мерами реагирования на его нарушение. Это базовая характеристика всех правонарушений, включая проступки, преступления и деликты.

Каждому гарантируется защита прав и свобод. Никто не может быть ограничен в этом. Но тем не менее круг прав одного индивида заканчивается там, где начинается круг прав другого. Во избежание возможного факта злоупотребления своими правомочиями каждый случай предъявления претензий о компенсации материального и морального вреда от действий сотрудников органов публичной власти должен тщательно разбираться и анализироваться. Для этого в законе есть исчерпывающий ряд оснований, при наличии которых пострадавший субъект может рассчитывать на справедливое решение.

Правосудие имеет универсальный характер, так как охватывает своим действием любое возникшее противоречие в интересах различных субъектов. УПК РФ [1] устанавливает основы уголовного судопроизводства, порядок рассмотрения уголовных дел, права и обязанности его участников и другие вопросы. Нормы УПК РФ еще раз подтверждают принцип судебной защиты прав человека в случае нарушения их уголовно наказуемым деянием другого лица.

Денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ) – это мера уголовно-процессуального принуждения, целью которой является исполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также соблюдение ими порядка в судебном заседании. Порядок наложения соответствующей меры уголовно-процессуального принуждения установлен ст. 118 УПК РФ.

Тем не менее наложение денежного взыскания в уголовно-процессуальной деятельности отличается рядом особенностей:

1. Целью наложения денежного взыскания. Целью денежного взыскания является превентивная и восстанавливающая справедливость. Лицо, нарушающее процессуальный порядок, после того как суд подвергнет его

этой мере ответственности, в дальнейшем будет более осмотрительнее относится к своим обязанностям.

2. Поводом к реализации меры принуждения. Правом вынести решение о наложении взыскания обладает суд. Однако если нарушение было допущено во время предварительного расследования, следователь также может инициировать дело о наложении этой меры принуждения на виновное лицо путем направления соответствующего протокола в суд.

3. Основаниями применения. Основание применения денежного взыскания – процессуальное правонарушение. Поводом к наложению взыскания в уголовном процессе является нарушение процессуального порядка или невыполнение соответствующей обязанности, которая должна быть выполнена в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

4. Кругом лиц, в отношении которых устанавливается денежное взыскание. В нормах Кодекса указано, что взыскание может быть наложено на участников судопроизводства, но их конкретный перечень не содержится в данной статье.

5. Суммой денежного взыскания, налагаемой на лицо. Сумма определена в статье путем указания крайнего предела денежного взыскания – 2 500 рублей. Однако более четких указаний по поводу суммы не указано.

6. Механизмом реализации [2]. Механизм реализации состоит из нескольких этапов: фиксация процессуального правонарушения, ознакомление с протоколом лица, направление протокола и материалов в соответствующий судебный орган, вынесение постановления и вступление его в силу.

На практике возникает вопрос хода порядка принудительного наложения денежного взыскания. Процессуальным законом не четко урегулирована правовая процедура применения этой меры ответственности судом, если фактически нарушение осуществлено в ходе начала досудебного урегулирования или же нарушение произведено после постановления судебного приговора.

Механизм наложения денежного взыскания выступает как единая система, сочетающая в себе четко регламентированный порядок всех процессуальных действий, правовые статусы потерпевшего и подсудимого, а также других участников. Само взыскание непосредственно реализуется при вступлении в силу судебного решения о наложении взыскания в пользу федерального бюджета.

В уголовно-процессуальном законодательстве должен быть расширен перечень ситуаций, запускающих применение судом положений ст. 117 УПК РФ за нарушения, допускаемые подозреваемым, обвиняемым, защитником и во время производства различных следственных действий, должны также обеспечиваться возможностью применения к нарушителям имущественной ответственности в виде денежного взыскания [3].

Проанализировав нормы УПК РФ, очевиден вывод, что законодателем установлен перечень лиц, на которых может быть наложено взыскание в рамках уголовного процесса, то есть перечень, указанный в норме закона, толкуется гораздо шире. Толкование права – это обязательный элемент существующего процесса применения правовых норм, поскольку ход процесса применения норм права невозможен без корректного понимания ее смысла. Практика показывает, что многие принятые нормативные правовые акты нуждаются в разъяснении перед их применением.

Например, свидетель допускает бездействие и оставляет без внимания должную явку к следователю, в органы дознания или в суд по причине отсутствия информированности о последствиях своего нарушения. При этом нарушение процессуального порядка ведет к затягиванию процесса, вынуждает суд откладывать рассмотрение дела, нарушает интересы других участников дела. Также немаловажно, что государство терпит убытки. И.Б. Тутынин отмечает: «В федеральный бюджет не поступают денежные средства, которые могли бы улучшить благосостояние государства, в том числе с адресным направлением финансовых потоков на совершенствование системы органов юстиции» [3].

Предел денежной суммы, налагаемый на виновного в случае нарушения им своих процессуальных обязанностей, составляет 2 500 рублей. Однако в особенной части УПК РФ содержится и другая сумма – до 10 000 рублей. Такая сумма может быть наложена в качестве меры ответственности на поручителя, который несет ответственность за взятого на поруки. Если подотчетный все-таки допустил нарушение ограничений, то поручитель будет привлечен к ответственности.

В данной статье за нарушение обязанностей поручителя сумма взыскания – до десяти тысяч рублей, что превышает основную норму в четыре раза. Т.Б. Гараева отмечает: «Тем не менее, остается открытым вопрос, каким именно образом определяется сумма в рамках денежного взыскания и какие обстоятельства влияют на это» [2]. Размер сумм в нормах закона указан, но нет критериев для определения конкретной суммы к конкретным обстоятельствам нарушения процессуальных обязанностей. Решением рассматриваемых проблем могло бы быть внесение соответствующих изменений в законодательство, а также обобщение практики Пленумом Верховного Суда РФ в своих постановлениях [4].

Существующие на текущий момент проблемные практические вопросы применения положений о судебном наложении денежного взыскания в рамках стадий уголовного процесса выступают серьезными последствиями для круга участников дела. Выявленные проблемы на сегодняшний момент актуальны и определяют дальнейшую необходимость совершенствования уголовно-процессуальных норм. Если лицо уверено, что его права нарушены, но в ходе разбирательства суд выяснит, что требования не обоснованы или истец злоупотребляет своими правами, то в таком слу-

чае суд должен вынести решение по существу спора, руководствуясь фактическими данными и нормами закона. При этом в нормах действующего УПК РФ наблюдается ряд противоречий, которые появляются в процессе фактического вынесения постановления о наложении денежного взыскания на виновного участника разбирательства, в результате чего нарушается принцип равноправия сторон.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 17.02.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Гараева Т.Б. Наложение денежного взыскания: проблемы правоприменения в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2018. № 5 (161). С. 139–143. EDN YCMZEL.

3. Тутынин И.Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2 (26). С. 23–29. EDN PTTKGG.

4. Солодовников Н.А. Проблемные вопросы денежного взыскания в уголовном процессе // 2019. № 6. С. 85–89. EDN DXOOHP.

Сведения об авторе

Мовсисян Анна Галиевна. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: уголовный процесс, денежное взыскание, меры процессуального принуждения, досудебное производство, суд.

Можаева И.П., Шульгин Е.П.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Актуальность предпринятого в научной статье исследования современного состояния и перспектив цифровизации деятельности следственных органов определяется совокупностью таких факторов, как: а) недостаточная теоретическая проработанность вопросов цифровой трансформации деятельности следственных органов; б) несовершенство правового регулирования, рассматриваемой сферы; в) сложности при ор-

ганизации внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации в деятельность следственных органов.

Цифровая трансформация всей системы органов государственной власти, правоохранительных органов и их деятельности, а также переход досудебного расследования на электронный формат производства являются современными реалиями различных сфер жизнедеятельности [1; 2; 3]. С учетом формирования цифрового пространства и интегративного характера цифровых технологий это направление в современных условиях находится под пристальным вниманием научной общественности и практиков.

Осуществляя познание состояния и перспектив цифровизации деятельности следственных органов, важно выделить основные аспекты: 1) формирование теоретико-методологических основ цифровизации деятельности; 2) построение многоуровневой интегрированной системы правового регулирования (фундамента) электронного судопроизводства; 3) формирование организационного механизма внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации в деятельность следственных органов; 4) формирование и апробация модели «электронного судопроизводства»; 5) выстраивание системы информационной безопасности и конфиденциальности.

Рассматривая теоретико-методологические основы цифровизации деятельности следственных органов, важно обратить внимание, что научная общественность на протяжении последнего десятилетия активно исследует различные аспекты, связанные с информационным обеспечением, техническим оснащением, использованием информационных технологий в деятельности органов досудебного расследования, электронными доказательствами и т.д. Современное состояние и перспективы цифровизации деятельности следственных органов являются предметами дискуссий на научно-представительских мероприятиях различного уровня, выступают в качестве научного поиска монографических и диссертационных исследований.

Анализируя генезис научных знаний в этой сфере, возможно констатировать, что первоначальные исследования касались поиска оптимальных средств, приемов и методов работы с электронными доказательствами. Теоретические изыскания были обусловлены необходимостью построения системы научных знаний о цифровизации в целом уголовного судопроизводства, формулировании положений, отражающих процесс внедрения и использования информационных технологий в деятельности органов досудебного расследования преступлений и выработке на их основе рекомендаций научно-прикладного характера.

Следует обратить внимание, что организация деятельности, как и сама деятельность по производству расследования, обладает познавательно-информационной функцией. Рассматриваемая функция включает несколько компонентов: во-первых, это поиск и сбор доказательственной инфор-

мации; во-вторых, систематизация и анализ доказательственной информации; в-третьих, обеспечение формирования информационно-цифровой среды, в которой протекает и организовывается данная деятельность.

Исследуя общетеоретические проблемы цифровизации и разрабатывая на их основе систему теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, Е.Р. Россинская справедливо выделяет учение о взаимосвязях и разграничениях цифровизации судебно-экспертной и криминалистической деятельности [4, с. 213]. Формирование информационно-цифровой среды обеспечения досудебного производства, как отмечает исследователь, – это «отдельная междисциплинарная задача, решение которой позволяет автоматизировать процессы предварительного и судебного следствия, включая формализацию и цифровизацию процессуальных документов, регистрационных и отчетных материалов …» [5, с. 200].

Опытным путем доказано, что использование информационно-цифровой среды обеспечения досудебного производства позволяет перейти на новый уровень анализа и обобщения судебно-следственной практики, материалов уголовных дел, разработки и апробации информационно-поисковых моделей и алгоритмов расследования отдельных категорий преступлений, создания на основе возможностей искусственного интеллекта гибридных интеллектуальных методик расследования и т.д. [6].

Безусловно, информационно-цифровая среда обеспечения как досудебного производства, так и в целом правоохранительной деятельности не может формироваться без опоры на правовую основу. Рассматривая сферу правового регулирования цифровизации деятельности следственных органов в Российской Федерации, важно обратить внимание на ее поэтапное формирование с учетом уровней нормативной правовой базы, а также предпосылок и тенденций правовой трансформации общественных отношений [1; 2; 3].

В государствах – участниках СНГ правовое обеспечение цифровизации деятельности правоохранительных органов находится на разных стадиях, однако принципиально вектор уже определен: переход к электронному формату расследования в рамках правоохранительной деятельности получил общее признание. Особый интерес представляет опыт цифровизации органов государственной власти в Республике Казахстан.

В 2017 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) была введена юридическая категория «формат уголовного судопроизводства», предусматривающая его основные виды – бумажный и электронный (ст. 42-1 УПК РК) [7]. Однако за пределом внимания законодателя остался нерешенным категориально-понятийный вопрос, так как сущность понятия «электронный формат» в УПК РК не раскрыта. Попытка раскрытия его содержательной части исключительно на основе той совокупности уголовно-процессуальных норм, в которых указывается воз-

можность использования в рамках уголовного судопроизводства электронных документов, на наш взгляд, представляется не совсем удачной.

Исследуя перспективы и проблемы формирования организационно-правового механизма внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации в деятельность следственных органов Российской Федерации, следует привести точку зрения Л.А. Воскобитовой, которая считает, что в решении этой задачи наиболее целесообразен метод экспериментального использования цифровых технологий, сопровождаемый необходимым правовым регулированием, в частности, предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте. Экспериментальный переход к цифровым технологиям также может осуществляться путем перевода на эту технологию сначала лишь отдельных, наиболее формализуемых аспектов процессуальной деятельности [8, с. 95].

С учетом системно-деятельностного подхода деятельность следственных органов в современных условиях, обуславливающих переход на электронный формат, должна строиться с учетом четко выраженной структурно-содержательной модели.

Таким образом, следует признать наличие однородных тенденций и в Российской Федерации и в Республике Казахстан, за исключением того обстоятельства, что вопрос непосредственного внедрения электронного формата в деятельность следственных органов в Российской Федерации к настоящему времени остается лишь на стадии формирования предпосылок, связанных с возможностью: 1) внедрения элементов, направленных на оптимизацию правоохранительной деятельности; 2) исследования и разработки организационно-правовых аспектов деятельности; 3) формирования структурно-содержательной модели «электронного судопроизводства» и «электронного уголовного дела»; 4) поэтапного внедрения и апробации отдельных цифровых технологий и так далее.

Электронный формат расследования преступлений – это способ оптимизации данной деятельности, снижения бюрократического барьера на различных стадиях расследования (в том числе при решении вопросов о проведении различных судебных экспертиз, согласований продления сроков расследования, содержания под стражей и т.п.) [5, с. 42], устранения ошибок, рисков необоснованного увеличения сроков расследования, обеспечения различных видов ведомственного контроля и т.п.

Деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, должна быть нацелена на оптимизацию и перевод в цифровой режим всего процесса, а не только на создание идентичной копии уголовного дела в электронном виде. Справедливо обращает внимание О.В. Качалова, что одним из важнейших направлений оптимизации уголовного судопроизводства является его информатизация посредством введения электронного формата расследования преступлений [9, с. 96].

В процессе внедрения отдельных элементов электронного уголовного дела в деятельность по расследованию преступлений предполагается достижение следующих положительных аспектов: 1) реализация принципа открытости и гласности уголовного судопроизводства; 2) гарантии обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства; 3) гарантии обеспечения законности и качества предварительного расследования; 4) обеспечение соблюдения процессуальных сроков; 5) повышение открытости процесса расследования путем контроля надзорных органов и иных участников; 6) повышение персонифицированной ответственности и дисциплинированности сотрудников; 7) снижение рисков и ошибок [10, с. 253–255]; 8) экономичность процесса расследования за счет эффективного ресурсного обеспечения; 9) оперативность; 10) оптимизация документооборота в рамках специального делопроизводства, обеспечивающего уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность и тому подобное.

Всесторонне изучая опыт цифровизации правоохранительных органов зарубежных стран, обратим внимание, что осуществление досудебного производства в электронном формате уже сегодня позволяет говорить о наличии как эффективных результатов, так и проблемных вопросов (ошибок, недостатков). Это сложный, длительный процесс трансформации: во-первых, сознания субъектов правоохранительной деятельности; во-вторых, системы правового регулирования общественных отношений; в-третьих, модели организационно-правового механизма деятельности, который обусловлен как положительными, так и негативными тенденциями, в том числе и потенциальными рисками.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 07.10.2022 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

2. Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс]: программа, утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: https://government.ru/docs/all/112831.

3. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы [Электронный ресурс]: распоряжение МВД России от 11.01.2022 № 1/37: в ред. от 30.06.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Криминалистика (общие положения, техника, тактика): учебник для вузов / М.М. Горшков [и др.]; под редакцией А.А. Кузнецова, Я.М. Мазунина. М.: Юрайт, 2022. 400 с.

5. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: Концепция, система, основные

закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 198–200.

6. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Особенности формирования интегрированного правового фундамента электронного судопроизводства по преступлениям в сфере экономики // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1 (18). С. 149–158.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V: в ред. от 02.01.2021 // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.

8. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russia (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.

9. Качалова О.В. Современное Российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 95–98.

10. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. 322 с.

Сведения об авторах

Можаева Ирина Павловна. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Шульгин Евгений Петрович. Кандидат юридических наук. Начальник кафедры кибербезопасности и информационных технологий.

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова.

100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Ермекова, д. 124.

Ключевые слова: цифровая трансформация, деятельность следственных органов, основные направления цифровизации деятельности следственных органов.

Морозова Н.В.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЗНАЧИМЫХ АСПЕКТАХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГОЛОСА В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматриваются основополагающие положения, касающиеся исследования голоса человека в ходе назначения и производства фоноскопических экспертиз. Обозначены некоторые особенности звучания записанной на электронный носитель речи, на которые эксперт обращает внимание для идентификации личности.

Современная действительность позволяет фиксировать звуковую информацию на разнообразные электронные носители. Зачастую это записи с камер видеонаблюдения или аудиозаписи на диктофонах. На стадии возбуждения уголовного дела по тому или иному преступлению, а также в процессе его дальнейшего расследования данные объекты (их содержимое) позволяют получить существенный массив криминалистически значимых сведений о событии, личности преступника, жертве и иных важных фактах совершенного криминального явления. Однако для того чтобы такая информация могла приобрести процессуальную форму, необходимо, помимо всего прочего, предварительно использовать возможности института судебной экспертизы. Очевидно, что его результаты куда более значимы, чем получение заключения специалиста или справки об исследовании по интересующему следствие вопросу. Заключение эксперта – важное доказательство в любом уголовном деле [1, с. 71]. В данной статье речь пойдёт о судебной фоноскопической экспертизе.

Конечно, необходимо понимать, что очень часто записи поступают в экспертные учреждения не в самом хорошем качестве, и тогда эксперту необходимо не только идентифицировать лицо, его поведенческие характеристики по голосу, но и первоначально придать записи вид, пригодный для получения с неё данных без искажений.

Важным становится исследование психологических составляющих голоса, то есть установление антропометрических признаков лица по звучанию его речи, особенно в случаях значительной импульсивности, эмоциональности разговора. Внимание обращается также на стиль общения, интонацию, обороты речи, паузы, признаки волнения и многое другое. Впоследствии оказывается возможным определить и условия, при которых происходил разговор, где, сколько лиц участвовало в нём и т.д. [2, с. 253]

Так, для производства экспертизы следователю необходимо предоставить на исследование саму спорную запись, а также фонограммы речи конкретного лица (образцы). Последние могут быть свободными (не связанными с расследованием события), условно-свободными (полученными

в ходе расследования, но не для целей проведения экспертизы) и экспериментальными (отобранными специально для экспертизы в рамках расследования уголовного дела) [3, с. 151].

Однако необходимо помнить, что каждый из указанных видов может иметь как плюсы, так и минусы.

Так, свободные образцы обладают признаком отсутствия целенаправленного искажения информации, каких-либо речевых особенностей говорящего. В то же время оказывается не всегда ясно, кому из лиц принадлежит идентификационный признак, возникают сомнения по поводу его происхождения.

Что касается экспериментальных образцов, то они могут быть, очевидно, охарактеризованы как достоверные и в то же время качественные. Их недостатком будет являться лишь тот факт, что лицо, чей голос записан, может умышленно исказить получаемые от него образцы.

Учитывая некоторое несовершенство обоих видов образцов, можем сделать вывод, что для производства качественной фоноскопической экспертизы необходимо предоставлять на исследование по возможности все три вида. В процессе сравнения каждого из них эксперт сможет оценить, как менялся голос при наличии контролирующего фактора, в отличие от свободной эмоциональной обстановки. Без подобного сопоставления определить изменения в психологическом состоянии лица, произносящего речь на записи, будет практически невозможно [4, с. 101].

В этом случае эксперт оценивает просодические признаки речи – фонетические особенности, такие как тембр, ритм, интонация, а также артикуляционные – возникающие при движении речевых органов в процессе речевого акта.

Ещё одно существенное положение в процессе проведения фоноскопических экспертиз касается того, что необходимо производство изучения лексики говорящего. Она довольно полно способна отразить эмоциональное состояние человека в процессе беседы. Эксперт оценивает факт произношения слов в переносном значении, в значении преувеличения, просторечий, жаргонизмов, ругательных слов и т.д. Всё это может свидетельствовать о развитости, этичности говорящего, его психологическом состоянии в момент записи. Поэтому можно утверждать, что если в ходе анализа было выявлено несоответствие смысла сказанного конкретной ситуации, то данная информация априори будет иметь существенное криминалистическое значение для расследования и позволит достоверно объяснить эмоциональное состояние лица в этот момент [5, с. 43].

Для того чтобы эксперт смог качественно осуществить исследование голоса, а значит, и идентификацию человека, необходимо, чтобы предоставляемые сравнительные образцы соответствовали ряду требований, среди которых первоочередные это:

несомненность происхождения записи – утверждение о факте получения образца от конкретного лица, о месте его получения и изъятия;

сопоставимость – схожесть образца с исследуемым фрагментом аудио; для этого важно понимать, что голос человека имеет свойство изменяться в процессе жизнедеятельности (от состояния здоровья, вредных привычек, рода деятельности), и поэтому учитывать данный аспект крайне важно;

репрезентативность – достаточность идентификационных признаков, чего возможно добиться лишь при предоставлении качественных (диапазон частот минимум 100-5000 Г2), с разборчивым голосом, длительностью воспроизведения желательно не менее пяти минут записей.

Несомненно, важно отметить также факт того, что качественная идентификация лица по его голосу возможна только при использовании целого ряда программных комплексов экспертами. Они должны соответствовать требованиям высокого уровня передачи звукового сигнала, возможности анализа параметров частот звучания, построения графиков интонации, подсчёта характеристик.

Среди наиболее распространённых комплексов выделяют «OTExpert» и «ИКАР Лаб». Их преимущество заключается в том, что они способны фиксировать изменения тембра голоса, его тональности, частот, при этом возможно проведение шумоочистки и расшифровки текста, а затем фиксация результатов в виде таблиц и графиков. Кроме того, имеется функция поиска идентичных слов и звуков в разных аудиозаписях, лингвистических особенностей говорящих.

Таким образом, очевидно, что возможности фоноскопической экспертизы довольно широки. При идентификации личности по его речи возможно установить как общие признаки голоса, так и частные, среди которых удаётся выявить психологические особенности говорящего. Данная информация может иметь существенное доказательственное значение для расследования преступлений. Специфика проведения указанной экспертизы предполагает, что комплексом необходимых знаний должен обладать не только эксперт, но и следователь, назначивший её осуществление [6, с. 122]. Учитывая, что свойства устной речи в каждом конкретном случае носят индивидуальный характер, от упомянутых субъектов требуется высокая степень компетентности – начиная с процесса получения образцов для сравнительного исследования и заканчивая самим процессом идентификации, где обязательно использование не только теоретических знаний, но и особых технических средств.

---

1. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реа-

лизации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

2. Кузургашев Е.Г. К вопросу об особенностях назначения и производства фоноскопической экспертизы // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы Международной научной конференции (Красноярск, 5 декабря 2019 г.) / отв. за выпуск В.Л. Бопп, Е.А. Ерахтина. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 252–254.

3. Сретенцев А.Н. Перспективы развития системы идентификации личности в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1 (90). С. 151–156.

4. Семенов Е.А., Васюков В.Ф. Заключение специалиста: причины критической оценки в суде // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 100–102.

5. Чебоганов А.И. Значение фоноскопических экспертиз для раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы правоведения. 2020. № 2 (66). С. 40–44.

6. Голубева М.М. Особенности назначения и проведения фоноскопической экспертизы // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону, 19 апреля 2016 г.). Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 120–123.

Сведения об авторе

Морозова Наталия Владимировна. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, запись, голос, речь, фонограмма речи.

Сборник материалов

Международная научно-практическая конференция
(Орел, 12–13 октября 2023 г.)

«СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ»

К 30-летию принятия Конституции РФ

В двух частях
Часть 1

Корректор А.К. Аванесян

Подписано в печать 06.10.2023. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. – 15,81. Тираж 20 экз. Заказ № 340.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.